

ДИСКУРС 2/2016

DISCOURSE

Научный журнал.
Издается с сентября 2015 г.,
выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет „ЛЭТИ“ им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. М. Кутузов (председатель),
Н. К. Гигаури (зам. председателя), А. В. Звонцов (зам. председателя),
А. Ф. Иванов (главный редактор), О. Н. Артунян (отв. секретарь),
А. О. Бороноев, А. В. Волков, В. Д. Губин, П. П. Дерюгин, О. Ю. Маркова, Т. Д. Маслова,
А. Р. Плоткина, В. П. Семенов, Е. В. Строгеецкая, И. В. Цвигун, В. В. Щербина,
Б. С. Мырзалиев (Казахстан), Т. Ронгинска (Польша), д'Аскензо Фабрицио (Италия)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

Философские науки	Маркова Ольга Юрьевна , д-р филос. наук, профессор каф. философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
Экономика и управление народным хозяйством	Семенов Виктор Павлович , д-р экон. наук, профессор, зав. каф. менеджмента и систем качества СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
Социологические исследования	Строгеецкая Елена Витальевна , канд. полит. наук, доцент, зав. каф. социологии и политологии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс 71225
по объединенному каталогу
«Пресса России».
Том 1 «Газеты и журналы».
Подписка производится в любом
почтовом отделении России

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793

Электронный адрес журнала:

на сайте СПбГЭТУ «ЛЭТИ»:
в системе РИНЦ:

<http://www.eltech.ru/ru/universitet/izdatelstvo/zhurnal-diskurs>
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=55485

Адрес редакции журнала:

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 234-10-13
E-mail: discourse@etu.ru

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 346-28-56
Тел.: +7 (812) 346-45-23

Редакторы:

Е. О. Вережкина, О. Р. Крумина, Н. В. Кузнецова

Компьютерная верстка

Е. Н. Паздниковой, Е. С. Николаевой

Подписано в печать 18.04.16. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 19,25.
Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.) Заказ 34.

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Склярова А. М.</i> Критическая философия И. Канта.....	5
<i>Короткий С. В.</i> Корпоративная культура глобальных компаний.....	17
<i>Кузин И. В.</i> Статус и роль телесности у «раннего» К. Маркса и в феноменологии Э. Гуссерля....	28
<i>Тузов В. В.</i> Толерантность и миграция.....	41
<i>Горячев А. А.</i> Познавательльно-просветительская интенция в текстах рекламы и бизнес-PR: функциональная нагрузка и жанровое воплощение.....	49

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

<i>Семенов В. П., Будрин А. Г., Зонис М. М., Солдатова А. В.</i> Концепция комплексного экономического анализа маркетинговой деятельности компании	57
<i>Мишальченко Ю. В., Ююкина Т. И.</i> «Экономический пояс Шелкового пути»: тенденции развития в международной экономической и правовой системах.....	68
<i>Гуляева О. А., Мардас А. Н., Мардас Д. А.</i> Прогнозная оценка результативности стратегии развития производственно-экономической системы	79
<i>Брусакова И. А., Барыкин С. Е.</i> Предмет финансовой логистики как объект исследования инновационного менеджмента	87
<i>Тумарова Т. Г., Добросердова И. И., Фомичева Н. М., Сулейманкадиева А. Э.</i> Оценка эффективности магистерской подготовки в системе непрерывного образования в условиях экономики знаний	94

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Иванов О. И.</i> Социолог в междисциплинарном социальном исследовании	102
<i>Игнатъев В. И.</i> Деконструкция социальной реальности в информационно-квантовом резонансе.....	112
<i>Милецкий В. П., Пименов Н. П.</i> Современный инструментарий исследования политических коммуникаций в трансформирующемся российском обществе	122
<i>Смирнов П. И.</i> Возвращение к позитивизму в теоретической социологии: необходимость и возможность	133
<i>Фетисов В. Я.</i> От онтологического обоснования предмета социологии к раскрытию ее социальных функций	142
Сведения об авторах	149
Правила представления рукописей авторами	152

Уважаемые читатели!

В 2016 г. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет отмечает 130-ю годовщину со дня своего основания. Наш университет достойно подходит к юбилейной дате.

Потенциал университета основывается на результатах деятельности многих поколений ученых и педагогов, прошедших школу ЭТИ, ЛЭТИ, СПбГЭТУ.

Еще на рубеже XIX и XX вв. Электротехнический институт Императора Александра III стал признанным центром электротехнической науки и образования в России.

Кафедры гуманитарного профиля были организованы в институте в 20–30-х гг. XX в., и в 1989 г. они вошли в состав вновь образованного факультета общественных наук и гуманитарной подготовки, впоследствии получившего название «Гуманитарный факультет». Через три года институт получил статус университета, и в 1993 г. приступил к подготовке студентов по гуманитарному направлению. Первый выпуск дипломированных специалистов на факультете был осуществлен в 1999 г. На факультете изучаются проблемы философии науки и техники, социологии управления, политической социологии. Одновременно был образован факультет «Экономика и менеджмент», где готовят специалистов в области менеджмента качества, управления инновациями, экономистов по организации и управлению предприятиями и отраслями.

Сегодня кафедры гуманитарного факультета и факультета экономики и менеджмента не только ведут занятия со студентами технических факультетов, но и успешно осуществляют подготовку бакалавров, магистров и аспирантов по гуманитарным, социальным и экономическим направлениям. В XXI в. наш университет развивается как центр интегральных научных исследований по фундаментальным, техническим, гуманитарным и социально-экономическим наукам.

Появление в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете «ЛЭТИ» научного журнала «Дискурс» открыло новую страницу в научной деятельности преподавателей, сотрудников и аспирантов, предоставило им пространство для размышлений и дискуссий как между специалистами, так и с широкой общественностью.

Объединение в одном журнале статей, относящихся к разным научным сферам, позволяет реализовывать принцип междисциплинарности исследований, который является наиболее эффективным в современном научном познании. Обсуждение актуальных вопросов на страницах журнала послужит дальнейшему плодотворному сотрудничеству нашего университета с вузами и академическими институтами Санкт-Петербурга и России, а также с коллегами из других стран.

Поздравляю всех авторов и читателей журнала «Дискурс» с юбилеем университета и желаю всем дальнейших творческих успехов!

Председатель
редакционного совета журнала,
ректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

В. М. Кутузов

УДК 37.0.14

А. М. Склярова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КРИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА

Рассматривается кантовская критика догматической философии, выделяется и анализируется критический подход к исследованию и пониманию трансцендентального метода как требование и задача научной философии; прослеживается понятийная дедукция и понятийная систематика, реализованная Кантом в критике чистого разума.

Догматическая и критическая философия, эмпиризм, сенсуализм, скептицизм, рационализм, трансцендентный и трансцендентальный, чувственное созерцание, рассудок, разум, апостериорные и априорные аналитические и синтетические суждения, метод критического разума, антиномии чистого разума о начале мира, душе, свободе и Боге

Философию нужно любить и ею жить.

Гете

Плодотворное влияние великих философских систем заключается в том, что они, подняв нас на свои плечи, открывают не только новые горизонты мирозерцания и мировоззрения, но и учат нас культуре мышления, что особенно актуально в нынешне непростое время компьютерных технологий и изобилия всевозможной информации.

И. Кант в своей критической философии утверждает истинно научные условия человеческого познания и создает для этого принципы, которые настолько же обосновывают, насколько и ограничивают наше знание. Познавать, по И. Канту, означает следовать отчетливо сознаваемым положениям, вооружать каждый акт познания, каждое суждение полным сознанием их оснований – такова подлинная цель критической философии.

И. Кант попытался обновить философию радикально, так как видел, что ее безусловное признание пошатнулось. В древнем мире господствовала метафизика, в Средние века – теология, в новое время – науки, основанные на наблюдении. Усиливалось значение отдельных областей человеческого познания, умалялось царственное значение философии и даже подвергалось сомнению ее право на существование. В этих условиях свою задачу И. Кант видел в упрочении положения философии, завоевании ею нового признания, неоспоримого для опытных наук. Философия становилась лишней, по И. Канту, являлась только двойником опытных наук и повторяла только то, что было открыто и познано последними; она была плоха, когда хотела объяснить те же самые вещи независимо от всякого опыта. Да, она должна была уступить дорогу опыту, но не терять его из виду: прежде всего философия должна была покинуть поприще опытных проблем, поприще познания

вещей и сделать своей проблемой *возможность самого опыта, возможность познания вещей вообще*. Разрешением этой проблемы она давала начало новому взгляду на мир.

В этом и состоял основной вопрос критической философии И. Канта: как возможен вообще факт опыта и познания вещей? Поскольку опыт не есть и не может быть сам для себя предметом, постольку же невозможно решение этого вопроса при посредстве опыта. Поскольку же необходимо его решение, постольку требуется научное, отличное от опыта исследование, направленное на определение его роли в научном познании. Кант отказался *от догматического подхода* в теории познания, утверждая, что условия познания и опыта не могут быть сами познанием или опытом, а должны предшествовать им, как в природе причины – действиям. Большая разница, по Канту, между тем, что выходит за пределы нашего познания или превышает его (*трансцендентное*), и тем, что ему предшествует и что было обозначено Кантом как *apriori* или *трансцендентальное*. Первое лежит по ту сторону горизонта нашего познания, последнее – по эту. Кантовское исследование направлено на установление условий человеческого познания. В этом состоит философия И. Канта – признать познание не догматически, а расследуя его, отвечая на вопросы, как и почему возможно познание.

Чтобы понять критическую философию Канта, необходимо ответить на вопрос: что значит вообще мыслить критически. Ко всем явлениям можно относиться догматически или критически. Догматический взгляд означает, что мы предполагаем их данными и познаем их свойства; критический – мы исследуем их происхождение и прослеживаем стадии их развития. Происхождение и развитие объектов – суть проблемы критического исследования. Если мы принимаем мироздание за нечто данное и готовое и пытаемся познать законы его существующего устройства, то мы относимся к делу догматически и наоборот критически, если вопрос идет о том, как возникла Вселенная и результатом каких изменений явилось ее теперешнее состояние.

И. Кант относился критически к самому познанию, благодаря чему заложил философское основание века, по справедливости названное критическим.

В этом заключается значение и важность его эпохи. Условия, которые предшествуют всякому опыту и являются производящими его факторами, не могут быть самим познанием, а могут быть только познавательными способностями, голыми способностями, которые Кант обозначил термином «чистый разум», поэтому и работа его называется «Критика чистого разума».

Возможность опыта заключается, по Канту, в его условиях. Без возможности опыта нет также и предметов опыта, нет их совокупности – чувственного мира. Поэтому вопрос о происхождении познания должен в известном смысле совпадать с вопросом о происхождении чувственного мира. Кантовская философия требует рассматривать чувственный мир не как нечто данное, а как нечто созданное при посредстве разума. Ведь очевидно, что в нашем разуме не может возникнуть ни один объект без нашей собственной творческой деятельности. Неведение собственных деяний есть глубокая внутренняя основа всякого догматического отношения, всякого самообмана, ослепления, неразумия также и в выборе наших целей жизни и ее направления. Знание собственных деяний является задачей критического мышления, как и путь самопознания и самосознания, направленный к цели истинной науки и житейской мудрости. Поэтому И. Канта часто сравнивали с Сократом.

Догматическая и критическая философии и связаны, по Канту, как связано *догматическое* и *критическое* мышление. Ребенок познает мир догматически – верит родителям и близ-

ким в познании и освоении нравственных норм, табу, обеспечивающих безопасность его поведения в окружающем мире. Нелепо от него требовать с самого начала мыслить критически. Точно так же необходима догматическая философия в истории развития человеческой истории, невозможна критическая философия в начале философского мирозерцания.

Дальнейшее исследование И. Канта посвящено объекту *критической философии*. Факт познания должен быть дан прежде, чем он будет исследоваться, как он дан. *Критическая философия* относится к догматическому познанию, как физиология к жизни, оптика к зрению, акустика к слуху, грамматика к речи и т. п. Мы должны следовать разуму, чтобы пользоваться им, – говорит И. Кант. Но мы должны пользоваться разумом, чтобы исследовать его, – возражают противники. Выход из этого противоречия в том, как самопознание возможно благодаря самосознанию, так и разум исследует свое познание вещей благодаря познавательным способностям. Иначе говоря, способности, благодаря которым разум исследует свое познание вещей, отнюдь не те же самые, благодаря которым он осуществляет познание их.

Чтобы прояснить сущность критической философии, Кант дает анализ различных направлений в гносеологии: эмпиризма, рационализма, сенсуализма и скептицизма.

Эмпиризм устремляется на путь опыта. Его основным положением является утверждение, что всякое познание состоит в правильных восприятиях и правильно делаемых из них выводах. Эмпиризму противостоит *рационализм*. При посредстве опыта вещи доступны познанию лишь постольку, поскольку они являются нам и воздействуют на наши чувства, – напротив, их собственная, независимая от нашего восприятия природа оставалась бы непознанной. Что такое вещи в действительности или сами по себе, какова их подлинная сущность – это недоступно чувственному опыту, это можно понять только благодаря мышлению.

На вопрос, как возможен сам опыт, отвечает *сенсуализм* Д. Локка. Единственный источник опыта – наше восприятие. Таким образом, по Канту, сенсуализм сужает кругозор нашего познания. По сравнению с Ф. Бэконом: «...теперь уже не все естественные, а только чувственно данные вещи могут считаться очевидными. Теперь непознаваемое считается равным сверхчувственному, недоступному восприятию. Доступны восприятию только явления, только качества и внешние проявления вещей, а не их носители, не сущность вещей; сущность остается столь же скрытой, как существо Бога и души». Тогда возникает вопрос: в чем состоят восприятия или впечатления? Каковы они? Ответ может быть двояким. Впечатления имеют либо исключительно физическую (материализм стоит на этой точке зрения), либо исключительно духовную природу (идеализм). Таким образом, эмпиризм ограничил познание естественными, а сенсуализм – чувственными объектами или впечатлениями, и их причиной, по Беркли, может быть только Бог. Беркли – это логически завершенный Локк с идеалистическим знаком. Из сенсуализма следует, что вещи сами по себе не познаваемы, из идеализма – что они не существуют. Первый доказывает их непознаваемость, второй – их невозможность. Точка зрения идеализма, по Канту, сама еще догматична, так как, исходя из нее, объекты нашего познания все без исключения суть представления или идеи (впечатления), причиной которых является Бог. Факт нашего познания является, таким образом, непостижимым, как воля Божья, стало быть, недоступным человеческим силам; проблема познания неизбежно, по Канту, приводит нас к *скептицизму* Юма.

Юм задается вопросом: существует ли явная и необходимая связь наших впечатлений? Если данные представления так относятся друг к другу, что из их сравнения очевидна их связь, то последняя понятна сама по себе и суждение, связывающее представления этого рода, имеет характер неоспоримой необходимости. Такие суждения возникают при посредстве анализа содержания данных представлений: они поэтому носят аналитический характер. Юм их называет «суждениями разума» (это тип всякого логического или математического познания, который имеет характер демонстративной достоверности). Далее возникает вопрос: существует ли необходимое эмпирическое суждение? Если речь идет о связи А и В – это синтез. Всякое эмпирическое суждение синтетично. Существует ли необходимый синтез? Этот вопрос пытался разрешить Юм.

Если бы связь, соединяющая различные факты, была бы дана так же, как и сами они, то решение вопроса не представляло бы затруднений: тогда эмпирическое суждение было бы тоже аналитично. Но это не так. Упомянутая связь не дана нам, а возникает в нашем сознании по законам психической природы, которые не могут быть логическими законами мышления, ибо мышление только сравнивает и анализирует; законы эти, по Канту, необходимо искать в тех способах, какими мы произвольно связываем или соединяем друг с другом образы впечатлений. Исследование Юма направлено поэтому на законы «ассоциации идей», по которым действует воображение человека. Мы связываем их, по Юму, произвольно в нашем воображении по законам сходства, смежности, причинности и т. п. Законы эти имеют частное значение, причинность же имеет притязание на необходимость. Оправдывается ли это притязание? Этот вопрос составляет ядро исследования Юма и совпадает с вопросом о ценности опыта для познания. Ответ Юма состоит в том, что причинность – это привычка (к порядку следования событий или явлений). Получается, что все эмпирическое познание основывается на вере, возникает при посредстве воображения и привычки и поэтому не может изъяслять притязания на общее и необходимое значение. В этом прозрении заключается скептицизм Юма, посягающий не на сущность нашего опыта, а только на догматический способ его обоснования.

Вывод И. Канта состоит в том, что философия Юма не годится только в одном очень существенном отношении: она не может объяснить необходимость математики и теоретического естествознания и тем более метафизики (философии), так как из привычки теорию объяснить невозможно, выводы в ней получаются такие, с которыми мы на практике не сталкиваемся. Кант, чтобы ответить на вопрос, как возможно всеобщее и необходимое знание (научное в собственном смысле), вводит следующее предположение: наше познание чувственных вещей возможно только при посредстве чистых понятий, которые не являются результатом опыта, а даны нам *apriori* при посредстве чистого разума. «Трансцендентальная аналитика дала нам пример того, – пишет Кант, – как логическая форма нашего знания может быть источником априорных чистых понятий, которые до всякого опыта дают представления о предметах или, вернее, выражают синтетическое единство, обуславливающее возможность эмпирического знания о предметах. Форма суждений (превращенная в понятие о синтезе наглядных представлений) дает нам категории, руководящие всем применением рассудка в опыте. Точно так же форма умозаключений разума, если применять ее к синтетическому единству наглядных представлений подобно категориям, окажется источником происхождения особых априорных понятий, которые мы можем назвать чистыми понятиями разума, или *трансцендентальными идеями*» [1, с. 301].

При этом функция разума в умозаклчениях Канта состоит в предании знанию формы всеобщности. Он приводит пример: «...суждение: “Кай смертен” могло бы быть очерпнуто мной из опыта с помощью одного лишь рассудка. Но я ищущу понятие, содержащее в себе условие, под которым дается предикат (утверждение вообще) этого суждения (в данном случае понятие человека), и после того, как я подвожу (предмет) под это условие, взятое во всем его объеме (все люди смертны), я определяю сообразно этому знание о моем предмете “Кай смертен”» [1, с.301]. Следовательно, трансцендентальное понятие, по Канту, есть не что иное, как понятие целостности условий для данного обусловленного. Но так как только безусловное создает целостность условий и, наоборот, целостность условий всегда безусловна, то отсюда следует, что чистое понятие разума вообще может быть объяснено через понятие безусловного, поскольку оно содержит в себе основание синтеза обусловленного [1, с. 302]. Из сказанного очевидно, что такая целостность является абсолютной, поэтому трансцендентальное понятие разума относится к абсолютной целостности в синтезе условий и удовлетворяется не иначе, как абсолютно безусловным, т. е. безусловным во всех отношениях. Вот как об этом пишет Кант: «Чистый разум берет на свою долю лишь одну задачу – абсолютной целостности в применении понятий рассудка и стремится довести синтетическое единство, мыслимое в категориях, вплоть до безусловного» [1, с. 304]. Поэтому такое единство можно назвать разумным единством явлений, тогда как единство, выражаемое категориями, можно назвать рассудочным единством. Далее Кант вводит понятия трансцендентальных идей. Это понятия чистого разума, так как в них все опытное знание рассматривается как определенное посредством абсолютной целостности условий. Они не вымышлены, а даны природой самого разума, трансцендентальны и выходят за границы всякого опыта, так как идея, будучи понятием максимума, никогда не может быть дана адекватно в конкретной действительности.

«Можно сказать, например, что абсолютно целое всех явлений есть *только идея*, так как мы никогда не можем составить представление об этом целом» [1, с. 305]. Хотя трансцендентальные понятия разума суть только идеи, и мы не познаем с их помощью никаких явлений и предметов, но все же благодаря им наше познание направляется к дальнейшему исследованию, они делают возможным переход от теоретических к практическим понятиям и таким образом могут дать опору моральным идеям. Из отношения между трансцендентальным и логическим применением нашего знания вытекает, по Канту, три вида диалектических умозаклчений, позволяющих перейти от условного синтеза, которым всегда ограничивается рассудок, к безусловному синтезу разума:

- 1) отношение к субъекту;
- 2) отношение к многообразию объекта в явлении;
- 3) ко всем вещам вообще.

Все чистые понятия вообще имеют дело с синтетическим единством представлений, но понятия чистого разума – трансцендентальные идеи – имеют дело с безусловным синтетическим единством всех условий вообще. Следовательно, все трансцендентальные идеи должны делиться на 3 класса: первый содержит в себе абсолютное (безусловное) единство мыслящего субъекта, второй – абсолютное единство ряда условий явления, третий – абсолютное единство всех предметов мышления вообще.

Мыслящий субъект есть предмет психологии, совокупность всех явлений (мир) есть предмет космологии, а вещь, содержащая в себе высшее условие возможности всего, что

может быть мыслимо (существо всех существ), составляет предмет теологии. Таким образом, чистый разум дает идею для трансцендентального учения о душе, для трансцендентального учения о мире и, наконец, также для трансцендентального богопознания [1, с. 309]. Необходимо также заметить, что между самими трансцендентальными идеями существует известная связь и единство, и что чистый разум посредством их приводит все свои знания в систему. Переход от знания о самом себе (душе) к познанию мира и отсюда к познанию первоначального существа имеет столь же естественный характер, как логический переход разума от посылок к выводам. «Только посредством применения точки зрения о причине и действии, только посредством мысли о правиле, которому сами по себе независимо от сознания единичного субъективного наблюдателя подчинены явления, может идти речь о последовательности в «природе» или в «вещах» в отличие от простой мозаики представлений в нас» [2, с. 169]. Здесь дело обстоит так же, как с другими чистыми априорными представлениями, которые мы лишь потому можем извлечь из опыта как ясные понятия, что сами вложили их в опыт и посредством них осуществляем опыт. При этом постулат действительности у Канта граничит с постулатом необходимости; последняя не означает формальную и логическую необходимость в связи понятий, а утверждает действительность как необходимость, как следствие общего закона. Таким образом, в трансцендентальной эстетике Кант выявляет условие подлинного полагания предмета опыта.

Если мы употребляем свой разум не только для применения основоположений рассудка к предметам опыта, но и пытаемся распространить эти положения за границы опыта, то отсюда возникают теоретические положения, которые не могут быть подтверждены в опыте, но и не могут быть опровергнуты им; при этом каждое такое положение не только свободно от противоречий само по себе, но даже находит в разуме условие своей необходимости точно так же, как и противоположное ему. Это антиномии чистого разума, они включают следующие вопросы:

- 1) при каких утверждениях чистый разум неизбежно впадает в антиномию?
- 2) от каких причин зависит эта антиномия?
- 3) может ли разум, несмотря на это противоречие, найти путь к достоверности и как это сделать?

Кант рассматривает антиномии, касающиеся субстанции души, начала мира, свободы и Бога. Что касается антиномии существования и бессмертия души, то, по Канту, она возникает из гипостазирования общей функции единства сознания в «субстанцию» души. Ибо обычное понятие о душе основано на том, что мы вычленим единство, которое может быть выявлено в ряду самих феноменов сознания, и необходимость которого в этой области может быть доказана из целостности этого ряда, и приписываем его исконно для себя существующему субстрату, только опосредствующим следствием которого должны быть особенные явления сознания. Следовательно, вместо того, чтобы мыслить сами феномены в их связи, мы приписываем к ним надэмпирическое «основание», из которого пытаемся объяснить и вывести их многообразие [2, с. 174]. Положение «душа есть субстанция» можно принять, если только удовлетвориться тем, что это понятие не принуждает нас к выводам о вечной жизни души, а что оно лишь означает только «субстанцию в идее», а не в реальности.

Антиномия о мире. Тезис «мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве». В самом деле, аргументирует Кант, если мы допустим, что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени протекла вечность и, следовательно, протек беско-

нечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший ряд в мире невозможен; значит начало мира – это необходимое условие его существования, что и требовалось доказать.

Антитезис «мир не имеет начала во времени и границ в пространстве: он бесконечен как во времени, так и в пространстве». В самом деле, допустим, что мир имеет начало во времени. Так как начало есть существование, которому предшествует время, когда вещи не было, то некогда должно было существовать время, в котором мира не было, т. е. пустое время. Но в пустом времени невозможно возникновение какой бы то ни было вещи, так как ни одна часть такого времени в сравнении с другой частью не заключает в себе отличного условия существования предпочтительно перед условием несуществования (все равно, возникает ли оно само по себе или посредством другой причины). Поэтому, хотя многие ряды вещей и могут иметь начало в мире, но сам мир не может иметь начала и, следовательно, в отношении протекшего времени бесконечен.

Что касается второй части антитезиса, допустим противоположное, именно что мир конечен и ограничен в пространстве; в таком случае он находится в пустом пространстве, которое не ограничено. Следовательно, должно существовать не только отношение вещей в пространстве, но и отношение их к пространству. Но так как мир есть абсолютное целое, вне которого нет никакого предмета наглядного представления и, следовательно, никакого коррелята, с которым он соотносился бы, то отношение мира к пустому пространству было бы отношением его к ничто. Но такое отношение, а следовательно, и ограничение мира пустым пространством есть ничто, следовательно, мир вовсе не ограничен в пространстве, т. е. он бесконечен. При этом Кант делает ремарку о том, что речь идет о чувственном, а не умопостигаемом мире, последнее есть не более как общее понятие мира вообще, в котором мы отвлекаемся от всех условий наглядного представления его и в отношении которого невозможно никакое синтетическое суждение – ни отрицательное, ни утвердительное [2, с. 180–181].

Остановимся подробнее на **антиномии о Боге**. *Тезис «к миру принадлежит или как часть его, или как его причина, безусловно, необходимое существо».* Доказательство: чувственный мир как совокупность всех явлений содержит в себе также ряд изменений. Без изменений не было бы даже представления ряда времени как условия возможности чувственного мира. Но всякое изменение подчинено своему условию, которое предшествует ему во времени и делает его необходимым. Далее, всякое данное обусловленное предполагает в отношении к своему существованию полный ряд условий вплоть до абсолютно безусловного, которое одно только существует абсолютно необходимо. Следовательно, абсолютно необходимое должно существовать, если существует изменение как его следствие. И это необходимое принадлежит само к чувственному миру. В самом деле, если предположить, что оно находится вне чувственного мира, то это значило бы, что ряд изменений в мире получает от него начало, между тем как сама эта необходимая причина не принадлежит чувственному миру. Но это невозможно. Следовательно, первопричина изменений относится ко времени, т. е. к области явлений (в которых только и возможно время как форма их). Следовательно, она не может быть мыслима отдельно от чувственного мира. Следовательно, *в самом мире содержится нечто безусловно необходимое.*

Антитезис «нет никакого абсолютно необходимого существа – ни в мире, ни вне мира как его причины». Доказательство: предположим, что мир сам или часть его есть необходимое

существо; в таком случае ряд его изменений или имел бы безусловно необходимое, т. е. не имеющее причины начало, что противоречит динамическому закону определения всех явлений во времени, или же этот ряд не имел бы никакого начала и был бы в целом абсолютно необходимым и безусловным, хотя все его части случайны и обусловлены, что противоречиво, так как существование группы не может быть необходимым, если ни одна часть ее не обладает сама по себе необходимым существованием.

Предположим наоборот, что безусловно необходимая мировая причина существует вне мира; в таком случае она как высший член в ряду причин мировых изменений должна была бы также начать действовать, и ее причинность находилась бы во времени, а следовательно, в совокупности явлений, т. е. в мире; следовательно, сама эта причина находилась бы не вне мира, что противоречит предположению. Итак, ни в мире, ни вне мира нет безусловно необходимого существа. Примечание Канта: первый аргумент (тезис) имеет в виду только абсолютную целостность ряда условий, определяющих друг друга во времени, и таким образом приходит к безусловному и необходимому. Наоборот, второй антитезис принимает в расчет случайность всего того, что определено во временном ряду, так как каждому событию предшествует время, в котором само условие должно быть в свою очередь определено как обусловленное, вследствие чего все безусловное и всякая абсолютная необходимость совершенно отпадает [1, с. 366–371].

Критика разума позволяет, по Канту, решить вопрос о свободе воле. Если мы рассматриваем волю как явление (предмет опыта), то она подчинена закону причинности, т. е. необходима. Если же речь идет о воле как вещи в себе, то она свободна.

Продолжая разграничивать догматический и критический подход, Кант показывает, что для выбора позиции в оценке антиномий критически мыслящему субъекту необходимо сравнить принципы, из которых исходят обе стороны. В утверждении антитезиса заметно стремление к эмпиризму; напротив, при выборе тезиса в основе кроме эмпирического способа объяснения присутствует стремление использовать умопостигаемые начала чистого разума. При этом на стороне догматизма или на стороне тезиса обнаруживается:

- во-первых, известный *практический интерес*, в котором всякий человек, если он понимает свою истинную выгоду, принимает сердечное участие и разделяет позицию, что мир имеет начало, что мое Я обладает свободой, что порядок вещей в мире происходит от одного первоначального существа (Бога), от которого все приобретает единство и целесообразность – эти краеугольные камни морали и религии. Антитеза же лишает нас всех этих опор;

- во-вторых, на этой стороне обнаруживается *теоретический интерес* разума. В самом деле, допуская трансцендентальные идеи такого рода и пользуясь ими, можно вполне *arguere* охватить всю цепь условий и понять происхождение обусловленного, начиная с безусловного; антитезис же не может дать ответа на вопрос об условиях своего синтеза, так как от данного начала всегда надо восходить к еще более высокому началу, всякая часть ведет к еще меньшей части, всякое событие имеет позади себя еще другое событие как причину, и условия бытия вообще всегда в свою очередь опираются на иные условия, не получив безусловной поддержки и опоры ни в какой самостоятельной вещи;

- в-третьих, эта сторона достаточно популярна. Обычный рассудок не находит затруднения в идеях безусловного начала всякого синтеза, так как он более склонен нисходить к следствиям, чем восходить к основаниям и в понятии *абсолютного начала* находит успокоение и точку опоры.

На стороне антитезиса обнаруживается отсутствие практического интереса, который приносится моралью и религией. Если нет первоначального существа, отличного от мира, если мир не имеет начала и, следовательно, также Творца, если наша воля не свободна и душа так же делима и разрушима, как материя, то моральные идеи и принципы теряют всякое значение и падают вместе с *трансцендентальными*, служащими для них теоретической опорой.

Наоборот, теоретическому разуму позволительно изображать предмет как сам по себе, так и в его наглядном представлении или в понятиях. Для него нет необходимости покидать цепь порядка природы и переходить в область трансцендентальных понятий, где он уже более не обязан наблюдать и исследовать законы природы, а должен мыслить в надежде подчинить опыт авторитету чистого разума. Человеческий разум по природе своей архитектурен, т. е. он рассматривает все знания как принадлежащие определенной системе и потому допускает только такие принципы, которые не мешают существующим знаниям объединяться в систему с другими знаниями. Но положения антитезиса таковы, что делают совершенно невозможным завершение здания знаний. Так как антитезис нигде не допускает никакого начала, которое могло бы служить безусловным основаниям построения, то законченное здание знаний при таких предположениях совершенно невозможно.

Наиболее полно свои возможности чистый разум реализует в трансцендентальной философии по Канту. Последняя обладает среди всех теоретических знаний той особенностью, что ни один вопрос, относящийся к предметам, данным чистому разуму, не может быть неразрешимым. В трансцендентальной философии космологические идеи обладают той особенностью, что могут предполагать данным свой предмет и необходимый для его понятия эмпирический синтез; вопрос касается только прогресса этого синтеза, поскольку он должен содержать в себе абсолютную целостность, которая уже не относится к сфере эмпирического, так как не может быть дана ни в каком опыте. Поскольку здесь речь идет о вещи только как о предмете возможного опыта, а не как о вещи в себе, то ответ на трансцендентальный космологический вопрос нигде не может находиться, кроме самой идеи. Вопрос ставится о том, что содержится в идее, к которой эмпирический синтез должен только приближаться; следовательно, этот вопрос должен быть разрешен исключительно из самой идеи.

От обязанности критического разрешения постоянных вопросов разума, по Канту, нельзя уклониться, ссылаясь на узкие границы его и заявляя, что наш разум не способен решить вопросы – вечен ли мир или он имеет начало; существует ли свобода или все необходимо; существуют ли Бог и душа. Эти вопросы касаются предмета, который не может быть дан нигде, кроме как в наших мыслях, именно они касаются вопроса об абсолютно безусловной целостности синтеза явлений.

Причина неясности ответа на подобные вопросы, по Канту, может заключаться в неясности самой идеи. Задача трансцендентальной философии – объяснить идею абсолютного целого. И здесь важно не превратить идею в мнимое представление об эмпирически данном. Догматическое решение здесь невозможно. Критическое решение рассматривает вопрос со стороны познавательного фундамента исследования, и оно состоит в том, что космологические идеи и вместе с ними все борющиеся друг с другом положения имеют в основании неистинное (необоснованное) понятие о способе, как нам дается предмет этих идей. В трансцендентальной эстетике уже было доказано, что все предметы возможного

для нас опыта суть не что иное, как явления, т. е. только представления, которые не имеют существования сами по себе вне нашей мысли (трансцендентальный идеализм Канта). «Предметы опыта никогда не даны сами по себе, они даны только в опыте и помимо его вовсе не существуют» [1, с. 385–389]. Утверждать, что явление существует само по себе, без отношения к нашим чувствам и возможному опыту, можно было бы только в том случае, если бы речь шла о вещи в себе [1, с. 407]. Умопостигаемую причину явлений Кант называет трансцендентальным объектом. Весь объем и связь наших возможных восприятий мы можем приписать этому трансцендентальному объекту и утверждать, что он дан до всякого опыта сам по себе. Так чистые категории, без формальных условий чувственности, имеют только трансцендентальное значение, но не могут быть применены трансцендентально (т. е. вне возможности опыта). Существует ли вне сферы эмпирического существования, которое выступает как единственно определяемое, другая область не столько объектов, сколько ценностей объективной значимости, и не обретает ли благодаря этому само наше трансцендентальное понятие объективности обогащение и углубление самого содержания – вопрос, окончательный ответ на который может дать только рассмотрение критической этики и эстетики. Только в них будет открыт позитивный смысл ноумена, основополагающая данность, на которой покоится отделение явления от вещи самой по себе [2, с. 195–196].

Говоря о значении критической философии И. Канта, необходимо выделить основные моменты.

Кант выяснил, что наше знание чувственных вещей возможно только при посредстве чистых понятий, которые не являются результатом опыта, а даны а priori при посредстве чистого разума.

Согласно выводу кантовской критики, все познаваемые предметы суть не более как явления, а явления не более как наши представления.

Кантовская критика чистого разума преодолела недостатки эмпиризма, рационализма, сенсуализма и скептицизма, опровергая их односторонние выводы.

Вопрос о бытии Бога решен И. Кантом: не существует основания для познания Его бытия, тем более, несомненно, основания для веры в Него. Вера коренится в моральной потребности или в практическом разуме, и поэтому не является ни высокомерным знанием, ни слепой верой. Христианская религия идет от религии к морали, кантовская – от морали к религии.

Практические выводы обусловлены прозрением невозможности теоретического познания сверхчувственных объектов, а само это прозрение обусловлено исследованием нашей познавательной возможности, стало быть, критикой разума.

Неправильное понимание элементов познания необходимо должно повлечь за собою неправильное понимание многих идей теории познания. В этом и лежит причина неверного понимания кантовской критики.

Элемент всякого познания есть представление. С ним-то и связано неправильное понимание. Известные признаки, могущие относиться только к представлению, принимаются за признаки вещей – такое смешение порождает ложный взгляд и является зерном всех спорных вопросов между Кантом и его противниками.

Кантовская критика разума открыла познавательные способности и доказала, что они являются условиями возможности опыта. Наши представления не суть голые впечатления, как полагает скептицизм, а также не голые продукты опыта, как считает эмпиризм; в то же

время наши общие необходимые представления не являются прирожденными идеями, чему учил рационализм. Но то, что критика разума выводит из возможности опыта, есть, прежде всего, только новая теория познания, стало быть, только часть философии, а не вся она. И условия, на основании которых она устанавливает познавательные способности, имеют лишь характер основания познания, а не реальные основания. Критика разума – это пропедевтика метафизики (пролегомены ко всякой метафизике, как говорил сам Кант).

Чистая философия должна исходить из принципа, на котором зиждется непосредственно элементарная философия, а через нее и все философские науки. Этот принцип не должен зависеть ни от какого другого: он должен быть первым; он должен обосновывать всю философскую систему, а не только часть ее, поэтому не должно быть нескольких принципов – он должен быть единственным. Он должен быть достоверен и сразу ясен сам по себе, он не может выражать ничего иного кроме несомненного, первоначального, очевидного каждому при посредстве голый рефлексии факта. Этот факт не должен быть почерпнут из опыта ни внешнего, ни внутреннего, ибо всякий опыт индивидуален, но он может иметь место в нас. Он становится очевидным, как только мы обращаем на него внимание или сознаем его, он требует для своего утверждения одного только сознания и совпадает с ним: он есть сознание. Факт сознания составляет единственно возможное содержание этого первого и единственного принципа, который можно назвать законом сознания. Этот закон служит фундаментом для критической философии. Он гласит: представление различается в сознании от представляемого и относится к обоим.

Насколько достоверно представление, настолько же достоверны все условия, без которых оно не может существовать. Центр изложения Канта находился в опыте; его руководящая мысль была: насколько достоверен опыт, настолько же достоверны условия, требуемые им.

Исходные точки теоретической и практической философии у Канта различны и должны были различаться коренным образом. Теоретическая философия исходит из возможности опыта, практическая – из нравственного закона; первая основывается на эмпирическом сознании, вторая – на нравственном, но у них есть нечто общее: сознание.

Кант различал в человеческом разуме три основные способности: чувственность, рассудок и разум или способность к созерцанию, к понятиям и идеям. Предмет, который существует независимо от представления есть вещь в себе. Она потому и непознаваема, что не доступна представлению. Однако остается вопрос: как вообще попадает в кругозор философии эта недоступная представлению вещь? Ответ в том, что она рассматривается как понятие.

Формы восприятия даны *apriori*; материал дан *aposteriori*. Основная проблема критической философии распадается на три вопроса:

- 1) что такое познание?
- 2) есть ли познание факт?
- 3) как оно возможно?

Всякое познание есть суждение или такое соединение двух представлений, в котором одно из них высказывается о другом утвердительно или отрицательно. Но не всякое суждение есть уже познание. Все суждения делятся на *аналитические* и *синтетические*: аналитические суждения не расширяют моих представлений, они их только уясняют; наоборот, суждения синтетические расширяют мои представления, суть всякого познания именно в этом, т. е. всякое познание состоит из синтетических суждений. Но не всякое синтетическое

суждение уже есть познание, а только априорное синтетическое суждение, которое имеет всеобщий и необходимый характер. Это ответ на первый вопрос. Как возможны синтетические априорные суждения? Ответ составляет критика чистого разума. Познавательное суждение определяется двумя признаками: оно синтетично и априорно. Посредством первого признака оно отличается от аналитических суждений чистого рассудка, посредством второго – от всех эмпирических суждений. Чистым познанием мы называем такое воззрение, которое устанавливается *a priori*, т. е. независимо от всякого опыта, вытекает из чистого разума (например, закон тождества и противоречия).

Вся задача критики чистого разума состоит в попытке изменить прежний метод метафизики. И хотя критика – это трактат о методе, а не система самой науки, но, тем не менее, она включает в себе полный очерк системы метафизики как в отношении ее границ, так и в отношении всего внутреннего расчленения ее. В самом деле, чистый теоретический разум обладает своеобразной особенностью, состоящей в том, что он может измерить свои способности сообразно различным способам, какими он избирает себе объекты для мышления, может даже сполна перечислить все способы постановки проблем и потому может и должен дать полный набросок системы метафизики; действительно априорное знание не может приписывать объекту ничего кроме того, что мыслящий субъект берет сам из себя, а разум, поскольку он содержит в себе принципы познания, представляет собой вполне самостоятельное единство, в котором, как в организме, каждый член существует для всех остальных и все для каждого, так что ни один принцип не может быть принят с уверенностью в одном отношении, не будучи в то же время подвергнут исследованию во всех отношениях его ко всему применению чистого разума. Благодаря этому, по Канту, метафизика имеет особое преимущество по сравнению с другими науками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 654 с.
2. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 446 с.

A. M. Sklyarova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

CRITICAL PHILOSOPHY OF I. KANT

This article reviews and analyzes the critical approach to the study and understanding of the transcendental method as a requirement and problem of scientific philosophy; notional deduction and conceptual taxonomy, implemented by Kant in the Critique of Pure Reason are traced.

Dogmatic and critical philosophy, empiricism, sensationalism, skepticism, rationalism, transcendent and transcendental, sensual contemplation, mind, reason, a priori and a posteriori analytic and synthetic judgments, method of critical reason, antinomy of pure reason – the beginning of the world, soul, freedom and God

УДК 101.1:316

С. В. Короткий

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ГЛОБАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

Рассмотрен анализ сущности корпоративной культуры глобальных корпораций, которая раскрывается на основе анализа развития концепции организационного поведения, причин возникновения корпораций и развития корпоративной формы управления, сущности глобализации, признаков глобальных корпораций, источников возникновения общечеловеческих ценностей, лежащих в основе современного мирового инкорпорационного процесса.

Организационная культура, корпорация, глобализация, глобальная корпорация, корпоративная культура

Глобальные корпорации являются одними из ключевых элементов формирования нового мирового порядка. «Из 100 крупнейших экономик в мире, 52 – транснациональные корпорации, остальные – государства. Свыше 2/3 внешней торговли и около половины мирового промышленного производства и приходится на ТНК. Они контролируют примерно 80 % технологических нововведений и ноу-хау» [1]. Корпоративная культура – важнейший элемент обеспечения их эффективного функционирования и развития, в связи с чем необходимо четко понимать источники формирования корпоративной культуры глобальных корпораций и основные тенденции их развития.

Первые работы, в которых упоминалось понятие «культура фабрики», появились в начале 50-х гг. XX в. Сама же проблема природы и содержания организационной культуры серьезное внимание исследователей привлекла только в конце 1970-х гг. К основным вехам развития концепции «организационной культуры» можно отнести следующие исследования:

1977 г. – Томас Дж. Питерс первым проанализировал аспект символического управления с целью привлечения внимания к концепции «мейнстрим» в организационной теории.

1982 г. – Томас Дж. Питерс совместно с Робертом Уотерменом продемонстрировали преимущества компаний с сильной идеологией на широких ценностных установках.

1983 г. – Луис Понди с коллективом авторов выступил редактором первого системного изложения взглядов на проблемы символического управления.

1983 г. – Линда Смирчич исследовала, как система принятых понятий развивается и поддерживается в организациях путем символических организационных процессов, а также показала, как эти понятия характеризуют общность организационной культуры и отличительные качества членов организации.

1984 г. – Томас Серджовани и Джон Корбалли выпустили первый широко признанный сборник докладов на тему о перспективе организационной культуры, где четко изложили фундаментальные базовые понятия организационной культуры и перспективы символического управления.

1989 г. – Алан Уилкинс показал, что трудно, но возможно изменить элементы организационной культуры, не разрушая уже существующие позитивные аспекты культуры.

1992 г. – Джон Коттер и Джэймс Хескет доказали наличие явной связи между культурой организации и ее прибыльностью; основными показателями культуры они считали

предельное внимание к потребителям, ко всем участникам созидательного процесса, делегирование обязанностей и преданность непрерывному совершенствованию труда.

Если провести параллели с функционированием мировой экономики, то основные научные исследования, посвященные организационной культуре, приходится на момент возникновения и развития транснациональных и многонациональных компаний. В настоящее время организационная культура рассматривается как один из ключевых факторов развития и устойчивого функционирования компании на рынке.

К настоящему времени не выработано единой трактовки понятия «организационная культура», тем не менее, в рамках данного исследования возьмем за основу следующее определение: *организационная культура – система ценностей, правил и норм, выступающих ориентиром веры, размышления, поведения и действий сотрудников компании, передающаяся через «символические» средства духовного и материального внутриорганизационного окружения.*

Организационная культура рассматривается как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать все подразделения организации и отдельных лиц на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников, обеспечивать преданность, облегчать общение.

Анализируя структуру организационной культуры, Е. Шейн выделяет три ее уровня: поверхностный (артефакты), внутренний (провозглашаемые ценности) и глубинный (базовые представления) [2, с. 35–45]. Знакомство с организационной культурой начинается с поверхностного уровня, включающего такие внешние организационные характеристики, как продукция или услуги, оказываемые организацией, используемая технология, архитектура производственных помещений и офисов, наблюдаемое поведение работников, формальное языковое общение, лозунги и т. п. На внутреннем уровне изучению подвергаются ценности и верования, разделяемые членами организации в соответствии с тем, насколько эти ценности отражаются в символах и языке. Восприятие ценностей и верований носит сознательный характер и зависит от желания людей. Исследователи часто ограничиваются этим уровнем, так как на следующем уровне возникают почти непреодолимые сложности. Третий, глубинный уровень включает базовые предположения, которые трудно осознать даже самим членам организации без специального сосредоточения на этом вопросе. Эти скрытые и принимаемые на веру предположения направляют поведение людей, помогая им воспринять атрибуты, характеризующие организационную культуру.

Традиционно корни культуры лежат в религии, законы и заповеди которой, оставленные в священных книгах, принимаются на веру. Исследования организационной культуры второй половины XX в. начинаются с анализа содержания и уровней культуры, выявления ее основных элементов. Затем акцент смещается на способы и методы изменения традиционных культур, и, наконец, исследования посвящаются разработке подходов к формированию организационных культур, максимально соответствующих миссии организации. Другими словами, авторство культуры «отбирается» у Богов и передается человеку: секуляризация в духе концепции гуманизма. Однако именно в корпорации при внедрении корпоративной культуры круг замыкается, поскольку авторство опять возвращается Богу (социальное воплощение экуменистического движения в экономической сфере). Для обоснования данной гипотезы необходимо рассмотреть природу и сущность корпорации.

В литературе существуют различные определения корпорации. Однако большинство из них сводится к тому, что корпорация (лат. *corporatio* – объединение, сообщество) – это юридическое лицо, ведущее предпринимательскую деятельность, имеющее право приобретать ресурсы, владеть акциями, производить и продавать продукцию, предоставлять кредиты и брать в долг, выступать в суде, как истцом, так и ответчиком [3, с. 59]. Корпорация представляет собой предпринимательскую организацию, обладающую развитой организационной структурой, широким спектром видов деятельности, существенной долей рынка, обширными хозяйственными связями и профессиональными управляющими [4]. Кроме того, корпорацию определяет совокупность юридических и физических лиц, объединившихся для достижения определенной цели [5]. Как правило, корпорация предусматривает долевую собственность участников и осуществление функции управления профессиональными управляющими (менеджерами), работающими по найму.

Все эти определения имеют право на жизнь, поскольку отражают один из важных аспектов функционирования корпорации, однако в них не отражена ключевая особенность корпорации, отличающая ее от других форм ведения предпринимательской деятельности – *corpus*. *Corpus* (лат. *corpus* – тело) – это основная сумма (совокупность имущества, переданного в доверительное управление, в отличие от процентного дохода, получаемого при инвестировании данного имущества) [6]. Другими словами, единственным ключевым признаком корпорации является передача имущества в доверительное управление или, говоря современным языком, корпоративное управление – разделение функций собственности и управления.

Следовательно, благодатная почва для рождения и становления корпораций возникает лишь в том случае, когда актуализируется проблема управления имуществом другими людьми, что вполне возможно, если собственник не способен сам им распоряжаться. Накопление имущества происходит в процессе инкорпорирования. Инкорпорация (новолат., от *in* – в, и *corpus* – тело) – это 1) присоединение к государству страны, бывшей самостоятельной [7, с. 319], 2) предоставление в соответствии с законом группе лиц статуса корпорации, юридического лица [8, с. 343], 3) систематизация законов государства, расположение их в определенном порядке (хронологическом, алфавитном, по отраслям права) без изменения содержания законов [9]. Все приведенные значения инкорпорации важны для понимания условий рождения корпорации и ее роли в современном обществе.

Присоединение к государству страны, которая ранее была самостоятельной, и, соответственно, теряющей свою самостоятельность после присоединения, – этот процесс в настоящее время называется глобализацией (первое условие рождения корпорации). Другими словами, корпорация является, с одной стороны, инструментом инкорпорирования (глобализации), а с другой, – структурной единицей глобального государства.

Предоставление государством на основе законов статуса корпорации как второе условие ее рождения требует исторического экскурса. Важно отметить, что если основная задача корпорации – глобальное общество, то к корпорациям можно отнести не только коммерческие, но и некоммерческие социальные структуры, действующие в том же направлении (например, образовательные или медицинские организации). «В пьянящей атмосфере начала–середины XIX в. выдача разрешений на учреждение корпораций достигла в Америке небывалого размаха. Школы и колледжи, медицинские, сельскохозяйственные и благотворительные общества, церкви, большие и малые города осаждали власти штатов просьбами о выдаче хартий. Число корпораций быстро росло. К 1817 г. оно уже достигло

почти двух тысяч... В то время не видели существенных различий между чисто коммерческими и квазиобщественными организациями. Каждый на свой лад трудился на пользу молодой республики» [10]. «Корпорации открытого типа включают: муниципальные корпорации, районные корпорации, «корпорации, учрежденные для общественных нужд»» [11].

Первым шагом инкорпорирования стала колонизация, потому именно в колониях должны быть максимально комфортные условия для рождения корпораций. «Инкорпорация обрела благодатную почву в американских колониях» [10], именно там возникли первые корпорации, и именно американские корпорации до настоящего времени составляют большинство мировых корпораций.

«На протяжении XVI–XVII вв. английские предприниматели добивались королевских уставных грамот для разнообразных коммерческих предприятий, включая торговые отделения в Балтии, России и Ирландии, а также «плантаций», как именовались новые поселения в Америке. Первые предприятия, получившие хартии, были акционерными компаниями, капитал которых состоял из вкладов нескольких пайщиков, а первой корпорацией с постоянным фондом акционерного капитала принято считать созданную в 1600 году английскую Ост-Индскую компанию» [10]. Таким образом, корпорации, в том виде, в каком они существуют сегодня, изначально возникли для управления колониями и одновременно для усиления королевской власти (раздача привилегий через хартии, дарующие фаворитам исключительные права и льготы).

Третье ключевое условие возникновения корпорации – закон. Роль закона в данном случае очевидна лишь в сфере создания институциональных условий функционирования корпораций, однако, намного важнее понимать в данном случае закон как фундамент для построения системы ценностей и мировоззренческих устроений, которые, в свою очередь, лежат в основе построения глобального государства и его институтов, к которым относится и корпорация. Анализ сущности и источника современных законов уводит нас в сферу религии, что вне рамок данного исследования, отметим лишь одно из первых проявлений закона в социуме в виде институционализма. В общем виде понятие «институционализм» включает два аспекта. Во-первых, это обычаи, традиции, нормы поведения, принятые в обществе, – «институции». Во-вторых, это закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений, т. е. «институтов». Институционализм – одно из направлений государственоведения XX в., рассматривающее политическую организацию общества как комплекс различных объединений граждан – «институций» (например, семья, партия, компания, государство и т. п.) [12]. Однако корень слова «институция» (лат. *institutio* – учение) появился значительно раньше: так назывались элементарные учебники частного права римских юристов. Наибольшей известностью пользуются институции Гая, римского юриста, жившего во II в. Гай был идеологом рабовладельцев. Вся его деятельность была направлена на обеспечение интересов господствующего класса и, прежде всего, на обоснование неограниченного права собственности рабовладельцев на рабов [13, с. 85]. Таким образом, законодательная система обеспечивает интересы ограниченного круга лиц.

Что же касается корпораций, то исторический факт в том, что «большую часть проблем, связанных с корпорациями, решали не политики, а судьи» [10]. Это произошло после формирования правовой среды корпоративной деятельности, что стало возможно после американской революции, приведшей к образованию США [10].

Резюмируя можно сказать, что корпорация – это институциональная форма инкорпорированного (инкорпорированного) общества, возникшая на основе «хартии» (контракта с правителем) и сформированная законодательной системой (не какими-либо государственными структурами) с целью аккумуляции и использования предоставленного капитала.

Одним из ключевых условий эффективности функционирования корпораций, как и любой другой организации, является объединение усилий сотрудников во имя достижения миссии компании, что осуществляется менеджментом с помощью организационной культуры. Фундаментальным элементом каждой организационной культуры являются ценности, следовательно, для выявления ключевых признаков корпоративной культуры глобальных корпораций, необходимо определить ценности, лежащие в ее основе. Становление глобальных корпораций идет в рамках мирового глобализационного процесса, поэтому глобальные корпорации можно рассматривать как социально-экономическую проекцию либо как инструмент мировой глобализации. Ценности корпоративной культуры глобальных корпораций производны от ценностей инкорпорированного общества, элементами которого корпорации являются, следовательно, для определения базовых ценностей корпоративной культуры глобальных корпораций необходимо выявить базовые ценности глобализации.

Наиболее часто глобализацию (от лат. *globus* – шар) определяют как процесс усилившейся глобальной взаимозависимости государств, экономик, культур, характеризующийся сжатием мира и интенсификацией осознания людьми мира как единого целого, где земной шар становится всемирной деревней, сопровождаемый ускорением темпов протекания процессов во всех сферах общественной жизни [14, с. 35, 36]. В активную фазу процессы глобализации вступили в начале 90-х гг. XX в. За это время проявился ряд процессов и явлений, которые в современной литературе названы признаками глобализации. К ним относят:

- формирование единого цивилизационного пространства (единое информационное пространство, язык общения, унификация различного рода социальных стандартов, подходов к развитию образования, воспитания, организации быта, унификация в одежде, питании и т. п.);
- формирование единого планетарного государства (стирание национальных границ, создание ЕС (Шенген), введение единых законов, единой валюты (евро, амеро) и т. п.);
- формирование мирового экономического пространства (единые подходы, свободное перемещение капиталов, товаров, сервиса и т. п.).

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Унификация (от лат. *unus* – один, *facio* – делаю; объединение) – приведение к единообразной системе или форме. В настоящее время существует два подхода к пониманию процессов глобализации. Первый основан на том, что глобализация рассматривается как процесс «углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах международного сообщества, предполагающей партнерские и равные отношения участников глобализационного процесса» [15, с. 399]. Глобализация рассматривается как смена социальной парадигмы, при которой вместо «евроцентристского мира, в котором доминирующие позиции занимают основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, возникает новая всепланетарная цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма центров, народов, культур, религий т. д., с другой» [16, с. 5]. Такой подход к пониманию глобализации предполагает, что множество различных этниче-

ских, национальных, социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей, интегрируясь, приобретают всемирный характер, образуя общечеловеческие ценности. «Глобализация – процесс сближения и роста взаимосвязи наций и государств мира, сопровождающийся выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов» [17].

Второй подход рассматривает глобализацию как процесс уничтожения нежизнеспособных культур в процессе конкурентной борьбы, в которой выживает сильнейший, исключая возможность интеграции разнородных культурных элементов. «В столкновении языков, менталитетов, традиций, культур, религий, политических систем, товаров и услуг, которое сопровождает процесс глобализации, конкурентоспособным оказывается не столько тот, кто умеет защитить себя с помощью протекционистских мер и самоизоляции (что дает временный эффект), не столько тот, кто сильнее и умеет заставить, навязать свои ценности, политические традиции, товары, сколько тот, кто способен стать примером для подражания, стать уникальным лидером в своей области» [17]. Анализ глобализационных процессов показывает, что декларируемая интеграция культур, политических систем, экономик, ценностей, на самом деле оказывается банальным навязыванием другим странам определенной системы ценностей, правил жизни автором глобализационного процесса – США. «Глобализация есть дело рук западнистского сверхобщества, метрополией которого являются США... Социальная же сущность глобализации заключается в следующем: западнистский мир во главе с США ведет борьбу за установление единого мирового порядка» [18].

Существуют три основных вида глобализации, выделяемые исследователями данной проблематики. Во-первых, это экономическая глобализация. «Глобализация экономики – это процесс изменения структуры мировой экономической системы, когда экономики отдельных государств интегрируются в общую систему» [19]. Глобализация экономики – это процесс экономического сближения государств, результатом которого становится формирование в масштабах всего мирового хозяйства интегрированного рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний. Экономическая глобализация, реализуемая активной деятельностью ТНК, приводит к тому, что национальная экономика во все большей степени выходит из сферы национального государственного контроля.

Во-вторых, культурная глобализация. Она проявляется в разнообразных формах: унификация научных знаний, высшего образования, всемирное распространение западной массовой культуры, международные фестивали, интернациональные общественные движения, потеря культурной самобытности и т. п. [20, с. 215].

В-третьих, политическая глобализация, лежащая в основе и определяющая культурную и экономическую глобализацию. Под влиянием глобализации традиционные социальные институты передают свои полномочия формируемому новому мировому правительству на базе G20. Структурами нового планетарного государства являются международные наднациональные организации: ООН, МВФ, ВТО, международный суд в Гааге, выносящий приговоры политическим деятелям независимых государств. Кроме того, встречается и добровольное ограничение своего суверенитета государствами – трансферт суверенитета, т. е. передача его части в распоряжение общих структур интегрирующихся государств, например, Европейский союз.

В основе глобализационного процесса лежат общечеловеческие ценности – комплекс понятий, входящих в систему философского учения о человеке. К общечеловеческим ценностям относятся жизнь, свобода, счастье, а также высшие проявления природы человека, раскрывающиеся в его общении с себе подобными и с трансцендентным миром.

Являются ли декларируемые общечеловеческие ценности универсальными или эта концепция – инструмент манипулирования сознанием и общественным мнением? В рамках этой концепции утверждается, что, несмотря на различие национальных культур, религий, уровня жизни и развития народов существуют одинаковые для всех ценности, следовать которым должны все без исключения. Другими словами, эти ценности свойственны всем изначально, но некоторые народы по различным причинам избегают счастья, стремятся к рабству и смерти.

Во внешней политике США защита «общечеловеческих ценностей» (демократия, защита прав человека, свобода и т. д.) перерастают в открытую военную и экономическую агрессию против тех стран и народов, которые хотят развиваться иным путем, отличным от мнения лидера мирового сообщества, что особенно хорошо видно при реализации политики двойных стандартов в последние десятилетия.

Если взять такую базовую «общечеловеческую ценность», как право на жизнь, прописанное во Всеобщей декларации прав человека ООН, то и тут можно найти достаточно примеров различных мировых культур, в которых жизнь не является абсолютной ценностью. Кроме того, если кто-то присваивает себе монополию на выдачу права на жизнь, то в его руках оказывается и право на лишение человека выданного права на жизнь, если тот не использует свою жизнь для воплощения в жизнь других общечеловеческих ценностей, т. е. право свободы оказывается противоположным праву на жизнь (политики двойных стандартов в правовом поле).

Другими словами, термин «общечеловеческие ценности» – это эвфемизм, прикрывающий стремление Запада к навязыванию нового мирового порядка и новой системы ценностей. Глобализационная система ценностей является новой для большинства населения Земли, но не для всех. Таковыми были, например, «ветхозаветные десять заповедей – фундаментальные нормы социального поведения, данные «богоизбранному народу» свыше и не распространявшиеся на иные народы. С течением времени, по мере осознания единства человеческой природы и приобщения к мировой человеческой цивилизации народов, ведущих примитивный образ жизни, общечеловеческие ценности стали утверждаться во всепланетарных масштабах» [21]. Однако и в рамках десяти заповедей не все так однозначно, например, позиция мусульманства и христианства в отношении многоженства.

Таким образом, концепция «общечеловеческих ценностей» является развитием устаревшей и отработавшей концепции «интернационализма», созданной в условиях капитализма в процессе освободительной борьбы пролетариата разных стран против национальных элит и национализма как основной силы, противодействующей инкорпорированию. «Экономической основой, на которой возникает пролетарский интернационализм, является общественный характер производства и международный характер производительных сил, развивающихся в недрах капитализма. Непосредственной ареной освободительной борьбы пролетариата является его собственная страна, непосредственным противником – «своя» национальная буржуазия» [22].

Реализация концепции «общечеловеческих ценностей» идет в политической, культурной и экономической сферах. Глобальная экономика нуждается в новых формах организации, которые, с одной стороны, наиболее соответствуют новым реалиям, а с другой, – являются основой ее функционирования. Этими «кирпичиками» стали глобальные корпорации, история которых началась еще в XVII в.

Первыми, созданными на принципах глобальных компаний, стали Dutch East India Company (1600), British East India Company (1602), Hudson's Bay Company (1670). Несмотря на то, что о глобализации в XVII в. думать было преждевременно, именно эти компании являются образцом формирующихся глобальных корпораций, разница лишь в масштабе деятельности, но не в принципах функционирования.

Показательна история первой в мире корпорации – Британской Ост-Индской компании, созданной 31 декабря 1600 г. указом Елизаветы I и получившей обширные привилегии для торговых операций в Индии. Коммерческая компания вскоре приобрела правительственные и военные функции, которые утратила только в 1858 г. Британская Ост-Индская компания обладала не только монополией на торговлю в Индии, а также мироустроительными концептами, собственными денежными знаками, военным флотом, вооруженными частями, своей спецслужбой, отдельной дипломатией и т. п. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена британская колонизация Индии и ряда стран Востока. Ост-Индская компания является прообразом современных корпораций и одновременно образцом.

В конце XIX – начале XX в. роль экономики в жизни общества стала возрастать и, соответственно, стали увеличиваться роль и вес экономических субъектов. Лишь с этого времени можно говорить о становлении, планомерном и систематическом развитии экономической системы, роль которой со второстепенной и обслуживающей постепенно превращается в первостепенную и ключевую. Соответственно, реальное основание для планомерного и «массового» развития компаний, когда инициатива ведения предпринимательской деятельности переходит от государства к субъектам данного государства, можно вести лишь с конца XIX в.

Теоретико-методологические аспекты глобализации деловой активности компаний исследованы в трудах Д. Даннинга (J. H. Dunning), Р. Вернона (R. Vernon), С. Андерссона (S. Andersson), В. Андреффа (W. Andreff), С. Н. Пителиса (C. N. Pitelis). Среди российских ученых можно отметить работы И. Г. Владимировой, Ю. А. Голиковой, Н. Х. Вафиной, О. В. Климовец, А. Либмана, А. Мовсеяна, А. К. Субботина и др. В работах этих авторов рассматривались теоретико-методологические основы транснационализации стран и компаний. Однако универсального представления о сущности и природе глобальной компании в науке не выработано. Причиной является использование ошибочной методологии определения сущности глобальной компании, по которой глобальные компании рассматриваются как результат роста ТНК и представляют собой их разновидность, стоящую на следующей стадии «международности» своего развития.

Рассматривать глобальную организацию как следствие развития традиционных компаний национальных государств некорректно, поскольку глобальная компания является элементом совершенно другой системы управления, в которой нет национальностей, отличий, границ, уникальности.

Критерии, применяемые к национальным компаниям, ТНК или МНК, неприменимы к глобальным, поэтому и признаками глобальной компании не могут быть традиционные

признаки национальных и транснациональных компаний. Это объясняется следующими обстоятельствами. Как правило, выделяют три критерия ТНК:

- география деятельности (количество стран, где оперирует компания, как правило, две и более);
- многонациональность персонала;
- владение не менее 25 % акций, т. е. контроль над предприятиями; размер компании по обороту, активам, прибыли.

В глобальной корпорации учитывать количество филиалов в различных странах не имеет смысла, в связи с глобализацией экономики. Критерий транснациональности, т. е. пересечения капиталом, товарами и услугами границ, также теряет смысл в условиях интеграционной экономики. «Во все более глобализирующемся мире буква «F» в «FDI» исчезает (т. е. термин «прямые иностранные инвестиции» утрачивает слово «иностранное»). Это особенно верно для компаний, которые аккумулировали опыт и способности, необходимые, чтобы действовать интернационально» [23]. Такие компании рассматривают мировую экономику в целом и принимают решения не на базе национальных интересов, а на стратегических и экономических основаниях.

Многонациональность персонала как ключевой признак ТНК или МНК в глобальной компании также не имеет смысла, поскольку все граждане одного государства.

Размер для глобальных компаний также не показателен, поскольку, с одной стороны, «глобальные компании – это компании, производящие товары и услуги и занимающие монопольное или олигополистическое положение на 80 % и более мирового рынка, с международным характером организации производства, разработки и маркетинга продукции, с интегрированной системой управления и характером собственности, не позволяющими отнести их к какому-либо национальному хозяйству» [23]. С другой стороны, и небольшие по размеру компании можно определить как глобальные. «Мы уже глобальная компания. Глобальная компания – это не большая компания, это не такая компания, которая везде присутствует. Глобальная компания – это та, которая эффективна, которая сильна», – охарактеризовал «Норильский никель» Владимир Потанин [24]. Эффективность компании не является признаком ее принадлежности к глобальным корпорациям, однако В. Потанин прав в том, что глобальная компания – это не та, которая везде присутствует. В XVIII–XIX вв. «подавляющее большинство корпораций составляли мелкие предприятия» [10].

Глобальное общество пока не построено, потому говорить о глобальной компании в чистом виде преждевременно, однако компанию, которая стремится к глобальным целям, использует ресурсы для формирования социальной среды глобального государства, можно на данном этапе называть «глобальным игроком». Этот термин используется в зарубежной деловой периодике, означая наиболее совершенную форму ТНК [23].

Итак, глобальная корпорация – социально-экономический институт глобального общества (причем социальные задачи преобладают над экономическими) и, соответственно, основные элементы корпоративной культуры глобальной компании являются производными от глобальных общечеловеческих ценностей.

Как глобальная корпорация не является очередным этапом развития ТНК, так и рассматривать корпоративную культуру как эволюцию организационной культуры некорректно, поскольку основой создания, анализа и формирования организационной культуры являются религиозные, национальные, культурные и т. п. отличия, которые в рамках корпо-

ративной культуры нивелированы, заменены унифицированными общечеловеческими ценностями, которые как и традиционные культуры имеют религиозные корни. По аналогии с предприятиями Советского Союза, где об организационной культуре говорить бессмысленно, поскольку она едина для всех предприятий, фабрик и заводов, и определялась КПСС, так и корпоративная культура едина для всех глобальных корпораций и определяется религиозными ценностями.

Именно в корпоративной культуре наиболее четко проявляется суть культуры, заложенная в этимологии слова. Культ (лат. «уход, почитание») – строгая система богослужбной жизни или форма религиозного действия, представляющая собой совокупность специфических действий (ритуалов, обрядов, церемоний), вызванных соответствующим вероучением и направленных на сферу сакрального.

Предельная задача организационной культуры – убедить сотрудников в том, что цель организации – их цель, успех организации – их успех, работа в организации – их жизнь, т. е. сделать из организации фетиш, превратить в сознании людей организацию в источник их жизни, причем принять они эту идею должны добровольно, поскольку только в этом случае они будут максимально использовать свой потенциал на благо корпорации. Соответственно, квинтэссенцией развития корпоративной культуры является корпоративная религия. «Корпоративная религия – это целостная концепция, согласно которой компания выбирает «духовный» менеджмент... Корпоративная религия – сила, дающая полномочия. Она помогает всем в компании поверить в одно и то же» [25, с. 132].

Цель корпоративной религии – вовлечь человека в исполнение корпоративных ритуалов, приносящих руководству прибыль, а исполнителю – простое человеческое счастье в виде религиозного экстаза. В сети ресторанов быстрого обслуживания «Chick Fil A» с молитвы начинаются все общие собрания. Менеджеры не жалеют похвал в адрес прочных браков своих сотрудников, и все предприятия компании закрыты по воскресеньям. Вице-президент фирмы Тим Тассопулос говорит, что цель компании – «славить Господа»: «Я уверен в том, что моя деятельность является выражением высших ценностей» [26]. Другая сеть ресторанов быстрого обслуживания «In and Out Burger» печатает стихи из Библии на бумажных стаканчиках. Такие крупные концерны как «Ford», «AOL», «American Airlines» и «Intel» поддерживают религиозные объединения среди сотрудников. Подобная философия управления отражает усиливающуюся тенденцию в американском бизнесе. Из российских примеров можно привести «Пятерочку» – один из наиболее удачных отечественных опытов по применению принципов корпоративной религии [27, с. 42].

Проведенный анализ развития концепции организационного поведения, причин возникновения и развития корпоративной формы управления, сущности глобализации позволяет сделать вывод о том, что в основе корпоративной культуры глобальных корпораций лежат общечеловеческие ценности экуменизма. Корпоративные культуры различных глобальных корпораций унифицированы и высшей формой развития корпоративной культуры является корпоративная религия. Именно в развитии корпоративной культуры американские гуру менеджмента (П. Друкер, Й. Адизес и т. п.) видят основной ресурс повышения эффективности глобальных корпораций в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 10 корпораций, которые правят миром // Око планеты. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/114646-10-korporaciy-kotorye-pravyat-mirom.html> (дата обращения: 28.03.2016).
2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / пер. с англ.; под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
3. Короткий С. В. Корпоративное управление: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СЗТУ, 2010. 258 с.
4. Журова Л. И., Ломакин А. Н. Финансовый анализ деятельности корпорации // Вестн. Волжского ун-та. 2010. № 20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-analiz-deyatelnosti-korporatsii> (дата обращения: 28.03.2016).
5. Экономический словарь. URL: <http://enc-dic.com/economic/Korporacija-6829.html> (дата обращения: 28.03.2016).
6. Англо-русский экономический словарь. URL: http://economy_en_ru.academic.ru (дата обращения: 28.03.2016).
7. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. 1004 с.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2005. 1210 с.
9. Новый словарь иностранных слов. EdwART, 2009. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17266/%D0%98%D0%9D%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 28.03.2016).
10. Рождение корпорации. URL: <http://www.corpo.su/node/583> (дата обращения: 28.03.2016).
11. Гританс Я. М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. URL: <http://www.classs.ru/library/node/1935> (дата обращения: 28.03.2016).
12. Энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/23253/> (дата обращения: 28.03.2016).
13. Советский юридический словарь / под ред. С. Братусь, Н. Казанцева, С. Кечекьян и др. М.: Госюриздат, 1953. 781 с.
14. Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М.: МАКС Пресс, 2003. 149 с.
15. Тарасова Н. Е. Сущность и особенности глобализации на современном этапе развития экономики // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 398–400.
16. Актуальные вопросы глобализации // Междунар. экономика и междунар. отношения. 1999. № 4. С. 3–8.
17. Большая актуальная политическая энциклопедия. URL: http://greater_political.academic.ru (дата обращения: 28.03.2016).
18. Социальная сущность глобализации. Интервью А. Зиновьева. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=129&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 28.03.2016).
19. Проблема глобализации. Основные современные проблемы глобализации. URL: <http://fb.ru/article/197554/problema-globalizatsii-osnovnyie-sovremennyye-problemyi-globalizatsii> (дата обращения: 28.03.2016).
20. Вебер А. Б., Галкин А. А., Красин Ю. А. О России с тревогой и надеждой. М.: Алетейя, 2008. 435 с.
21. Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 28.03.2016).
22. Интернационализм. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/> (дата обращения: 28.03.2016).
23. Егоров И. А. Корпоративные стратегии глобальных компаний на примере автомобильных ТНК: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ин-т философии РАН. URL: <http://www.dissercat.com/content/korporativnye-strategii-globalnykh-kompanii-na-primere-avtomobilnykh-tnk> (дата обращения: 28.03.2016).

24. Потанин В. Мы уже глобальная компания. Информ. агентство 1-Line. URL: <http://1line.info/ekonomika-intervyu/item/50178-potaniin> (дата обращения: 28.03.2016).

25. Кунде Й. Корпоративная религия. СПб.: Стокгольм. шк. экономики, 2002. 267 с.

26. Религия и бизнес становятся побратимами. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2007-07-25-voa2/657885.html> (дата обращения: 28.03.2016).

27. Короткий С. В. Корпоративная религия // Науч. вестн. оборонно-промышл. комплекса России. 2012. № 1. С. 62–70.

S. V. Korotkii

National mineral resources university (Mining University)

THE CORPORATE CULTURE OF GLOBAL COMPANIES

The article analyzes the essence of corporate culture of global corporations, which is revealed on the basis of the analysis of the development of the concept of organizational behavior, causes of corporations appearance and development of corporate governance, the essence of globalization, signs of global corporations, sources of human values underlying the modern world incorporation process.

Organizational culture, corporation, globalization, global corporation, corporate culture

УДК 117, 130.2

И. В. Кузин

Санкт-Петербургский государственный университет

СТАТУС И РОЛЬ ТЕЛЕСНОСТИ У «РАННЕГО» К. МАРКСА И В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Представляется интерпретация и развитие феноменологического подхода Э. Гуссерля к проблеме телесности с целью определения возможностей сравнения этого подхода с положениями К. Маркса в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Показывается, что у Маркса также присутствует тема телесности (предметности), как значимая в раскрытии природы человека. В процессе анализа выясняется, что между философскими позициями этих разных мыслителей существует ряд не прямых (смысловых) совпадений, выявление которых делает более понятной актуальность проблемы телесности.

Маркс, Гуссерль, телесность, тело, мысль, «я», предмет, мир, человек, родовая сущность

В исследовательской литературе уже давно исполнена периодизация творчества К. Маркса, и в этой периодизации в целом неизменным остается указание на младогегельянский период, так называемый «ранний» Маркс, когда осуществлялось переосмысление гегелевской философии, вершиной которого по праву стали «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Именно эти рукописи привлекали в наибольшей степени западных экзистенциалистов, в то время как другие мыслители (в частности, наиболее известные из «Франкфуртской школы»), как и подавляющее большинство советских марксистов, обращались к наследию более позднего периода, условно берущего свое начало с «Манифеста коммунистической партии».

В данной статье через обращение к нескольким фрагментам рукописи 1844 г. попытаемся продемонстрировать существующий в них крайне интересный и в чем-то неочевидный

для современного философского дискурса поворот, позволяющий выявить проблематику телесности у Маркса и соотнести ее с феноменологическим подходом Э. Гуссерля. Для раскрытия сформулированной таким образом темы, где идеи «раннего» Маркса неявно оказываются созвучными феноменологии, во-первых, обозначим тот контекст, а именно феноменологический, во многом благодаря которому телесность постепенно становится одной из центральных тем философии XX–XXI вв., а во-вторых, впоследствии покажем, как сформулированные трансцендентальные характеристики могут быть подкреплены и усилены марксистским анализом, представленным в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

1. Понимание телесности как «мойности» через интерпретацию феноменологии Э. Гуссерля. Попытки представить автономными разум и тело терпят неудачу, потому что мысль оказывается бесплодной без фиксации себя на теле. Но в чем мы находим подтверждения этому? Почему бы, действительно, идее (мысли) не оставаться замкнутой на себе? Почему ее самозамкнутость оборачивается устранением ее самой в виде фикции, невозможности удостоверения себя как чего-то состоявшегося и свершившегося? Почему осуществленность проявляется воплощенностью, связью с телом?

Человеческое тело можно представить в качестве метки моего «я», как то, что выявляет мысль, выражающуюся посредством местоимения «я». Возможность последнего (выражение «я») является не результатом чистой саморефлексии, а следствием выступления «я» в телесном соприкосновении и общении. Подобное понимание «я» как привязанного к своему телу будет отличаться от картезианского утверждения самотождественности «я» в результате снятия сомнительности телесного бытия.

В феноменологическом дискурсе Э. Гуссерля, по существу, была предпринята попытка показать, что в тавтологическом утверждении «Я есть Я», порожденном сомневающимся и саморефлексирующим субъектом, не содержится мысль в полном объеме, так как мысль не равна просто «я», заявляющему себя так же и как тело. Значит, если последнее подлежит редукции, то она же должна быть распространена и на «я». Гуссерль полагал, что поэтапно проведенные им редукционистские процедуры позволяют окончательно избавиться от психологизма, еще затаившегося в картезианском «я», и, наконец, выйти к совершенно чистому сознанию. Отчасти он справедливо указал на изъян картезианской редукции к трансцендентальному полю сознания. Однако позднейшие работы немецкого философа, начиная с «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», вносят корректировку в понимание нетождественности «я» и сознания, в результате чего «я» в союзе с телом отвоевывает себе бытийный статус наравне с мыслью. Совсем непросто обнаружить непротиворечивую взаимодополнительность этих двух подходов. Такое затруднение вызвало разногласия среди последователей Гуссерля, часть из которых (в частности, Хайдеггер и Сартр), признав его аналитику бытийной сферы, заданной «Логическими исследованиями», отказалась соглашаться с реабилитацией трансцендентального субъекта «я» в более поздних разработках основателя феноменологии. Поэтому очевидно, что поиск совместимости отмеченных подходов требует интерпретации, развивающей дух феноменологической философии.

В рамках первого подхода, если выбирается феноменологическая ориентация на мысль-еще-без-«я», последней оказывается присуща способность одновременно охватывать «производимое» (представимое) ею в интенциональном акте (в том числе и «я», встраивающегося и/или собирающегося в мысль и тело из своего ничто) и находиться с ним же в активном отношении. В таком случае негласно введенное отождествление «я» с несомненностью мысли было действительно поспешностью со стороны Р. Декарта.

К этому же заключению нас подводят как самые обычные вопросы, которыми мы порою задаемся – «кто я?», «мыслию ли я?», так и случающиеся шизофренические состояния человека, теряющего идентичность своего «я».

В спонтанном акте мысли высвечивается, конституируется и деятельно узнается все сущее (в том числе и «я»), пребывающее до этого акта в недифференцированном потоке существования. Акт сомнения позволяет возвратиться к несомненности существования самой мысли, но вовсе не моего «я». Когда мысль испытывает сомнение, то сомневается она не в себе, а в ее носителе, в «я», не отлученном от *моего* тела как *моего* я. «Я» сомнительно, так как и оно, и нечто другое, являющееся предметом мысли, означает мыслью в полагающем акте высвечивания мира. Но так как мир предметен, материально (по Канту, в ощущениях) и чувственно-телесно очерчен, то и «я» может быть также проигнорировано или сведено на нет мыслью.

Тем не менее «я», биографически последовательно и изнутри эмпирической фактичности вырастающее к мысли, склонно проявить нечувствительность к имеющемуся формальному различию между мыслью и собой («я»), ее несущим. Эту развилку Декарт упустил из виду, что обернулось приравниванием этих двух оснований, но *скрыто* сохраняющихся различенными в формуле удвоения «я», в свидетельствовании своей идентификации тавтологическим суждением «я есть я». В результате, «я» оказывается выведенным из-под сомнения, шанса избежать которого лишается телесность (но следует заметить, что она не вполне тождественна предметности тела). Трансцендентально скрытая внутренняя нерасторжимость мысли и телесности, которые различимы лишь в рефлексии, в фактичности эмпирического существования, подменяются связью «я» с мыслью, а само тело становится лишним, отвергается как обуза. Справедливости ради надо заметить, что у Декарта все же есть прямое указание на это единство, которое, например, М. К. Мамардашвили обозначает как третью субстанцию [1, с. 303–304], хотя, если быть более точным, у Декарта оно названо третьим родом понятий [2, с. 492–495]. Но без такой оговорки, если мысль получает себя в виде выделенного чистого «я» и памяти о теле, с которым исходно у «я» связь является более осязаемой, то при абстрактном отождествлении себя с мыслью «я» отчуждает тело. Однако при таком обороте тело в полной мере не редуцируется, в него как бы впечатывается сомнение «мысли-я», и через никуда не исчезнувшую близость «я» с телом последнее в свою очередь осваивается в пространстве мысли, внедряя в него процесс распада и тления, как знака сомнения. Онтологически незаконная апроприация мысли, осуществленная «я», закладывает аберрацию в фактичность существования, задает ему иную размерность, раскалывающую бытие.

Таким образом, в своем первом феноменологическом проекте Гуссерль стремился методологически предотвратить несправедливую претензию со стороны «я» экспроприировать у тела «его» мысль, чему и способствовало очищение мысли от «я». В рамках второго подхода, т. е. на этапе, последовавшем за написанием «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», решается иная задача. По существу, он восстанавливает в правах телесность, онтологическая законность которой выявляется в описании единства «я» и мысли. С помощью «я» («я» как посредник) телесности возвращается полноправный онтологический статус.

Совмещение двух подходов подводит к пониманию согласованной целостности. Телесность (не тело, которое является конкретной и персональной выделенностью-средоточенностью телесности) предстает как стихийность, равноценная мысли; точнее ее можно было бы обозначить как весомую силу проявления мысли, субстратную форму ее выявления. Различен-

ность мысли и телесности принципиальна лишь в абстракции, в рефлексии, без которой можно говорить о единой автономной и анонимной силе интенсивности, существующей *вообще*, а не как *что-то*. Вместе с тем, эта «ничейная» сила открывается *всегда и только* в конкретной «персональности» («я» является знаком собранности, взявшей на себя нечто и связавшей его с собой; правда, уже сама мысль в своем единстве с телесностью, трансцендентально осмысленная, является собранностью, под которой древние греки имели в виду космос). Она объявляется только в персональном акте ответственности, очерчиваясь парой открытость-приятие, обращенность-ответ. В своем условном неперсональном существовании мысль и телесность совпадают, бытуют как поле, как рассредоточенная повсюду интенсивная сила, не теряющая своего единства (что очень удачно и точно было выражено К. Свасьяном [3, с. 41]), наподобие существования частицы в квантовой механике.

Однако и аберрация в восприятии реальности никуда не исчезает, так как первый подход обрисовывает факт повседневно обнаруживающейся претензии и ее инерции, свойственной «я». Предобморочное состояние может послужить одним из примеров, указывающим на специфику переживаний тела, которое «я» изымает из бытия мира, и проистекающих из этого конститутивных актов. В самонаблюдающей регистрации стадий предобморочного состояния вскрывается работа механизма замыкания внутренней жизни посредством преобразования ее существования из временного в пространственный модус. Поток времени внутренней жизни останавливается в рядо- и соположенность его частей, конституируясь в пространство. Тело как пространство оказывается застывающим временем, способствующим закреплению идентификации «я». «Я» получает зримое основание самообнаружения и манифестирования своей собственной позиции в бытии, превознесение которой оборачивается еще большим отрицанием своей связности с телом. Первичное появление «я» в паре с телом закладывает фундамент и для последующего отделения и отличения «я» от тела. Но по-прежнему и именно через тело, пространство «живого» времени, удостоверение своего «я» констатируется обращенными ко мне внимающими взглядами, видящими и собирающимися на теле. Подобную же востребованность другого мы находим и в экономической онтологии Маркса, хотя на иных основаниях, о чем пойдет речь далее.

Таким образом, в отношении картезианского мыслящего «я» и кантовского трансцендентального «я» мы вполне могли бы сказать, что, несмотря на то, что *в жизни они сопряжены со временем, по своей природе все же существуют вне времени и пространства*, в идеале совпадая с внемирным существованием, обнаруживаясь в мире лишь привходящим образом. У Гуссерля же «я» определяется принципиальной связностью со временем (саморефлексирующие акты, включающие в свою орбиту тело, выстраиваются в темпоральное бытие этого «я»). Косвенно это оказывается мнемоническим маркером сохраняющейся его укорененности в телесно-воспринимаемом мире. Из этой позиции весьма проблематичными выглядят попытки в какой-то из моментов жизни выставить трансцендентальное «я» внемирным. Трансцендентальное «я» налаживает устройство и порядок мира, связывая чувствуемый материал со своим чувствованием. В этой организованности мира заявляет о себе своеобразная «тело»-сфера, которую мы, отличая от «я», но не порывая с ним окончательно, назовем – «мойность», или телесность.

С данным понятием будет связан парадокс, который в общем был уже обнаружен нами чуть ранее. Исследование генезиса трансцендентального «я» показывает, что эта сфера не принадлежит «я», отождествляющему себя с мыслью, более того, она предлежит

ему. Вроде бы, на этом шаге следовало бы склониться к трансцендентализму Декарта и Канта, а никак не к трансцендентальному эмпиризму Гуссерля, который он сам еще называет идеализмом. Бесхозная и безответственная мойность не причастна к актам синтеза, осуществляемым трансцендентальным «я».

В каком тогда смысле для этого феномена выбирается не совсем удачное и точное наименование «мойность», лексическое содержание которого, очевидно, отсылает к местоимению «я», предшествующего его притяжательной форме? Это делается для того, чтобы была понята априорная предрасположенность данной сферы к тому, чтобы быть присвоенной «я», т. е. «мойность» – это берущаяся (и заряженная на это из ее настроенности) на себя телесность, но в отношении которой (уже взятой и представшей в качестве тела) «я» допускает отступничество, ее «предательство», идентифицируясь лишь с мыслью.

Зададимся вопросом, что означает, когда мы говорим: «Это мое»? Понятно, что «это» присвоено неким «я». Однако в самой по себе фразе «это мое» парадоксальным образом не содержится указание на присваивающее «я», несмотря на то, что без него, как нам представляется, абсолютно невозможно образовать, в качестве осмысленной, семантическую конструкцию «это мое». Таким образом, использование здесь понятия «мойность» без отсылки к «я» с грамматической точки зрения выглядит совершенной нелепостью, так как оно должно подразумевать своего предшественника – «я». Тем не менее, местоимением «мое» мы очерчиваем уже сложившуюся, инерционно продолжающуюся ситуацию некогда осуществленного акта присвоения, совершенного «я». И в этой инерции что-то мне принадлежащее становится естественным и само собой разумеющимся, органичным продолжением меня самого, а «я» устраняется и переходит в регистр как бы не замечаемого. Но это продолжается до тех пор, пока кто-то так или иначе не проявит заинтересованность этой моей собственностью, пробуждая вновь активность участия «я». Тем самым, в понятии «мое» определяется утрата активного проявления «я», так как оно размывается, сводясь к уровню, предшествующему ему, к анонимному существованию, которое в какой-то момент было и может быть собрано и привязано к актуализирующемуся «я», самостоятельно и ответственно берущего на себя это существование.

Имея в виду этот нюанс, преобразуем грамматическое различие между «я» и мое» («мойность») в более существенное терминологическое различие. При таком различении лексема «мойность» будет знаком открытой предположенности индивидуального, специфически предстающей как свершенная несвершенность. Такой тип существующей ориентации без «я» является почвой для воплощения индивидуальности, и в этом контексте «я» становится вторичной инстанцией, констатирующей и утверждающей свое право на «это», хотя до того оно *уже* было «моим», т. е. «я» осуществляет постфактум присвоение *уже имеющегося*, что вместе с тем не исключает возможности этого не делать. Приведем другую иллюстрацию, приближающую к сути дела.

«Я», в отличие от «мойности», очевидно, присуща активность, даже если по поводу этого «я» мы утверждаем страдательность его положения, как это происходит в случае словесного обозначения претерпевания боли. До некоторых пор «я» *берет и несет* на себе боль, сохраняя адекватность себе и выделенность из болевого существования, когда мы можем сказать «я испытываю боль» (или «мне больно», но лишь в том самом смысле, в каком говорится и «это мое», когда «я» возвращается для защиты ставшей привычной и кажущейся неотъемлемой от меня своей собственности; понимание этого может дать анализ витгенштейновского различения двух типов использования местоимения «я») [4, с. 72–74], и в

этом высказывании регистрируется наше активное принятие своего страдательного состояния. Но в какой-то момент боль становится невыносимой, тогда «я» все больше смещается в саму боль, стирается и, в конечном итоге, растворяется в ней. Здесь мы получаем расширение всего меня в боль, что равнозначно моей поглощенности болью, за которой прекращается всякая речь и остается лишь стон. Переживание невыносимой боли снимает осуществление синтетических процедур, наличие которых позволяет вводить и использовать местоимение «я». Мое «я» в этом случае угасает или уходит на второй план, в то время как мною целиком овладевает боль, захватывающая меня настолько, что я в ней полностью теряюсь без возможности зафиксировать ее с помощью «я». Однако, что существенно, остается осознание, что эта растворяющая «я» боль – моя. «Я» возвращается в анонимность того существования, из которого оно в свое время собралось в единство, взяв на себя существование. Есть только боль, сплошная, всепоглощающая. Можно сказать больше: и меня нет, если под этим «меня» иметь в виду то, что обязательно отсылает к «я», берущему на себя нечто со всей ответственностью за сделанное. Здесь же (в опыте боли) нет никакого ответственного акта присвоения, здесь застигнутость и растерянность.

Рождение и выявление «я» представляет собой решимость возвыситься и взять переживаемое «мое», рассеянное в «поле» множества таких же мойностей (также тотально поглощенных болью), мнимо считающихся анонимными, ничейными, до поры до времени раздавленных, не способных подать голоса и лишенных сил вырваться к рождению в выделяющемся акте «я».

Мойность оказывается неким «полем», заполненным интенсивными существованиями «здесь и теперь», не представляющими собой субъектов, берущих на себя конституирующие функции. Такое состояние поля «здесь и теперь» является специфическим состоянием тела – телесностью, живой трансцендентальной длительностью, в нарастающем потоке которой накапливается и «прорастает» трансцендентальный субъект, в прогрессирующих и повторяющихся актах саморефлексии конституирующий временной модификат существования «я» – ретенциальную глубину «я» и предвосхищающую его бытие («я») протенциальность. Временные модусы метаются на «полевой» материи, словно зарубки, сгущая ее в отличительные профили тела, которое и присваивается крепнущим трансцендентальным «я». Однако для самого «поля» характерна интенсивность *единства* «здесь и теперь», без какого бы то ни было сознательно ориентированного субъекта в нем. В таком контексте «мойность» как интенсивность «поля», скорее всего, может быть соотнесена с наиболее четко разработанным в средневековой философии понятием *плоти*, а проросший как временной конституэнт трансцендентальный субъект – со средневековым понятием *тела*.

В основании трансцендентального «я» лежит это некое не идентифицируемое, не тождественное себе *как бы* «я» – *мойность*, субстратирующая самоидентичность всякого сознательного «я». «Действительно, ничто не позволяет исключить возможность, что сознательные представления каузально зависимы от прямых идей (картезианское понятие «прямые идеи» в нашем контексте, с оговорками можно соотнести с вводимым нами понятием «мойности», или телесности. – *И. К.*), даже если последние и не доходят до сознательного представления. Тогда и само *cogito* может оказаться результатом доличностных процессов («прямых идей»)» [4, с. 84].

Растождествления, наблюдаемые в различного рода психических девиациях, показывают, что трансцендентальное «я» не вездесуще, оно может ослабевать и начинать терять контроль, однако при этом полного распада человека не происходит, хотя и говорят, что он

лично деградирует и утрачивает способность к ответственности. Метафорически это можно сравнить с разматывающимся клубком, в результате чего нить беспорядочно раскладывается во множество разрозненных сетей и спутанных поверхностей, но продолжая содержать в себе то единство, которое присуще нити как одной. Такое же сохраняющееся признание как человека получает и деградирующий человек. Причина этого лежит не в простом срабатывании психологической инерции прошлых признаний, а в действии некоего *синтезирующего начала* («третьей субстанции»), *иного*, нежели доминирующее на поверхности субъекта трансцендентальное «я».

Схематично, трансцендентальность экзистенции можно представить триадой – мысль, телесность, «я». Мысль есть интенсивность порядка, в то время как телесность – интенсивность хаоса. Их единство и есть то, что древние греки видели в органичной связи космоса с хаосом, обозначенной Ж. Делезом словом-бумажником «хаосмос». В телесности *мысль* достигает выразительность, а *телесность* в мысли обретает зрячесть и осмысленность. «Я» же (сколь бы незрелым оно было) как носитель единства и посредствующее звено наделяет их индивидуальностью, в которой открыто рождение личности.

Субстанциальную характеристику мойности можно соотнести с качественным определением лейбнизианской монады как восприятия. Каждая монада имеет восприятие, т. е. оно обще всем монадам, но это ее не унифицирует, так как монада всегда протоиндивидуальна, неповторима из-за своего иного положения по отношению к положению других монад. С такой *протоиндивидуальной восприимчивостью* сопрягается (возможно, что и через становление мойности к своей осознанности) и индивидуальное «я». В этой связи все попытки вывести принцип индивидуации из какого-то одного начала (тела или мыслящей души) в конечном итоге не достигают цели. Каждое из них является индивидуальным, и принцип индивидуации выводим из состоявшегося их единства, образующего полноценную индивидуальность – воплощенную и осознаваемую. В результате, человеческое тело предстает вышедшей из состояния немоты мыслью. Это означает, что наше тело таково, потому что оно является сознанием, «уплотненным» сознанием, застывшим символом сомневающейся мысли. Единство тела и сознания оказывается отличительным признаком человека, о чем свидетельствуют самые разные памятники человеческого духа.

Тем самым мы приходим к положению о том, что существует единый целостно-двусторонний феномен, представляющий в своем внутреннем различии через мысль как одна стихия, и телесность как другая стихия. В такой целостности случается «я», пробиваясь и кристаллизуясь в столкновениях различных интенсивностей – из неоформленности стихии интенсивностей (телесность) к своей оформленно-актуальной стихии интенсивностей (мысль). «Я» как зарождающаяся и выделившаяся интенсивность нацелено на объединение двух сторон, через что они и обретают свою зрелищно-воплощенную данность как целостность. Однако «я», соблазняясь условно-мнимой предпочтительностью формирующего начала мысли, вносит раскол, отталкивает от себя телесность и выпадает из синтетическо-очерчивающего ритма.

2. Неорганическое тело и мир как солидарность множества. Вся эта непростая, почти приключенческая история в трансцендентальной области со сложными и запутанными в ней отношениями, представленная в феноменологии Э. Гуссерля, по существу, на более доступном уровне воспроизводится социально-экономическим языком К. Маркса. Если исходить из духа феноменологических медитаций Гуссерля до его «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», то, обобщая, здесь мысль показывается как

пребывающая в некоем перпендикуляре по отношению к «я», пронизывая его своеобразной несамотождественной стихией, которая очерчивает себя лишь через свое рассредоточение в телесные облачения. Такое предметное обнаружение «я» и мысли, описываемое Гуссерлем, в ином контексте репрезентировано Марксом, осмысляющим такое обнаружение в качестве обязательного условия обретения человеком самого себя в своей сущности, именуемой родовой. Прояснение этого непрозрачного сближения трансценденталиста с материалистом можно делать либо через введение в марксистский дискурс лексики феноменологии и ее общего тематического настроения, либо сделав все наоборот. Феноменологическая транскрипция идей Маркса позволяет более пристально всмотреться в существующие точки соприкосновения трансцендентального эмпиризма (введением тела в качестве ядра жизненного мира) Э. Гуссерля и эмпирического трансцендентализма (в обращении к родовой сущности) К. Маркса.

В этой части затронем некоторые стороны глубоких и пронизательных размышлений Маркса в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», посвященных анализу природы и становления капиталистического общества, на основании которого был предложен целый ряд определений человека в его соотносительности к миру. Мир предстал здесь не только как посредник человеческих взаимодействий, и не только в ракурсе отчуждающего начала, но и как то начало, благодаря которому возможна гармонизация человеческой жизни. Эти характеристики сохраняют свою значимость и актуальность, несмотря на то, что мы живем уже в иной, посткапиталистической эпохе, даже если она признается принципиально отличной от той эпохи, которую описывал Маркс.

В рукописях 1844 г. красной нитью проходит указание на то, что человек является существом, осознающим свою вовлеченность в родовую жизнь, т. е. человек живет собственной жизнью исключительно в том случае, когда он живет жизнью общественной. Утверждение же себя как родового существа впервые, действительно и действенно, происходит в переработке предметного мира, позволяющей человеку выделиться как самостоятельной единице этого мира: «Практическое созидание *предметного мира*, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу» [5, с. 233].

Последовательное переключение на предметную область способствует не только реализации своей сущности, но постепенно формирует у человека привязанность именно к предметной области, с которой теперь начинает отождествляться реализация человеческой сущности. Рост присваиваемых материальных благ становится показателем становления и состоятельности личности, что уже идет в разрез с исходной мыслью К. Маркса о том, что «человек производит даже будучи свободен от физической потребности (чего нет у животного. – *И. К.*), и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу» [5, с. 233]. Здесь обнаруживает себя универсальность человека именно потому, что в таком производстве происходит вся природа, а не только ее часть в лице самого себя. Для человека именно само производство, свободное общение, а не обогащение в результате него «есть его деятельная родовая жизнь» [5, с. 234], т. е. в труде человек нацелен именно на другого человека, того, кто обретается в ходе трудовой деятельности, посредством которой обнаруживается принадлежность к общей сущности: «Благодаря этому производству при-

рода оказывается *его* (человека) производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно и через это созерцает самого себя в созданном им мире» [5, с. 234]. Поэтому отчужденный труд в марксистской логике становится тем злом, которое необходимо преодолеть, ибо он отнимает у человека предмет его производства, тем самым «отнимает у него его *родовую жизнь*, его действительную родовую предметность, ...его неорганическое тело, природу» [5, с. 234].

Здесь привлекает внимание использованное слово «тело». Известно, что в этот период Маркс сохраняет привязанность не только к гегелевской, но и к фейербаховской философии, для которой «реально меня никогда не было без тела. Тело полноценно, оно входит в мое Я. Больше того, оно есть у меня раньше, чем мое Я. Сознание определяется во мне тем, *какое тело говорит во мне “Я”*» [6, с. 35]. Какое же истолкование телу дается в последующих размышлениях Маркса, и как это связано с нашей чувственной организацией, которая имеет также определяющее значение для переживания как мира, так и самой нашей родовой сущности, чувствования другого как социума?

Как и в случае феноменологии Гуссерля, можно отметить, что отождествление «я» лишь с мыслью не является полноценным актом существования человека, который необходимо должен брать на себя свою предметно переживаемую телесность. Для Маркса единство мыслящего «я» и телесности проявляет себя в труде и присутствием в нем произведенного общения, потому что «человек не теряет себя в своем предмете лишь в том случае, если и этот предмет становится для него *человеческим* предметом или опредмеченным человеком» [5, с. 264]. Человеку на уровне чувств дается осознание, что вложенные им и в предмет силы и энергии и вхождение в меновые отношения относительно него формируют самосознание и окультуривание себя. Знаком обретения себя оказывается не столько потребление окультуренного предмета, сколько признание его таковым со стороны другого человека. Создаваемый предмет способствует достижению самосознания только при условии, что в его производство априорно как бы встроено сознание другого человека. Тем самым вскрывается социальная (множественная при единстве распределенность, что и будет общностью) природа не просто самосознания, но самого ума. Предмет становится человеческим лишь тогда, когда он является *общественным* предметом, а в этом случае и сам человек «становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [5, с. 264] (сущностью этого предмета).

Предмет, вовлеченный в общественный обмен, по существу и есть сам человек, а производственные отношения, в результате которых рождается очеловеченный предмет, репрезентируют родовую сущность, открывающую человека как человека: «...По мере того, как предметная действительность повсюду в обществе становятся для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится *им самим*» [5, с. 264] – человеком.

Также это объяснение возвращает нас к пониманию первой аристотелевской сущности, которая, понятая в качестве самостоятельной собственности себя, включала в состав этого «себя» не только внешне данное тело, но и все то, что приобреталось этим осознающим себя телом, осваивающимся в пространстве и продолжающимся в нем посредством приобре-

тенного. Все, что может собой продлить данное мне тело, может стать моей собственностью, собственностью тела, оказывающегося фундаментом существования отдельно взятого существа – человека, настаивающего на признании своего существования другими и выставляющегося со всей своей собственностью напоказ ради общественного признания (чем может быть объяснена и древняя традиция потлача): «...Определенность этого отношения (предмет–человек. – *И. К.*) создает особый, действительный способ утверждения» [5, с. 264].

Таким образом, у Маркса мы находим категориально иную, но схематически схожую с гуссерлевской триаду, описывающую осознание единства, – родовая сущность (мысль), человек («я»), предмет (телесность). В этой триаде драматургия выстраивается в большей мере вокруг предмета (телесности), что и подчеркивает Маркс – «не только в мышлении, но и всеми чувствами человек утверждает себя в предметном мире» [5, с. 265]. В отличие от Декарта, человек у Маркса подвержен соблазну склониться к сосредоточению и идентификации не с родовой сущностью, а, в конечном итоге, в ущерб самому себе с предметностью, которая представляется полнотой самореализации. Но предательство, забвение родовой сущности в процессе отчуждения себя в предмет приводит человека к экзистенциальному кризису, в скрытую потерю самого себя.

Чувство подвержено иллюзиям, одной из которых может быть уверенность в том, что питающим началом труда является потребление, необходимый рост трат. В таком случае капитал запускается в промышленное производство уже не в целях получения наслаждений его владельцем, а на производство наслаждений как таковых, сулящим прибыль и успокаивающим рабочего, который может извлечь из этого оборота капитала ему причитающуюся порцию наслаждений. На этом иллюзорном фундаменте достигается полная победа частной собственности, которая уже не персонифицирована, а в виде промышленного капитала устанавливает свое, вроде бы безупречное господство и над капиталистом, и над рабочим. Тем самым подобная форма частной собственности активизирует страсти таким образом, что они, хотя и усиливая отчуждение человека от родовой сущности, позволяют преумножать капитал. Можно допустить, что в этой логике продолжают существовать и современные экономические отношения, в которых капиталист разделяет владение собственностью между акционерами (которыми свободно могут быть и рабочие). Если это так, то данный факт распределения не указывает на начавшийся процесс реализации марксистской теории о добровольном отказе капиталиста от собственности на средства производства ради восстановления утраченного единства с родовой сущностью. В неспешном продвижении по этому пути, по мысли «доманифестного» Маркса, должен случиться переход к социализму (что, казалось бы, и демонстрирует нам сегодня, например, шведская модель капитализма). Но не исключено, что на современном этапе по-прежнему продолжается описанный Марксом процесс углубляющегося отчуждения, так как в модифицированной капиталистической системе пока и капиталист, и рабочий подчиняются безличной, анонимной и универсальной силе, получающей свое выражение в деньгах, с помощью которых эффективно производятся, возгоняются и спекулируются человеческие наслаждения. Однако в логике Маркса человеческое наслаждение, став экономическим наслаждением, не может эксплуатироваться до бесконечности в силу того, что ставка на это противоречит человеческой сущности, и ситуация, доведенная до предела, неизбежно качнет маятник в сторону возвращения к своему родовому началу. С этим и связывается идея преодоления капиталистической фазы развития

человечества и ее перерастания в коммунистическую, т. е. осуществление закона отрицания отрицания (отчуждения человеческой сущности) в живой, жизненно-значимой практике, а не только в акте осознания [5, с. 282–285].

С подобным мы сталкиваемся в повседневном общении, когда проявляем интерес не столько к своему собеседнику, сколько к самим себе, имея в виду под этим то, как мы посмотримся, какую выгоду можно получить из этого общения и т. п. В такой ситуации нас мало интересуют конкретные люди во всем их своеобразии. В лучшем случае мы можем увлечься составлением отвлеченного, идеального образа человека, комбинируемого из всего множества конкретностей, опуская то, что такой идеальный тип образован благодаря совокупности неповторимых индивидуальностей. У этого психологического феномена имеется и свое трансцендентальное основание: «Когда я представляю себя другим, я воображаю только себя, но не других» [7, с. 156–157]. Однако в экзистенциально-этическом отношении подобное желание прояснения себя через моделирование идеального типа человека приводит не то чтобы к удовлетворению, а наоборот, к недовольству другими, в которых этот тип никогда не находится. Рождающаяся здесь агрессия в отношении других становится очередным проявлением смущения от нас самих. Поступки ради своего самоутверждения, действия в угоду самим себя оказываются ваянием своих кривых зеркал в других, в которых ни с чем, кроме как с самими собой, невозможно встретиться. Тогда и для другого я становлюсь лишь средством, отталкивание которого было бы желательно увидеть как отталкивание самого себя, *своих* безобразных отражений в других. Чаще всего мы близоруки к этой порождаемой нами самими проблеме, и в простоте душевной на деле предпочитаем избавиться от этих других, ничего не решая. Но здесь есть и другая сторона дела, показывающая, что миг встречи отвергает застывание взглядов друг на друге, не связывает их насильно, а направляет к таинству новой встречи, к множеству других, которыми могут стать, например, наши будущие дети. В родившемся отклике есть продление далее, за пределы нашей ограниченности.

Сохраняющееся *чувствование* (а не понятийная рефлексия) родовой сущности постепенно выводит человека из влечения к обладанию как таковой предметностью, и направляет к существованию в гармонии со своей сущностью, т. е. в конечном итоге к полноценному общению и любви: «...Не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом – *человеческое* чувство, человечность чувств – возникает лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. ...Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи» [5, с. 265]. Для человека же как не животного очеловеченная пища будет означать уже нечто большее ее самой, как и известное изречение Л. Фейербаха «человек есть то, что он ест» следует понимать в контексте исходной парацельсовской фразы, означавшей «поглощение человеческого тела божественной плотью причастия» [6, с. 37], точно также, как у Фейербаха «в провалах моего понимания невидимо присутствует другой (другая), в конечном счете – все человечество, не как идея, а как реальное множество мне подобных существ, какими я не стал» [6, с. 36].

В этой же связи стоит еще раз обратить внимание на любопытное заявление Маркса о том, что «*чувственность* должна быть основой всей науки» [5, с. 268]. Это положение не является простым подведением к необходимости признания приоритетности эмпирического

фактора. Этот эмпирический момент сам получает свое фундаментальное основание в экзистенциальном факте социокультурного признания на почве предметной деятельности, так как социальная «история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком» [5, с. 268]. Идея природы, становящейся человеком, вполне гегелевская, что лишний раз подчеркивает, в какой период творчества Марксом высказывались подобные соображения. Однако в отличие от гегелевской системы Маркс как бы останавливается на чувственности, делая ее, а не чистое понятие (рационализм), основанием обретения единства человеческой жизни как чувственно-одухотворенной сущности: «...Непосредственной *чувственной природой* для человека непосредственно является человеческая чувственность..., непосредственно как *другой* чувственно воспринимаемый им человек; ибо его собственная чувственность существует для него самого как человеческая чувственность только через *другого* человека. А *природа* есть непосредственный предмет *науки о человеке*» [5, с. 268].

Когда Маркс пишет, что человек живет «целиком милостью другого, ...он – источник моей жизни; а моя жизнь непременно имеет такую причину вне себя, если она не есть мое собственное творение» [5, с. 269], то этот тезис следует понимать более широко, не сводя другого лишь к другому человеку. Ведь для Маркса чувственное сознание – *природа*, ставшая человеком, в чем ему видится убедительное свидетельство необходимости отказа от поиска первопричины порождения всего. Поэтому здесь заключен не столько буквальный смысл, побуждающий к отказу от всяких доводов относительно существования некоего первоначала, сколько более глубокая метафизическая подоплека, состоящая в том, что человек реально ответственен за свое бытие, за бытие как таковое, преобразуемое человеком в человеческое в силу такого существа природы. Человек выступает как решимость быть началом, не будучи при этом самим первоначалом. Вполне экзистенциалистский тезис о предшествовании существования сущности (понимаемую и как абстракцию и т. п.), сформулированный до появления самостоятельно оформившегося философского направления XX в., и обнаруживающий себя в иных социально-философских контекстах: «...*Всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека... Так как... человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то *чуждом* существе, о существе, стоящем над природой и человеком – вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека» [5, с. 270–271]. Это положение лежит за пределами банального отрицания существования Бога, потому что данная речь касается другого порядка существования вещей, когда социализм преодолевает не только грубый коммунизм, но, что неожиданно в отношении привычно излагаемого марксизма, и атеизм. В этом контексте мы имеем дело с внеидеологической, неангажированной, подлинно философской позицией, вовсе не исключающей своего идеологического или религиозного следствия. Основу этой позиции создает положение о прирожденном, естественном нахождении мира в общительности, отсюда и человеческая потребность в общении как самоцели, когда для социалистических рабочих «курение, питье, еда и т. д. не служат... уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение» [5, с. 281].

Человек в предметном существовании предметно выявляет родовую сущность, в служении которой ею оказывается и сам предмет. Конечный смысл предметно существующего мира – это вскрытие его родовой сущности, т. е. его всецелое пребывание в единстве

общения и соотнесенности всего со всем. Отклонение и потеря телеологического значения мира, в частности, погружение человека («я») исключительно в его предметно-чувственно-телесную данность разрушает и разъедает (коррумпирует) возможности адекватного общения между сущим. У Маркса «предательство» родовой сущности ради преданности предметности (в отличие от Декарта, у которого «предательство» совершалось наоборот – телесность предавалась в пользу мышления) происходит в установлении эксплуататорских производственных отношений, нарушающих первоначально невинное состояние мира как родового общения, т. е. родовой множественности, объединенной диалогом. Тем самым Маркс перевел трансцендентализм в практическую плоскость, показал его сущность на примере конкретных социальных практик, однако, смысловая основа понимания бытия осталась действительно общей с феноменологией, будь то феноменология Гегеля или феноменология Гуссерля. Очеловеченный предмет и опредмеченный человек являются знаком всеобщей общительности, мира как родовой множественности, существующей в единстве через всемерную соучастность. Мир предстает как сообщество и коммунитарная диалогическая сообщаемость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс; Культура, 1993. 352 с.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
3. Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М.: Академ. проект, 2010. 206 с.
4. Шеффер К.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010. 392 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Социология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 432 с.
6. Бибахин В. В. История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Наука, 2014. 398 с.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 316 с.

I. V. Kuzin

Saint Petersburg State University

THE STATUS AND ROLE OF THE CORPORALITY AT «EARLY» C. MARX AND IN E. HUSSERL'S PHENOMENOLOGY

This article represents interpretation and development of phenomenological approach of E. Husserl to a corporality problem with the aim to determine opportunities of comparison of this approach with K. Marx's provisions in the work «Economic and philosophical manuscripts of 1844». It is shown in research that Marx also has a subject of corporality (concreteness) as significant in disclosure of human nature. During the made analysis it becomes clear that between philosophical positions of these different thinkers there is a number of indirect (meaning) coincidence which identification does more clear relevance of a corporality problem.

Marx, Husserl, corporality, body, thought, «I», subject, world, person, patrimonial essence

УДК 316.647.5:054.72

В. В. Тузов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МИГРАЦИЯ

Рассматривается противоречивая сущность толерантности и ограничения в ее применении к процессу миграции. Ограничения определены характером отношений на современном этапе развития общества. В условиях конкуренции односторонняя толерантность губительна для принимающей стороны.

Толерантность, противоречие, конкуренция, мигранты, рациональное, иррациональное

Сегодня очень популярными стали слова «толерантность» и «мигранты». В ряде европейских стран большие группы населения выходят на улицы с лозунгами в поддержку толерантности по отношению к мигрантам, а их противники с требованием не пускать беженцев на свою территорию. Политики тоже разделились в данном вопросе на противоположные группы.

Попытаемся проанализировать проблему мигрантов и толерантности не на уровне политики, морали, культуры, эмоций, а на уровне философской рефлексии. Для этого необходимо задействовать определенные инструменты. Во-первых, в процессе анализа проблемы необходимо погрузиться на уровень сущности, т. е. обнаружить закономерности, которые определяют рассматриваемый процесс. Во-вторых, для понимания анализируемого явления задействовать известные закономерности, лежащие в основании определенного круга явлений. В-третьих, связать ситуативные процессы, протекающие в настоящее время, с долговременными процессами развития человеческого общества, его истории. Без этого невозможно понять и выстроить прогноз того, что волнует людей в настоящее время.

Чтобы понять, как относится к данной проблеме необходимо, прежде всего, выяснить, что такое толерантность.

Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение) обозначает терпимое отношение к иному, не похожему, другими словами – это абсолютная нечувствительность или существенное уменьшение остроты реагирования на какой-либо социальный раздражитель как результат падения его значимости для субъекта [1, с. 464].

В научный оборот понятие «толерантность» было введено Г. Олпортом, который выделял три вида толерантности: 1) толерантность как система установок, связанных с этническими и расовыми различиями, 2) конформная толерантность и 3) толерантность как черта характера.

Олпорт считал, что предрасположенность к толерантности или к интолерантности формируется в раннем детстве: «Нам представляется, что толерантные дети вырастают в семьях с принимающей атмосферой. Их любят и принимают вне зависимости от того, что и как они делают. Наказания в таких семьях не бывают слишком суровыми или непоследовательными, и ребенок не вынужден каждую минуту подавлять свои импульсы во избежание родительского гнева... В прошлом предубежденных детей, в отличие от толерант-

ных, как правило, обнаруживается «угрожающая обстановка». Лейтмотивом жизни толерантных детей оказывается безопасность, а не угроза. В процессе самоосознания ребенок приучается сопоставлять свою тягу к удовольствию с требованиями наличной ситуации и своим потенциалом развития. Он получает достаточно удовольствия без подавления других и чувства вины и не проецирует чувство вины на окружающих» [2, с. 40–41].

Ряд социологических исследований показал, что уровень толерантности индивида зависит от уровня его образования. Как считает Г. Олпорт, это связано с тем, что «...повышение уровня образования связано со снижением страха и беспокойства», а также с тем, что «...образованность позволяет видеть общество в целом и понимать, что благоденствие одной группы связано с благоденствием всех остальных» [2, с. 46].

В приведенных высказываниях Г. Олпорта толерантность как черта личности зависит от воспитания и образования, это элемент культуры, проявление рационального начала как в обществе, так и в человеке.

В преамбуле Декларации принципов толерантности (утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) записано, что Устав Организации Объединенных Наций гласит: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности... и в этих целях проявлять толерантность и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» [3].

В ст. 1. «Понятие толерантности» прописано:

1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений... Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира [3].

1.2. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение... Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства [3].

1.3. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка [3].

1.4. Проявление толерантности... означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим [3].

Однако нас должно интересовать не содержание понятия, а источник его происхождения. В этом смысле толерантность является результатом мыслительной деятельности передовых представителей человеческого рода. Понятие толерантности – это элемент культуры, проявление рационального начала как в обществе, так и в человеке. Другими словами, мыслящие люди осознали важность терпимого отношения к чужому мнению, чужой культуре, иной религии и выразили это как призыв к другим людям быть терпимыми в отношении друг к другу: «Я не разделяю ваших убеждений, но я отдам жизнь за то, чтобы вы могли их высказать».

Анализ содержания п. 1.4 Декларации отражает, во-первых, рациональное начало, выраженное в Декларации, и обращение к рациональному началу жителей Земли – «Давайте жить дружно», во-вторых, двойственность самого понятия толерантности, а точнее его противоречивость, т. е. **каждый свободен** придерживаться своих убеждений и **признает такое же право за другими**. Взгляды одного человека **не могут быть навязаны** другим [3]. Давайте предположим, что кто-то не читал этого документа и не слышал ничего о толерантности. В этом случае он может не признавать право другого на его взгляды и навязывать ему свои, особенно если ему очень хочется это сделать и сила при этом на его стороне. Другими словами, у толерантности есть противоположность – интолерантность или «нетерпимость». Разумное начало в человеческом обществе требует толерантности, а что-то другое в человеке требует нетерпимости. И здесь мы подходим к фундаментальным проблемам человеческого существования, глубинным процессам, лежащим в основе нашего поведения.

Чтобы с этим разобраться, надо прежде всего посмотреть на самого человека. Человек по своей природе существо двойственное. С одной стороны, это природное существо, обозначаемое в психологии термином «индивид», с другой, – существо социальное, обозначаемое термином «личность». Личность это то, что индивид взял у общества в процессе социализации, это часть человеческой культуры, усвоенная человеком и ставшая его составной частью. Личностное начало в человеке определяет его мысли, желания, поведение.

Однако, как показывает практика, а так же современные исследования в области этологии, поведение человека детерминировано не только рациональным, но и иррациональным началом. Вся литература и художественная, и философская на протяжении времени ее существования пронизана описаниями поведения человека, которое не подвластно разуму. Уже Гиппократ и Гален высказывали предположение, что некоторые черты поведения человек наследует генетически. Особое место среди биологических теорий занимает *эволюционный подход*. Сторонники эволюционного подхода рассматривают различные аспекты человеческого поведения как проявление видовых наследственных программ. Критики эволюционного подхода считают необоснованным перенос законов поведения животных на психологию человека. Это противостояние остается в науке и сегодня. Однако с появлением этологии сторонников признания того, что биологические поведенческие программы имеют место в человеческом поведении, становится все больше.

Размышляя о противоположности человека и животного, – отмечает Б. В. Марков, – нельзя ограничиться абстрактными философско-теологическими и биологическими дихотомиями. На самом деле в культуре произошли существенные сдвиги, изменившие традиционные границы. Так, биология, занимающаяся описанием жизни популяций животных, установила наличие у них кооперации, дифференциации, коммуникации, а также практического интеллекта, которые прежде приписывались только человеку. Наоборот, историки и культурологи отмечают важную роль биологических факторов даже в современном обществе. Историей правит не только разум, но и «основной инстинкт», поэтому для понимания исторических событий приходится учитывать страсти и аффекты, желания и влечения, определяющие поведение людей [4, с. 205].

Зигмунд Фрейд прямо поставил вопрос о том, что управляет поведением человека. С его точки зрения основным источником энергии в человеке, которая подвигает его к действию, является темное природное начало «Ид», т. е. человеческие инстинкты [5]. Долгое

время психологи считали инстинкты уделом животных. Сегодня можно найти уже классификации инстинктов человека, среди которых называются не только пищевой и половой, но и целый ряд других. **Этнологический подход** Конрада Лоренца, развивающий идеи Дарвина, объясняет различные феномены человеческого поведения, прежде всего, врожденным инстинктом борьбы за существование. «Агрессия, проявления которой часто отождествляются с проявлениями инстинкта смерти, – это такой же инстинкт, как и все остальные, и в естественных условиях так же, как и они, служит сохранению жизни и вида» [6, с. 6].

А. Вязовский и А. Протопопов в книге «Инстинкты человека» подробно описывают систему разнообразных инстинктов, присущих человеку. Рассмотрим некоторые из них, относящиеся к рассматриваемой проблеме.

Авторы выделяют инстинкты, обеспечивающие вертикальную консолидацию. Вертикальная консолидация группы реализуется иерархией соподчинения особей, в которой различные особи резко дифференцируются по своей ценности, значимости, и правам. Человеку, как и любому живому существу, присущ инстинкт групповой изоляции. Он проявляется в инстинктах территориальности и ксенофобии. Территориальность чрезвычайно распространена в животном мире. Ее физический смысл заключается в закреплении за особью (семьей, группой) более или менее фиксированной территории, предоставляющей ей кормовые и прочие ресурсы.

Ксенофобия является «изнанкой» всех видов групповых консолидаций, особенно родственной. Проявляется она в неприязни и враждебности ко всем индивидам, не входящим в текущие объединения данного индивида. Наиболее резко ксенофобия проявляется по отношению к особям и группам, чьи визуально определяемые генетические различия лежат вблизи границы скрещиваемости. Это или близкие виды, или представители своего вида, обитающие на границе ареала (другие расы). Далеким видам как таковой ксенофобии не вызывают, так как вряд ли являются конкурентами в данной экологической нише [7].

Занимаясь проблемами и закономерностями исторического процесса, автор настоящей статьи пришел к выводу, что в живых существах, в том числе и в человеке, действует инстинкт, который можно обозначить как инстинкт «доминирования-подчинения». Этот инстинкт обеспечивает реализацию стремления живого существа **стать первым**. Если предположить, что такого инстинкта нет, то остается открытым вопрос о том, какова природа активности живых существ, природа конкуренции и основа доминирования. Благодаря чему осуществляется естественный отбор, обнаруженный Ч. Дарвином.

С данной точкой зрения согласуется концепция Д. Макклелланда, в которой мотивации субъекта связываются с тремя основными группами потребностей: во власти, в успехе, в причастности. Впервые в систему побудителей человеческой активности вводится потребность во власти как таковой [8].

Исходя из сказанного, должно признать, что поведение человека определяется не только разумным, основанным на знаниях и культурных нормах началом, но и иррациональным началом, в основе которого лежат инстинкты и прежде всего стремление быть первым, стремление доминировать. Это стремление у разных людей проявляется в разной степени: у одних очень сильно, у других слабо, у третьих «так себе». Политики, крупные бизнесмены, «воры в законе», личности лидеры – это категории людей с сильно выраженным стремлением доминировать. Иррациональное стремление доминировать в случае достижения статуса альфа самца или альфа самки у животных, должности или статуса в со-

циуме у людей обеспечивает особи или индивиду преимущественный доступ к дефицитным ресурсам – статус дает возможность полнее удовлетворять свои потребности. Эта особенность человека (двойственность) проявилась и в особенностях организации общества и в характере исторического процесса.

Для выявления логики и некоторых закономерностей развития человеческого общества необходимо использовать диалектику как философскую методологию и синергетику как общенаучную методологию. Диалектика раскрывает законы развития любого объекта, если он способен сам развиваться, а синергетика как концепция самоорганизации – законы самоорганизации объекта определенного класса. Такими объектами или системами являются открытые, неравновесные системы, которые для своего существования обмениваются с внешним миром веществом, энергией и информацией. Общество как раз и является такой системой.

История выявила в развитии человеческого общества две принципиально разных формы связи людей в сообщество: первобытная и цивилизованная. Первобытная форма связи людей в сообщество делает их равными друг другу в социальном плане. Каждый заботится о другом. Нет эксплуатации одних людей другими. Это «золотой век», о котором вспоминали многие философы последующих эпох как об идеале человеческих отношений.

Цивилизованная форма связи носит совершенно иной характер. Люди неравны, есть богатые и бедные, знатные и не знатные. Есть эксплуатация. Никто ни о ком не заботится, если человек не является близким родственником. Все конкурируют со всеми.

Если наложить на эти знания диалектику, точнее закон двойного отрицания, то появится логика. Этот закон, выражается немецким философом Г. Гегелем в формуле: «Тезис – антитезис – синтез». Это логика развития объекта и закономерность, противоречивость этой логики. Сначала объект возникает как нечто новое и самостоятельное – «тезис». Начинает развиваться и в один прекрасный момент полностью меняется. Переходит в форму «антитезиса». Общество было первобытным, где человек человеку был «другом, товарищем и братом», а стало классовым, «где каждый за себя, один Бог за всех». Общество первобытное основано на разумном начале, как бы странно это не звучало. Это разумное начало регулирует взаимоотношения между людьми и представляет собой культурную норму, т. е. запрет на инстинктивное поведение – табу. Откуда взялась эта норма мы не знаем, но норма, культура возникли. Однако разум был необычайно слаб, развитие шло крайне медленно и природа включает новый источник развития, отличный от предыдущего. Вместо разума поведение человека стало определяться инстинктом. Условно его можно назвать «инстинкт доминирования-подчинения» или «стремление быть первым». Этот инстинкт запускает процесс конкурентной борьбы за все, и прежде всего, за ресурсы. Однако эта борьба не бессмысленная, она имеет цель: в результате ее осуществляется отбор самых успешных индивидов и проявляется закон естественного отбора.

Сегодня человечество пребывает в фазе антитезиса, когда конкуренция является основой взаимоотношений. Конкуренция является порождением иррационального начала в человеке. Говорить о стадии «синтеза» мы не будем, это другая тема.

Вот этот последний вывод (о конкуренции) нам и необходим для понимания того, как воспринимать толерантность в отношении к миграции. Социальная среда, в которой происходит социализация человека, формирует у него определенный тип поведения. Сама среда, ее организация в значительной степени зависит от природы человека. Природа че-

ловека биосоциальная, значит, социальная среда по своему качеству может быть человеческой, т. е. основанной на рациональном начале, культуре, знаниях или биотической, основанной на инстинктах. Конечно, в чистом виде «или-или» это не проявляется. Речь идет о преимущественном проявлении в поведении того или другого начала.

Уже упомянутые авторы Алексей Вязовский и Анатолий Протопопов, говоря об инстинкте, справедливо уточняют его понимание. Они считают, что под инстинктами в данном случае следует понимать врожденную предрасположенность (мотивацию) людей поступать в определенных ситуациях определенным образом (или избегать каких-либо поступков). Не всегда это стремление может быть реализовано из-за социальных табу или форс-мажорных ограничений, но желание и, как следствие, эмоция, подкрепляющие это желание, могут быть вычленены и описаны. Речь идет не о шаблонных врожденных реакциях, а об эволюционно возникших тенденциях в поведении отдельного человека и групп людей со своими «пусковыми» механизмами (релизерами), внутренними (гормональными и химическими) причинами, а также адаптивной ценностью [7].

Инстинкт выступает у человека как внутренний импульс, влечение, а сознание решает дать ему возможность реализоваться или вытеснить его в подсознание, как писал З. Фрейд, если то, что требует инстинкт, порицается обществом.

Идея терпимости возникла в рамках философии, как позиция в споре. «Я не согласен с твоей точкой зрения, но я ее выслушаю». Толерантность это идея, позиция, сформулированная интеллектуалами, это идеология. Один из классиков марксизма писал, что идея становится материальной силой, когда овладевает массами. Но она должна овладеть массами, а сегодня этого нет, и не может быть в принципе. Дело в том, что основа современного общества совершенно другая, иррациональная. В нашем мире идет конкурентная борьба за все: за территорию, ресурсы, рынки сбыта, престиж, власть и т. д. Соревнуются люди и государства, соревнуются религии и культуры. Благодаря этому идет отбор формы организации людей в сообщество, которая более жизнеспособна в данный момент времени. Рабовладение, феодализм, капитализм в разнообразных формах проявления – это все пробные формы, которые вытекали из особенностей самого человека и того, как в данных условиях сочетались эти особенности: в каких пропорциях соединялись рациональное и иррациональное, культурное и природное, гуманизм и эгоизм. Характер поведения людей отражает этап самоорганизации социума, который осуществляется методом проб и ошибок. Э. Фромм, характеризуя новую эпоху рыночных отношений в условиях «развитого капитализма», считает, что она рождает и «человека нового типа», человека с «рыночным характером». «Человек, обладающий рыночным характером, – пишет он, – воспринимает все как товар, – не только вещи, но и саму личность, включая ее физическую энергию, навыки, знания, мнения, чувства, даже улыбки... и его главная цель – в любой ситуации совершить выгодную сделку» [9, с. 27].

Из этих рассуждений можно сделать вывод: каждый мигрант является носителем определенной культуры, приверженцем той или иной религии и включен помимо всего прочего в систему конкурентной борьбы под названием «капитализм». Одновременно он является носителем рационального и иррационального начала, которые определяют его поведение. Если он не читал «Декларацию принципов толерантности» или не согласен с ней, или ему не выгодно толерантное поведение, то он будет руководствоваться в своем

поведении не доводами разума, а собственными интересами. События в Косово, процессы, происходящие сегодня в Германии, Швеции и других странах Европы, когда мигранты выдвигают требования, устанавливают свои порядки (пока только в тех районах, где они компактно проживают), доказывают, что человек будет руководствоваться интересами либо своими собственными, либо политическими.

Еще один аспект или фактор, влияющий на адаптацию мигрантов, связан с девиантным поведением. Причин девиантного поведения много, они до конца не выявлены, нет единой точки зрения на эту проблему. Однако в связи с процессом адаптации как местной молодежи, так и приезжей возникает общая для этой категории людей проблема, порождающая девиантное поведение. Ю. А. Клейберг, анализируя разные точки зрения на эту проблему, пишет, что, по мнению Р. К. Мертон, аномия представляет собой результат конфликта или рассогласованности между «культурой» и «социальной структурой», нормальными, законными средствами и побуждением к поиску новых (незаконных) способов удовлетворения потребностей. Р. Мертон выделяет пять способов «аномического приспособления» как реакцию на анемическое напряжение в различных формах адаптации: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж [10, с. 11]. Это еще один фактор, который делает миграцию опасной для принимающей стороны, если она не готова к такому повороту событий. У мигранта должно быть жилье, работа, нормальные условия жизни, по уровню не уступающие уровню жизни коренных жителей. Если он вынужден жить в резервации, в унижающих человека условиях, это вызывает не благодарность, а совсем другие чувства. А главное – протест и желание отстоять свои права.

Если вспомнить о методологии, то обнаружится закономерность, открытая синергетикой, которая предупреждает об опасности необдуманного, одностороннего подхода к миграционному процессу. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов в статье «Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса» отмечают, что не какие угодно структуры, не как угодно, не при любой степени связи и не на каких угодно стадиях развития могут быть объединены в сложную структуру. Существует ограниченный набор способов объединения и построения сложного эволюционного целого. Избирательность, квантованность способов объединения частей в целое связана с накладываемым требованием существования в одном темпомире, т. е. развития с одним моментом обострения. Это физическая основа квантования при интеграции сложных эволюционирующих структур. Если объединяемые структуры имеют разный, даже немного отличающийся момент обострения, то вблизи обострения (особенности) они будут развиваться несравнимо по интенсивности» [11].

Здесь речь идет о том, что с точки зрения синергетики системы, живущие в разном темпомире (т. е. процессы, лежащие в их основе, по скорости протекания не совпадают) не могут соединиться. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что носители разных культур не могут ассимилироваться в современных условиях, так как слишком велико различие в культуре этих людей. Чаще всего мигранты не принимают другую культуру, она им чужда. Они приезжают для решения проблемы материального благополучия или безопасности. Ничего остального они менять не намерены: ни языка, ни религии, ни ценностей, ни образа жизни. Практика сегодняшнего дня показывает, что процесс

ассимиляции мигрантов в культуру страны пребывания, если их много, не происходит. Они живут со своим языком, религией, традициями, общаются, преимущественно со своими, браки заключают между своими и т. д. До определенного момента это не вызывает существенных проблем, но если условия жизни меняются, трудностей становится больше, межнациональные отношения обостряются. Кроме того, национальный вопрос, разыгрывается политиками в своих интересах. Пока мигранты не организованы, каждый живет своей жизнью, обеспечивая по возможности комфортные условия существования для себя и своей семьи, но если их организовать, внедрить идеологию и указать врага их благополучию, получится бомба.

Вывод только один: толерантность есть достижение человеческого разума, и человечество может гордиться им. Но оно слишком разнится по уровню жизни, образованию, культуре и интересам. Толерантность – это идея, разработанная идеологами, это элемент будущего, которого пока нет. Насколько она внедрена в умы миллиардов людей, никто сказать не может. Учитывая характер существующих общественных отношений (отношений конкуренции), к толерантности следует относиться очень осторожно, с оговорками и применять ее дозированно, учитывая известные законы демографии. Толерантность, если она применяется несвоевременно, может оказаться неуместной и губительной. Нечто похожее можно наблюдать сегодня в Европе, когда принимающая сторона пропитана идеологией толерантности и мультикультурализма, а гости думают лишь о том, как устроить свою жизнь получше и остаться такими же, как и раньше. Европейец, чтобы хорошо жить, много работает, а мигрант стремится в ту страну, где безработному обеспечивают хорошие условия существования. Однако не надо забывать, что Европа мигрантам (вынужденным) должна. Должна за годы колониализма и за сегодняшнюю разруху. И если Европа об этом предпочитает не знать и не помнить, то мигранты это прекрасно осознают, а в межнациональных отношениях нет ничего хуже, чем скрытая обида и ощущение несправедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
2. Олпорт Г. Природа предубеждения. Век толерантности // Науч.-публицист. вестн. 2003. № 6. С. 39–50.
3. Декларация принципов толерантности (утв. резол. 5.61 Генеральной конф. ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 г.). URL: <http://tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 20.03.2016).
4. Марков Б. В. Философская антропология: учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
6. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
7. Вязовский А., Протопопов А. Инстинкты человека: попытка описания и классификации. URL: <http://ethology.ru/library/?id=407> (дата обращения: 20.03.2016).
8. Электронный учебник по психологии. URL: <http://krip.kbsu.ru/ps/glava11.html> (дата обращения: 20.03.2016).
9. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высш. шк., 1992. 143 с.
10. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М.: ТЦ Сфера; Юрайт-М, 2001. 160 с.
11. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса. URL: <http://spkurdyumov.ru> (дата обращения: 21.03.2016).

V. V. Tuzov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

TOLERANCE AND MIGRATION

Tolerance has contradictory essence. Its application to the process of migration has limitations. Limitations are related to quality of relations of capitalist society. This quality is competition. Tolerant attitude of the receiving party toward guests without good attitude of guests toward the host party is dangerous.

Tolerance, conflict, competition, workers, rational, irrational

УДК 81'42: 659

А. А. Горячев

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ И БИЗНЕС-PR: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА И ЖАНРОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Посвящается выражению познавательно-просветительских смыслов в рекламных и PR-текстах коммерческих организаций. Показывается, как удовлетворение познавательных потребностей адресата позволяет бизнес-субъектам воздействовать на целевые аудитории более эффективно. Рассматривается вопрос, как познавательно-просветительская интенция в текстах коммерческой рекламы и бизнес-PR соотносится с интенциями, которые в этих сферах деятельности могут считаться основными, и какую функциональную нагрузку в таких текстах нести познавательно-просветительские элементы.

Познавательно-просветительские смыслы, медиа, реклама, связи с общественностью, дискурс

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований «Культурно-просветительский медиадискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры» № 14–34–01028.

На фоне регулярных упоминаний о кризисе культурной концепции постмодерна (и, соответственно, необходимости реставрации модернистской парадигмы прогресса) в последние годы все более активной становится дискуссия о роли и предназначении масс-медиа. Многие популярные медиапродукты, влияние которых на общественное сознание оценивается как негативное, подвергаются резкой критике со стороны общественности, чьи представители все больше внимания уделяют вопросам защиты от негативного влияния медиа и поиска таких путей развития медиасферы, которые способствовали бы росту числа проектов созидательной, развивающей, просветительской направленности. Все чаще предпринимаются попытки подвергать различные медиапродукты критическому анализу для выявления их созидательного или деструктивного потенциала с последующим донесением итоговой оценки до широкого круга потребителей медиа (одна из наиболее известных попыток такого рода проект «Научи хорошему»: URL: <http://whatisgood.ru>). Очевидно, что активное развитие медиалингвистики как научного направления, изучаю-

шего речевую деятельность в медийной среде, в данном контексте становится крайне востребованным как в России, так и за рубежом [1]–[4].

Поскольку воздействие медиа, как правило, носит комплексный характер, в исследовании разноплановых форм текстовой медиатеятельности весьма продуктивной представляется опора на интенциональный подход. Медиаатекст в рамках такого подхода рассматривается как продукт профессиональной деятельности, в рамках которой выбор языковых средств и последующая организация этих средств для создания текста предопределяются интенциями медиасубъекта [5]. Иерархия намерений субъекта речи отражается в сложно-организованной системе коммуникативных действий, среди которых, в соответствии со статусом интенций, можно выделять интенции главные и второстепенные [5]. Таким образом, одна и та же интенция может в разных текстах выступать как в качестве текстообразующей, так и в качестве второстепенной, дополнительной.

Познавательнo-просветительская интенция нередко выходит на первый план в журналистике (см. интенционально-стилистические описания культурно-просветительских журналистских текстов [6], [7]); прикладные коммуникации напротив, традиционно воспринимаются как сугубо прагматическая сфера, всецело ориентированная на удовлетворение потребностей заказчика (рекламодателя в случае с рекламой или базисного субъекта применительно к PR). Реклама стремится побудить адресата к действию, направленному на объект рекламирования, в то время как PR-коммуникация имеет целью формирование публичного капитала базисного субъекта PR и оптимизацию его коммуникационной среды. Однако, по нашим наблюдениям, познавательнo-просветительская интенция в качестве вспомогательной способна играть заметную роль в рекламных и PR-текстах, и происходит это не только, когда объектом продвижения является культурное мероприятие или деятельность заказчика имеет культурно-просветительский характер.

Запрос на получение полезной информации, способной расширить кругозор и вооружить полезными знаниями, все чаще исходит от представителей целевых групп общественности, поэтому можно без преувеличения утверждать, что удовлетворение познавательных потребностей адресата способно сделать воздействие на целевые аудитории более эффективным, причем познавательнo-просветительские элементы могут включаться в тексты самых разных рекламных и PR-жанров. В предлагаемой статье рассмотрим вопрос о том, как познавательнo-просветительская интенция в текстах коммерческой рекламы и бизнес-PR соотносится с теми интенциями, которые в этих сферах деятельности могут считаться основными, и какую функциональную нагрузку в таких текстах могут нести познавательнo-просветительские элементы.

В центре рекламной коммуникации традиционно находится устойчивая тематическая доминанта: рекламный текст сосредоточен на объекте рекламирования, чем и предопределяется место просветительского воздействия в рекламе. Рекламный образ создается за счет вписывания объекта рекламирования в актуальный для потребителя контекст и установления ассоциаций между объектом рекламирования и типичной ситуацией его потребления. Не менее важна для рекламы демонстрация ключевых свойств объекта рекламирования, при этом необходимо, преодолев критический барьер, убедить адресата в реальности этих свойств. Соответственно, познавательные потребности адресата могут быть попутно удовлетворены, когда в рекламном тексте совершаются следующие типовые речевые действия: 1) объясняется принцип действия объекта рекламирования, 2) обосновывается тезис о превосходстве объекта ре-

кламирования над аналогами, 3) доказывается мысль о целесообразности/необходимости применения объекта рекламирования в определенной ситуации (с указанием на пагубность альтернативного сценария, предполагающего отказ от объекта рекламирования).

Есть виды объектов рекламирования, реклама которых закономерно содержит познавательный компонент, при этом характер познавательной информации зависит от товарной категории. Так, реклама высокотехнологичных продуктов, как правило, содержит описание технологий, использованных при производстве продукта и предопределяющих его свойства. В рекламе лекарственных средств и биологически активных добавок часто перечисляются симптомы недугов, разъясняются причины возникновения заболеваний и расстройств, описывается механизм воздействия рекламируемого средства на организм пациента, приводятся методы профилактики. Например, из рекламной статьи о льняном масле, опубликованной в каталоге продукции сети магазинов «Компас здоровья», читатель может узнать не только о полезных свойствах продвигаемого продукта (льняного масла), но и о той роли, которую в организме выполняет полиненасыщенная жирная кислота ОМЕГА 3 (составляет значительную часть оболочки каждой человеческой клетки, обеспечивает подвижность клеточной мембраны и ее нормальную проницаемость), и о проблемах, которые возникают при недостатке ОМЕГА 3 в рационе человека (гипертония, ишемическая болезнь сердца, снижение памяти и внимания и др.).

Если в рекламе познавательно-просветительская информация используется преимущественно для убеждения адресата и побуждения его к приобретению объекта рекламирования, то связи с общественностью в традиционном понимании подчеркнута ориентирована на информирование, что отражено в широко цитируемом определении С. Блэка: «Паблик рилейшнз – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информации» [8, с. 45]. Акценты в сфере связей с общественностью расставляются по-другому: базисный субъект совсем не обязательно помещается в центр внимания, даже напротив, оказывается на периферии, в то время как тематическая доминанта текста часто лишь косвенно связана с базисным субъектом. Стремление получить информацию, часто недоступную из других источников или труднодоступную, является важнейшим мотивом для вступления адресата в PR-коммуникацию, таким образом, PR-текст стремится стать источником социального знания, выполняя познавательную функцию. Разумеется, отбор и анализ фактов осуществляет сам адресант, но тот факт, что PR-информации присущи такие свойства, как оптимизированность и селективность [9, с. 24–25], не смущает адресата, стремящегося извлечь из PR-текста интересные его сведения, а иногда и вовсе удовлетворяющего свое любопытство. Это обстоятельство позволяет специалисту по связям с общественностью ненавязчиво вовлекать аудиторию в восприятие, эксплуатируя потребности целевой аудитории в социальной ориентации, личностном росте, развлечении. Помимо информации о деятельности базисного субъекта PR, предметах и ситуациях, имеющих отношение к сфере деятельности базисного субъекта PR, в PR-текст нередко включаются также и сопутствующие сведения, напрямую не связанные с деятельностью базисного субъекта PR, но актуальные для целевой аудитории. Такие включения позволяют вызвать интерес и поддержать внимание целевой аудитории, и именно они, на наш взгляд, обладают наибольшим познавательно-просветительским потенциалом. Наконец, отметим, что если в рамках рекламного дискурса говорить о

полноценной культурно-просветительской работе, как правило, сложно (виной тому дороговизна рекламного времени и пространства), то PR располагает возможностью во многом формировать мировоззрение целевой аудитории с помощью сложных развернутых сообщений. Впрочем, исключением можно считать нативную рекламу, которая сочетает преимущества PR и традиционной рекламы.

Пожалуй, наиболее полно просветительская интенция реализуется в спонсируемых бизнес-субъектами партнерских материалах, которые все чаще размещаются как в электронных, так и печатных изданиях. Подобные публикации, которые часто относят к нативной рекламе, но нередко считают и PR-текстами, как правило, создаются сотрудниками редакций, в то время как вклад партнера (спонсора) может ограничиваться лишь финансовым участием. Однако, рассмотрев, например, серию партнерских публикаций, созданных ресурсом www.meduza.io совместно с брендом «Тинькофф Банк» в рамках спецпроекта «Финансовая грамотность: как богатеть в кризис», нетрудно заметить, что банк не только влияет на выбор тематики материалов, но и выступает в качестве соавтора отдельных публикаций. На заглавной странице проекта прямо под названием подчеркнута просветительская направленность серии материалов: «В еженедельных статьях, карточках и тестах мы будем объяснять базовые вещи, которые нужно знать о работе банков, устройстве кредитных карт и законодательстве». Несмотря на то, что задействованные жанры обозначены как статьи, карточки и тесты, на самом деле используемая палитра жанров более разнообразна. В частности, публикация «За что мы ненавидим кредитки. Тинькофф Банк защищается от нападков редакции “Медузы”» с жанровой точки зрения представляет собой лист вопросов и ответов, и как раз в этом материале банк выступает в качестве соавтора: редакция задает каверзные вопросы, на которые банк дает развернутые ответы («...при помощи редакции и читателей мы собрали девять главных претензий к кредитным картам и попросили Тинькофф Банк подтвердить или опровергнуть эти заявления»). Есть в спецпроекте и материал «Как не обнищать в старости», авторство которого принадлежит партнеру (подзаголовок ироничен: «Тинькофф Банк объясняет, как устроена ваша пенсия (если она вообще существует)»).

На страницах «Медузы» есть и такие подготовленные внешними авторами партнерские публикации, которые почти ничем не отличаются от редакционных статей культурно-просветительской направленности. Такова серия материалов, каждый из которых, будучи тематически привязанным к сфере исследований одного из выпускников «Европейского университета в Санкт-Петербурге», способен пробуждать интерес к исследовательской деятельности. Пример подобного материала – весьма любопытная статья исторической направленности «Главный русский образ был придуман в Англии» с подзаголовком «Филолог Андрей Россомахин о возникновении “русского медведя”». В этом и других подобных материалах спонсор публикации никак не упоминается, но каждый материал завершается веб-формой для обратной связи: «Тоже хотите учиться в магистратуре? Задайте вопрос Европейскому университету в Санкт-Петербурге. Ищите ответы после 4 апреля в карточке “Медузы”».

Потребность аудитории в максимально быстром удовлетворении познавательных потребностей приводит к использованию в PR-целях такого, казалось бы, отнюдь не медийного жанра, каким является конспект. Так, сразу после того, как в Санкт-Петербурге с лекцией выступил знаменитый маркетолог Джек Траут, на страницах «Линии полета» – периодического издания аэропорта «Пулково» – был опубликован материал «Стратегия важна», в подзаголов-

ке которого было сказано, что «Линия полета» «представляет основные тезисы выступления, состоявшегося при поддержке коммуникационного агентства “Global Point”».

Одним из наиболее популярных жанров, осуществляющих познавательно-просветительское воздействие в корпоративных медиа, является обзор. Так, в корпоративной газете «Кондитерские ведомости» (бренд «Буше») в публикации «На ход ноги. Стрит-фуд Европы» содержится обзор уличной еды, популярной в европейских странах. Расширяя кругозор посетителей кондитерской, призывая их «познавать страны через вкусы и ощущения», публикация одновременно продвигает идею культуры потребления еды, полезную для бизнеса «Буше».

В ряде случаев бизнес-субъекту бывает выгодно популяризация субкультуры, приобщение широких масс к которой способно повысить спрос на специфические категории товаров. Так, один из номеров журнала «Заводной банан», распространяющегося в сети магазинов укрепления семьи «Розовый кролик», содержал целый ряд публикаций, посвященных субкультуре БДСМ. Предварялись публикации следующим текстом (авторские выделения заглавными буквами сохранены): «Понятие БДСМ добралось уже до общественных масс с легкой руки Э. Л. Джеймс, автора трилогии “50 оттенков”. Но понятие это еще не ПОНИМАНИЕ, поэтому теперь, как никогда прежде, требуется введение в ТЕМУ. Апрельский номер журнала “Заводной банан” актуализировал все материалы и знания по БДСМ, а также привлек экспертов к созданию блока матчасти». Далее следуют материалы разных медиажанров: тест («Узнай, кто ты: нижний, верхний или свитч?»), рецензия на фильм («Пятьдесят оттенков серого – посвящение в необыкновенное таинство любви»), рейтинг («Топ 5 БДСМ-товаров в Розовом кролике»), а также интервью (на вопросы отвечала «настоящая Госпожа Pour Vivre»).

Еще более типична познавательно-просветительская информация для внутрикорпоративного PR. Если внешнюю аудиторию бизнес-субъекту выгодно «просвещать» в основном, когда это полезно для реализации главных задач рекламного или PR-воздействия, то с текстами внутрикорпоративной направленности ситуация принципиально иная. Личностный рост сотрудников и приобретение персоналом полезных компетенций является важнейшей задачей корпоративных изданий наряду с формированием корпоративной культуры, повышением лояльности работодателю и оперативным информированием. Поэтому в корпоративных изданиях самые разные PR-материалы могут выполнять просветительскую функцию. Примером может служить интервью, размещенное в рубрике «Модель компетенции» журнала «Наккапелиитта spirit» – корпоративного журнала компании «Nokian Tyres». По характеру интервью можно определить как экспертное. Героиня интервью – координатор по транспорту отдела логистики и закупок. Поводом для беседы являются ее выдающиеся коммуникативные навыки, отмеченные коллегами. Помимо интервью в рубрику включены тексты других жанров. Само интервью занимает около половины журнального разворота. Остальную площадь занимают изображения шахматной доски и фигур (вероятно, символизирующие вдумчивый подход к коммуникации), фотография героини, формализованный табличный блок с описанием компетенции и списком поведенческих индикаторов, названия рекомендуемых книг, посвященных эффективной коммуникации и психологии влияния, а также сравнимое с самим интервью по объему кейс-стори: менеджер по логистике «Nokian Tyres» рассказывает о том, как Екатерина сумела в сложной ситуации договориться с разъяренными длительным ожиданием в очереди перевозчиками, чем бук-

важно спасла компанию от срыва поставок. Очевидно, что все размещенные в рубрике публикации носят информационно-познавательный характер, ключевая интенция адресанта здесь – побуждение сотрудников компании к совершенствованию своих коммуникативных навыков, для чего им предоставляется необходимая информация.

Удовлетворение познавательных потребностей адресата способно стать инструментом и в рамках кризисных PR-коммуникаций. Рассмотрим в качестве примера буклет, представляющий собой развернутый лист вопросов и ответов, посвященный реализации крупного строительного проекта «Лахта центр» в Санкт-Петербурге. Строительство небоскреба первоначально планировалось в непосредственной близости от исторического центра города, на Охте (первоначально проект назывался «Охта центр»), однако после решительных протестов городской общественности и озвученной угрозы исключения центра Петербурга из списков всемирного наследия ЮНЕСКО деловой центр было решено перенести в один из ближайших пригородов – Лахту. Впрочем, и новое местоположение оказалось дискуссионным, размещение высотного здания в Лахте многими было воспринято как не вполне удачный компромисс. Ключевая задача, которую решал технологический субъект PR посредством буклета «Лахта центр в вопросах и ответах», – формирование благоприятного мнения горожан о проекте, для чего необходимо было преодолеть изначально негативный настрой, развеяв сомнения и продемонстрировав преимущества выбранного решения. В наборе вопросов, выполняющем в данном жанре структурообразующую функцию, угадываются наиболее часто озвучиваемые потенциальные угрозы проекта для городской среды: «Как новые здания будут сочетаться с исторической застройкой?», «Как повлияет строительство на экологию района?», «Повлияет ли Лахта центр на транспортную ситуацию?», «Не будет ли небоскреб мешать самолетам?», «В районе залива более ветрено, чем на Охте. Не будет ли ветер раскачивать башню?» и даже «Экологи высказывают опасения, что строительство высотной доминанты повлияет на пути миграции перелетных птиц, насколько оправданы эти опасения?». Ответу на каждый вопрос посвящено от одной до двух страниц текста, снабженного фотографиями, схемами и инфографикой. Однако актуализация познавательно-просветительской потребности аудитории осуществляется не столько в основном тексте, сколько в размещенных почти на каждой странице врезках под заголовком «Интересно». Так, ответ на вопрос о том, безопасно ли находиться в высотном здании в случае землетрясения или пожара, снабжен врезкой о том, как проектируются японские сейсмоустойчивые здания, а ответ на вопрос, можно ли строить высотное здание на намывных территориях, сопровождается врезкой, рассказывающей о решении, примененном при строительстве башен Петронас в Малайзии, фундамент которых покоится на мягких грунтах. Врезка на странице, где освещается вопрос о возможном изменении путей миграции перелетных птиц, рассказывает о различных применяемых в мире способах отпугивания птиц от высотных зданий, в том числе о технологиях, позволяющих сделать высотное здание «видимым» для птиц в любую погоду. Такого рода вставки, направленные на расширение кругозора аудитории, одновременно решали важную задачу – они позиционировали «Лахта центр» как современный высокотехнологичный проект, одновременно давая понять, что проблемы, вызывавшие беспокойство у горожан, отнюдь не являются неразрешимыми (попутно в буклете было показано, что решение всех существенных проблем уже предусмотрено проектом).

В аналитических PR-текстах (особенно в проблемных имиджевых статьях) информация общепросветительского характера часто связана с необходимостью познакомить адресата с проблемой, решением которой занимается базисный субъект. Например, в статье «Китай задыхается без российского газа», опубликованной в одном из номеров корпоративного журнала «Газпром», были детально рассмотрены вопросы, связанные с поставками газа из России в Китай. Почти весь первый абзац этого материала напоминает начало журналистского материала, посвященного экологической проблематике, лишь последняя строка подводит к основной теме: В начале этого года свыше 30 % территории Китая (включая столицу страны Пекин) в течение нескольких недель оказалось накрыто сильнейшим смогом. Местами уровень загрязнения воздуха в 40 раз превышал безопасный для жизни уровень. В зоне экологического бедствия резко выросла смертность. Чтобы снизить вредные выбросы, в Китае стали прекращать работу промышленные предприятия. В результате китайское руководство предприняло ряд шагов по ускорению подписания контракта на поставку российского газа в Китай. Статья содержит обширные статистические данные и экспертные оценки, имеющие лишь косвенное отношение к базисному субъекту, однако позволяющие обозначить перспективу, на фоне которой деятельность базисного субъекта приобретает социальную значимость: 1) Китай обеспечивает около 70 % своих потребностей в энергоресурсах за счет добычи собственного угля, 2) в 2012 г. импорт СПГ в эту страну составил 14,68 млн т против 12,21 млн т годом ранее (прирост в 20,3 %), 3) по оценкам Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка, самые «грязные» в мире города находятся именно в Китае, 4) согласно прогнозу аналитиков компании «Лукойл», через 10 лет потребление газа в Китае может достигнуть 800 млрд м³. Причинно-следственные конструкции, которыми текст насыщен, позволяют разъяснить значение упоминаемых фактов, постепенно подводя к решению проблемы. Таким образом, в рамках когнитивной схемы «проблема–решение», крайне востребованной в сфере прикладных коммуникаций, также есть место познавательной информации.

Многочисленные примеры, некоторые из которых были рассмотрены выше, позволяют утверждать, что познавательно-просветительская интенция, не являющаяся основной для сферы прикладных коммуникаций, активно используется в различных жанрах рекламных и PR-текстов. Познавательно-просветительские элементы в текстах рекламы и PR способны нести разнообразную функциональную нагрузку, при этом в рекламе они могут использоваться как инструмент аргументации, а в сфере связей с общественностью создавать базисному субъекту имидж помощника в решении проблем или фасилитатора личностного роста, пробуждать интерес к сфере деятельности базисного субъекта или субкультуре, популяризация которой базисному субъекту выгодна, в ситуации кризиса способствовать нейтрализации нежелательных установок и стереотипов. Присутствие в рекламных и PR-текстах познавательно-просветительской информации, расширяющей границы познаний адресата, предопределено сложной интенциональной структурой рекламной и PR-коммуникации. Отмеченные в статье закономерности отражают весьма актуальную тенденцию, связанную с ростом востребованности созидательных дискурсивных практик, ориентированных на сотрудничество адресата и адресанта. Наличие такой тенденции позволяет предположить, что бренды, которые делают ставку на фасилитацию личностного роста и общекультурного развития аудитории, будут завоевывать внимание публики с гораздо меньшими усилиями, нежели их эгоцентрично ориентированные конкуренты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Analysing media texts / Ed. by M. Gillespie and J. Toynbee. Oxford: Oxford University Press, 2001. 208 p.
2. Approaches to Media Discourse / Ed. by A. Bell. London, 1998. 304 p.
3. Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media // Медиалингвистика. 2014. Вып. 2 (5). С. 7–14. URL: <http://elibrary.ru /contents.asp?issueid=1354819> (дата обращения: 29.03.2016).
4. Loewe I. TV Discourse // Styles of contemporary Polish language. Polish style guide / Eds. E. Malinowska, J. Nocoń, U. Jew-Bednarczuk. Krakow, 2013. P. 61–70.
5. Дускаева Л. Р. Интенциональный стиль: психические и коммуникативные сценарии // Stylistyka. 2015. № 25. P. 41–53. URL: <http://stylistyka.uni.opole.pl/biblioteka/docs/Okladki/S2015.pdf> (дата обращения: 29.03.2016).
6. Коняева Ю. М. Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Вып. 18. Белгород, 2015. С. 140–144.
7. Малышев А. А. Лингвостилистические особенности культурно-просветительских журналистских текстов первой половины XVIII века // Медиалингвистика. 2015. Вып. 3 (9). С. 101–112.
8. Блэк С. Паблик рилейшнз: что это такое? М.: Новости, 1990. 240 с.
9. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 288 с.

A. A. Goryachev
Saint Petersburg State University

EDUCATIONAL INTENTION IN ADVERTISING AND BUSINESS PR TEXTS: FUNCTIONAL LOAD AND GENRE REALIZATION

The article is devoted to the expression of informative and educational meanings in the sphere of applied communications. The author shows how the satisfaction of cognitive needs of the addressee helps to influence the target audience more effectively. The article examines how informative and educational elements are incorporated into the texts of different advertising and PR-genres.

Informative and educational meanings, media, advertising, public relations, discourse

УДК 339.138

В. П. Семенов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

А. Г. Будрин, М. М. Зонис

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

А. В. Солдатова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ

Рассматриваются концептуальные вопросы проведения комплексного экономического анализа маркетинговой деятельности компании. Предлагаются принципы проведения такого анализа, обосновываются субъект и объект анализа, цель его проведения. Рассматриваются вопросы проведения экономического анализа затрат на маркетинговую деятельность в компании и результатов маркетинговой деятельности, а также процесса маркетинговой деятельности.

Маркетинговая деятельность, комплексный экономический анализ, затраты на маркетинговую деятельность, результаты маркетинговой деятельности, принципы анализа

В современных условиях неопределенности и высокой изменчивости внешней среды, динамичности макросреды, сложной субъектной структуры маркетинговой микросреды компании, изменчивости внутренней среды компании ведущим фактором конкурентоспособности коммерческих структур становится применение рыночно-ориентированного управления с использованием соответствующих маркетинговых технологий. Возрастает важность своевременного и обоснованного принятия управленческих решений в области маркетинга. Аналитическая функция, заключающаяся в обеспечении компании информационными ресурсами для выработки и обоснования маркетинговых решений, становится одной из базовых функций управления маркетинговой деятельностью (МД) и компанией в целом [1], [2].

К МД компании применимы различные виды анализа, например социальный, математический, статистический и др. Однако необходимость обоснования затрат и бюджетов на МД, понимания причинно-следственных связей как финансово-экономических, так и коммуникативных показателей, поиска универсальных методов анализа уже существующего разнообразия систем оценки МД резко повышает актуальность и своевременность применения экономического анализа МД. Экономический анализ – это анализ экономической составляющей МД, обеспечивающий наиболее полное и своевременное информирование

(в виде заключений, выводов, рекомендаций) руководителей компании о формировании и использовании маркетинговых ресурсов, процессов и результатов, а также их причинно-следственных связей и зависимостей. В такой трактовке экономический анализ МД является частью того, что называют маркетинговым обеспечением в компании. Под маркетинговым обеспечением понимается «совокупность всех видов ресурсов (как материальных, так и нематериальных), комплексно обеспечивающих поддержание адекватности системы и процесса маркетинга» [3, с. 211]. Экономический анализ маркетинговой деятельности (ЭАМД) применяется с целью экономического обоснования маркетинговых планов, их корректировки и итогового контроля и анализа их выполнения (рис. 1).

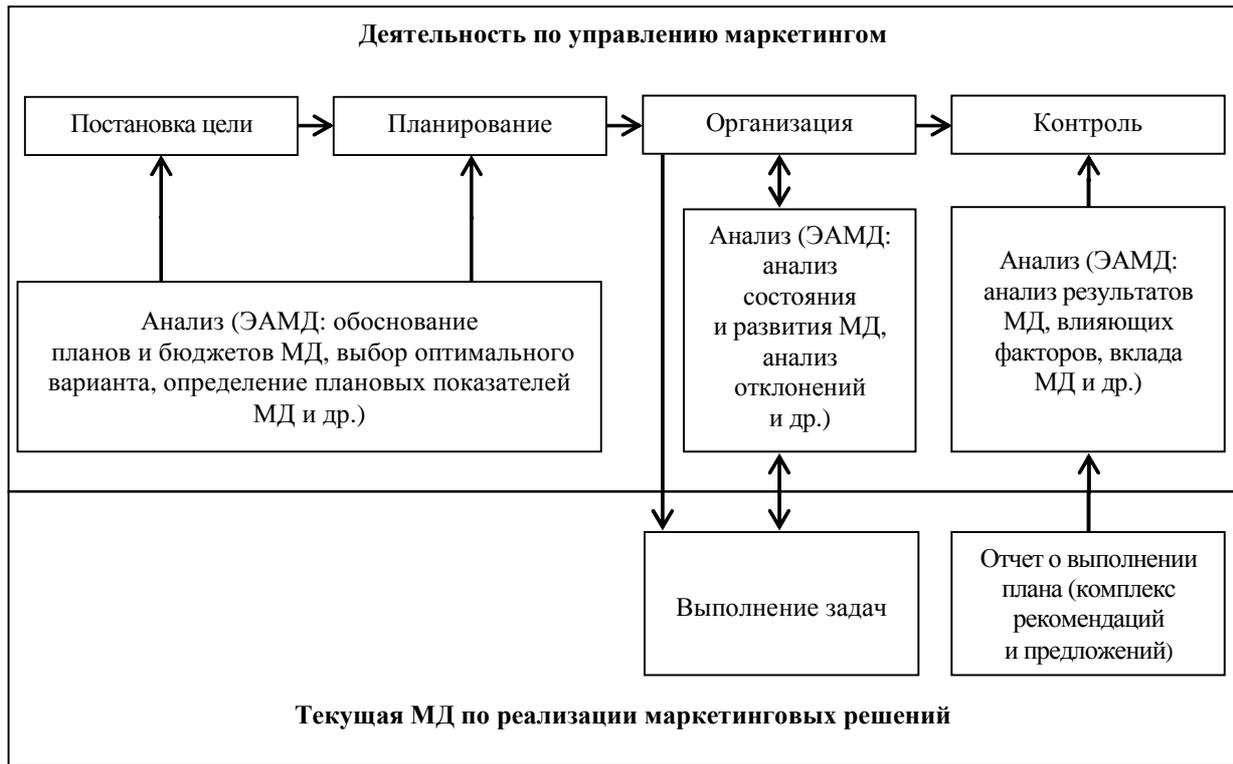

Рис. 1

ЭАМД многообразен, поскольку его содержание определяется многими факторами: запросами управленческого персонала, целями проведения анализа, спецификой деятельности компании, ее размерами, отраслевыми особенностями, имеющимися информационными ресурсами и информационно-коммуникационными технологиями и т. д. Для проведения анализа МД целесообразно рассматривать как процесс внутри компании, преобразующий ресурсы МД с помощью определенной «технологии» в результаты МД. С позиции количественной оценки и систематизации аналитических процедур МД может быть охарактеризована тремя взаимосвязанными блоками, между которыми предполагается наличие функциональных зависимостей (рис. 2).

Рис. 2

Ресурсы МД затрачиваются с целью получения определенных результатов МД, а последовательность действий по преобразованию ресурсов в результаты МД и есть процесс МД. Согласно представленной схеме ЭАМД (см. рис. 2) применяется с целью определения разницы параметров выхода и входа (выявление потерь, дефектов, степени соответствия МД своему назначению), параметров выхода и нормы выхода (степени достижения целей), а также оценки соотношения между полученным эффектом и затратами с учетом влияния временного фактора. При описании характера взаимосвязи затраты рассматриваются в качестве аргументов (независимых переменных), а результат – в качестве критериального показателя (функции).

При условии целевой ориентации компании на комплексное управление, в том числе маркетинговой деятельностью, ЭАМД также должен быть комплексным, а это значит – характеризоваться полным охватом всех направлений МД, системным исследованием всей совокупности экономических показателей и факторов, их определяющих. Учитывая сущность анализа, который предполагает разделение объекта на части и исследование последних именно как частей целого с последующим синтезированием нового знания об исследуемом объекте, можно сказать, что деление объекта «МД» может быть произведено по-разному, но все элементы МД должны быть подвергнуты всестороннему исследованию. Следует отметить, что комплексный анализ маркетинговой деятельности (КЭАМД) в реальных ситуациях может проводиться в компаниях фрагментарно в зависимости от размера компании, масштабов МД, маркетингового бюджета и иных условий. Фрагментарный ЭАМД рассматривается как элемент КЭАМД, который осуществляется в рамках отдельного раздела методики КЭАМД. Таким образом, КЭАМД должны подвергаться ресурсы, результаты и процесс «МД» (включающий подпроцессы, операции) как в целом, так и в разрезе функций, подразделений, программ, рынков сбыта, каналов сбыта, рыночных сегментов, клиентских потоков, торговых марок (рис. 3).

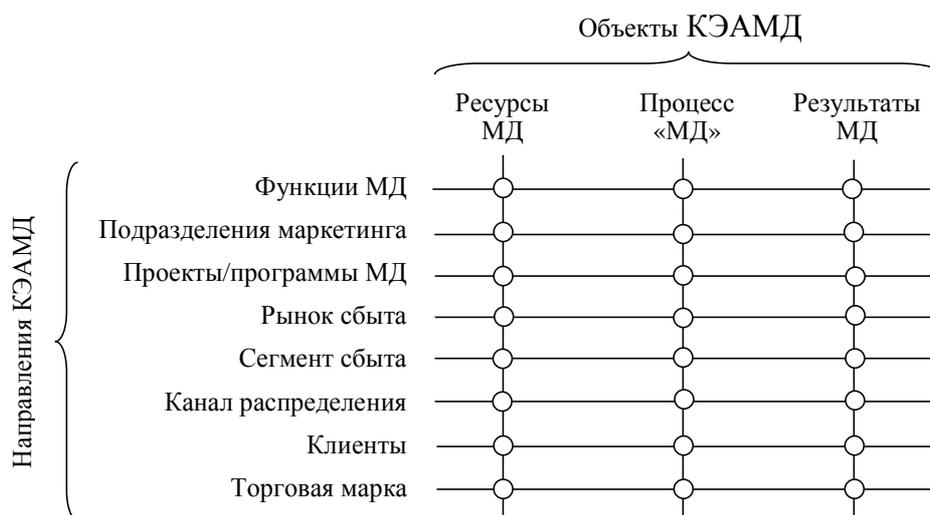

Рис. 3

Целью КЭАМД является удовлетворение потребностей менеджеров и руководителей в необходимой для принятия управленческих решений информации об экономическом состоянии МД в компании и возможностях улучшения этого состояния. Согласно сформулированной цели и определенным объектам и направлениям (рис. 3) определим круг задач КЭАМД:

- а) экономический анализ ресурсов, используемых для маркетинговой деятельности:
 - анализ состояния, распределения, движения, применения ресурсов, используемых в маркетинговой деятельности;
 - анализ состава, структуры и динамики затрат на маркетинговую деятельность;
 - выявление экономических потерь, неиспользованных экономических маркетинговых возможностей и резервов в разрезе различных направлений МД;
 - анализ основных затратообразующих факторов;
- б) экономический анализ процесса «МД»:
 - анализ выполнения операций МД в подразделениях или сторонними организациями (в случае аутсорсинговых контрактов, операции контрактинга);
 - анализ отклонений при выполнении маркетинговых операций от установленных планов, сроков, лимитов, бюджетов, нормативов;
 - анализ распределения ответственности по выполнению маркетинговых операций (рациональность, наличие взаимозаменяемости сотрудников и др.);
- в) экономический анализ результатов маркетинговой деятельности:
 - выявление влияния принятых маркетинговых решений на параметры развития маркетинговой деятельности и компании в целом (экономические последствия таких результатов МД, как известность компании или бренда, лояльность потребителей к компании и др.);
 - изучение вклада МД в общекорпоративные экономические результаты деятельности (доля рынка, объем продаж, прибыль и проч.);
 - определение количественной зависимости между осуществленными затратами на МД и прибылью, а также выявление и измерение степени влияния отдельных внутренних факторов, формирующих отклонение фактических результативных показателей МД от плановых (детерминированный факторный анализ);
 - накопление аналитического материала, необходимого для разработки маркетинговых планов, повышения их обоснованности.

Современный КЭАМД должен отвечать методологическим правилам, *принципам*, определяющим оптимальный состав, структуру и порядок проведения такого анализа (табл. 1).

Таблица 1

Принципы, определяющие методологическую основу анализа	
Комплексность	Необходимость охвата всех направлений МД, не ограничиваясь работой службы маркетинга Применение разных видов и методов анализа Использование всего многообразия оценочных показателей
Системность	Рассмотрение МД как открытой системы, включающей в себя системы меньшего уровня (например, продуктовые и брендовые) Рассмотрение МД как элемента системы более высокого уровня (экономической или социальной), принятие во внимание влияния среды на систему и системы на среду Построение процесса анализа как системы взаимосвязанных, логически обусловленных этапов
Научность	Применение современного научного инструментария анализа: методов, моделей и методик
Точность	Детальный анализ любых значимых отклонений от нормативных или плановых значений. Ресурсы, активы и доходы МД не должны быть переоценены, а обязательства и расходы недооценены
Целенаправленность	Нацеленность анализа на решение поставленной задачи. Однозначная идентификация целей и задач задает плоскость детализации КЭАМД об объектах анализа, что определяет в свою очередь полезность, достаточность, законченность и адресность анализа

Принципы, определяющие состав и структуру анализа	
Согласованность	Согласованность выводов анализа относительно разных показателей, связанных между собой, взаимосвязь и взаимодополнение, исключение возможности манипулирования отдельными показателями в сторону переоценки или недооценки общих результатов Согласованность и сопоставимость выводов анализа, относящихся к различным периодам (описание ретроспективы, текущей ситуации, перспективы и демонстрация тенденций (рост, падение, статичность)) Согласованность выводов анализа, относящихся к эталонным сравнениям
Взаимосвязь	Тесная взаимосвязь с другими функциями управления МД определяет следующие направления анализа: – расчет базовых экономических показателей для стратегического, оперативного и текущего планирования (маркетингового бюджета, лимитов, нормативов); – анализ выполнения (регулирования) экономической составляющей маркетинговых планов (расхода маркетинговых ресурсов, степени достижения маркетинговых результатов по всем направлениям МД); – анализ экономической обоснованности принятых маркетинговых решений с целью контроля, выявления влияния принятых решений на параметры развития МД и предприятия в целом
Понятность, наглядность и аналитичность	Наличие общего терминологического аппарата у субъектов управления и анализа, удобство получения и пользования исходными данными для расчета. Использование графиков, диаграмм, рисунков для лучшей визуализации
Принципы, определяющие порядок проведения анализа	
Своевременность	Оперативный сбор и анализ информации, обновляемость инструментария анализа (методов, моделей, показателей)
Регулярность	Систематичность проведения, рассмотрение ЭАМД как «системы раннего выявления»

Субъект КЭАМД – это человек или группа людей, занимающихся анализом МД и подготавливающих аналитические сведения (записки, отчеты) для управленческого персонала. Субъект определяет цели и задачи анализа в зависимости от потребности в информации получателя результатов анализа. КЭАМД может быть внутренним, т. е. проводиться силами соответствующего аналитика или подразделения, и внешним, т. е. выполняться внешним консультантом или аутсорсинговой специализированной компанией. В случае анализа МД в рамках группы скоординированных функционирующих компаний субъектом КЭАМД может выступать как-либо организованный координирующий центр [4, с. 173, 200].

Объект КЭАМД – это сама МД, состоящая из ресурсов, процесса (подпроцессов, операций) и результатов МД, требующая исследования с целью выявления причинно-следственных связей и зависимостей, а также способов разрешения управленческой проблемы.

Ресурсы МД рассматриваются как часть ресурсов компании, используемых для осуществления МД. Компания обладает различными ресурсами: трудовыми, финансовыми, организационными, материальными, временными, информационными, интеллектуальными и пр. Представляется, что КЭАМД могут и должны быть подвергнуты финансовые, трудовые, материальные ресурсы, основные фонды, а также информационные и интеллектуальные ресурсы (которые требуют специальной методологии оценки), используемые в МД [5]. Перечисленные ресурсы МД затрачиваются в процессе осуществления МД, и их стоимостная оценка образует маркетинговые затраты.

По мнению авторов, затраты на МД – это совокупность ресурсов компании, выраженная в денежной форме, направленная на выполнение специфических функций маркетинга и функций по управлению МД. Предлагается следующая классификация затрат на МД (табл. 2), опираясь на которую, возможно описание ряда частных задач КЭАМД, таких как:

измерение причинно-следственных связей затрат и полученной маржинальной прибыли, определение себестоимости МД и конкретизация мест возникновения излишних затрат, отклонений от норм и неиспользуемых резервов, расчет выгоды маркетинговых проектов, программ, мероприятий с учетом всех неявных затрат, повышение управляемости затрат за счет понимания характера их связи с результатом.

Таблица 2

Классификационный признак	Классификация затрат МД
По отношению к объему производства	Переменные
	Постоянные
По периодичности осуществления	Единовременные (инвестиционные)
	Текущие
По отношению к объекту	Прямые
	Косвенные расчетные
	Косвенные распределительные
По отражению в отчетности	Явные
	Неявные
По функциям МД	Затраты в области проведения маркетинговых исследований
	Затраты в области проведения сегментирования, разработки концепции позиционирования
	Затраты в области разработки товарной политики
	Затраты в области ценовой политики
	Затраты в области коммуникационной политики
	Затраты в области сбытовой политики
	Затраты в области формирования маркетинговой стратегии
По наличию и виду связи с результатом	Затраты, имеющие детерминированную связь с результатом
	Затраты, имеющие вероятностную связь с результатом

Исследование определений термина «результат» различных ученых-экономистов дает возможность сформулировать определение результата МД как количественно обозначенного в пространстве и во времени итога процесса (достигнутого состояния) МД в натуральном или стоимостном выражении. Результаты МД чаще всего экономистами рассматриваются в контексте описания результативности, продуктивности, действенности, эффекта и эффективности МД [6]. В сравнении с вышеперечисленными терминами «результат» является более общим понятием и обладает более сложным содержанием (табл. 3).

Таблица 3

Термин	Определение	Примечание
Результат МД	Количественно обозначенный в пространстве и во времени итог процесса МД, характеризуемый специально подобранной совокупностью показателей, учитывающей особенности анализа МД. Примеры итога процесса «МД» следующие: лояльность и удовлетворенность потребителей, имидж компании, информация, определенный вклад в финансово-экономические показатели и т. д. Результат может быть положительным и отрицательным. Отрицательный подразумевает наличие ущерба, потерь, негативных последствий реализации маркетинговых решений. Положительный результат называют эффектом	Измеряется в натуральном или стоимостном выражении. Логика расчета можно представить следующим образом: Результат = Выход-Вход С экономической точки зрения результат МД – это разность между полученным доходом от МД и понесенными расходами на МД в определенный промежуток времени
Результативность МД	Мера достижения маркетинговых целей. Степень взаимного соответствия соотносимых и соподчиненных маркетинговых результатов. «Выполнение планов, целей, превращение их в конкретные результаты, которые сравниваются с определенными стандартами, нормами и/или заранее определенными значениями тех или иных показателей результата» (О. К. Ойнер)	Соотнесение фактического и планового выхода МД является относительным показателем

Термин	Определение	Примечание
Эффективность МД	Ряд зарубежных и отечественных авторов различают внутреннюю эффективность (мера оценки использования ресурсов) и внешнюю эффективность (повышение удовлетворенности и лояльности потребителя, повышение доли рынка). В научной литературе предложено множество подходов к оценке эффективности МД, различающихся в зависимости от цели оценки, назначения результатов оценки и пользователей информации. Различные методы оценки эффективности МД можно объединить в две группы: качественные (например, социологические оценки: Е. П. Голубков, А. И. Ковалев, В. В. Войленко; балльные оценки: Р. А. Фатхутдинов; оценки по итогам проведения маркетингового аудита: Х. Хершген, В. Е. Хруцкий, И. В. Корнеева); количественные (сравнение затрат и доходов): Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг, Дж. Бернет, С. Мориарти, А. В. Завгородняя, Д. О. Ямпольская и др.)	С экономической точки зрения эффективность – это отношение эффекта (экономического, стратегического, социального) от воздействия маркетингового инструмента к затратам на его применение

Учитывая множественность подходов к пониманию результата МД, следует выделять прямой результат, связанный с реализацией специфических функций МД, и непрямой (косвенный) результат, отображающий результат управления МД и рыночного воздействия. Непрямой результат МД требует решения специфических задач КЭАМД: определение вклада МД в конечные результаты деятельности компании, изучение экономических последствий для компании таких прямых результатов МД, как известность компании, лояльность, удовлетворенность потребителей и т. д., и расчет эффективности МД, выполняющей часть функциональных задач компании.

Результаты МД можно классифицировать следующим образом (рис. 4).

1. По направленности:

– финансово-экономические результаты (прибыль, рентабельность, экономия затрат, добавленная экономическая стоимость, добавленная рыночная стоимость, коэффициент Q-Тобина и др.);

– рыночные результаты (доля рынка, уровень проникновения на рынке, относительная доля рынка, рейтинг компании в отрасли и др.);

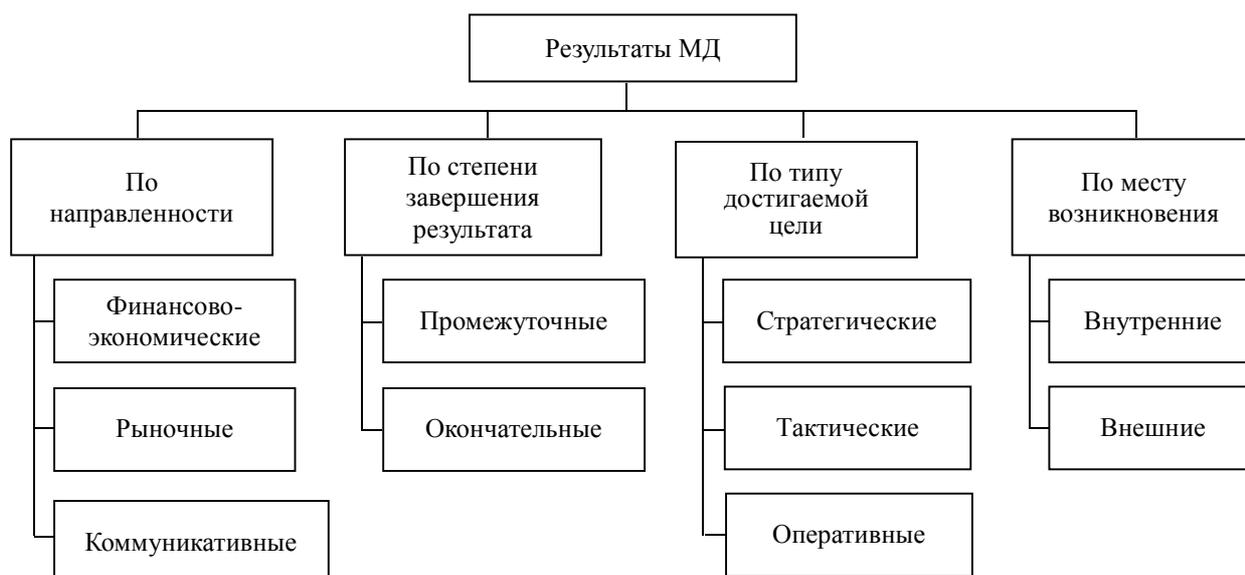

Рис. 4

– коммуникативные результаты (уровень осведомленности, уровень соответствия идентичности позиционируемого объекта воспринимаемому образу в сознании потребителя и т. д.).

2. По степени завершения результата:

– промежуточные результаты, характеризующие работу маркетингового отдела, службы или подразделения (количество маркетинговых предложений, завершившихся техническим заданием на разработку/модернизацию);

– окончательные результаты, констатирующие итог деятельности предприятия в целом (количество маркетинговых предложений, завершившихся выходом на новые рынки/клиентов).

3. По типу достигаемой цели:

– стратегические результаты, характеризующие достижение стратегических маркетинговых целей в области позиционирования и по элементам комплекса маркетинга в течение трех-пяти лет (показатели уровня лояльности и удовлетворенности позиционируемого объекта, уровня осведомленности о позиционируемом объекте, марочный капитал, индекс развития бренда, проникновение бренда, формирование или изменение имиджа, увеличение клиентского капитала и т. д.);

– тактические результаты, характеризующие достижение тактических маркетинговых целей, согласованных со стратегическими целями, в области позиционирования и по элементам комплекса маркетинга в течение одного-трех лет (количество новых, удержанных, убывших клиентов, количество жалоб, количество повторных покупок, средний размер покупки, доля рекламного воздействия и т. д.);

– оперативные результаты, характеризуемые совокупностью показателей, объединенных для ежедневного, ежемесячного мониторинга достижения оперативных маркетинговых целей, согласованных со стратегическими и тактическими целями, в области позиционирования и по элементам комплекса маркетинга (количество контактов за один рекламный цикл, число представителей целевой аудитории, подвергнутых воздействию коммуникативных каналов за один рекламный цикл, количество посетителей сайта, количество возвращенных купонов для участия в конкурсе, лотерее, количество откликов по итогам участия в выставке и т. д.).

4. В зависимости от места возникновения:

– внутренние результаты, связанные с использованием внутренних ресурсов в МД (эффективность использования ресурсов, экономия затрат, уровень лояльности сотрудников и др.);

– внешние результаты, связанные с влиянием на внешнюю среду и проявляющиеся на рынке (показатели конкурентоспособности, доля, занимаемая фирмой в каждом сегменте рынка, достижение маркетинговых целей, характеризующих социальную ответственность (количество проведенных благотворительных, спонсорских мероприятий и др.).

С использованием представленной классификации возможна систематизация разноплановых показателей оценки результата МД. Несмотря на большой разброс мнений в определении ключевых показателей анализа МД и предлагаемых способов их оценки, посредством КЭАМД возможно решение ряда важных аналитических задач: определение структуры и динамики (как в примере определения абсолютного прироста (снижения) результата МД – табл. 4), выявление закономерностей, причинно-следственных связей и резервов, определение эффективности и вклада МД в конечные результаты деятельности компании [7]–[9].

Таблица 4

Коммуникативные показатели МД			Рыночные показатели МД	Финансово-экономические показатели МД
<p>Показатели удовлетворенности:</p> <p>1) изменение индекса удовлетворенности потребителя (CSI): $\Delta CSI = CSI_n - CSI_{n-1}$</p> <p>2) изменение показателя чистого индекса промоутера (NPS): $\Delta NPS = NPS_n - NPS_{n-1}$</p> <p>3) изменение количества жалоб, рекламаций: = -</p> <p>4) изменение количества отзывов: = -</p> <p>5) изменение количества рекомендаций (например, через социальные сети): = -</p>	<p>Показатели воспринимаемой лояльности (субъективные оценки покупателей):</p> <p>1) изменение достигнутого уровня удовлетворенности: $\Delta УДУ = УДУ_n - УДУ_{n-1}$</p> <p>2) изменение общей оценки отношения к фирме, товару, марке по Фишбейну: $\Delta УДО = УДО_n - УДО_{n-1}$</p> <p>Показатели поведенческой лояльности:</p> <p>3) изменение показателя средней продолжительности (времени) сотрудничества клиента с компанией: $\Delta \overline{T_c} = \overline{T_{c_n}} - \overline{T_{c_{n-1}}}$</p> <p>4) изменение показателя доли в кошелке клиентов: $\Delta ДК = ДК_n - ДК_{n-1}$</p> <p>5) изменение количества повторных покупок: = -</p> <p>6) изменение среднего размера покупки (отношение выручки к количеству покупок (чеков): = -</p> <p>7) изменение размера объема продаж одного и того же товара за определенный промежуток времени: = -</p> <p>8) изменение частоты покупок: $\Delta Q_ч = Q_{ч_n} - Q_{ч_{n-1}}$</p>	<p>Показатель осведомленности, узнаваемости:</p> <p>1) изменение доли потребителей, узнающих объект МД (бренд, торговая марка и т. д.) без подсказки: $\Delta =$</p> <p>2) изменение доли потребителей, узнающих объект МД (бренд, торговая марка и т. д.) с подсказкой: $\Delta =$</p> <p>3) изменение результативности используемого канала коммуникации ТВ, радио, прессы (охват аудитории / отклики): =</p> <p>4) изменение количества посетителей сайта (общего) или посещаемости сайта: = -</p> <p>5) изменение количества электронных адресов клиентской базы для рассылки: = -</p> <p>6) изменение количества контактов, звонков: $\Delta Q_к = Q_{к_n} - Q_{к_{n-1}}$</p>	<p>1. Изменение доли рынка: $\Delta ДР = ДР_n - Д$</p> <p>2. Изменение относительной доли рынка (в сравнении с лучшим конкурентом): $\Delta \frac{ДР_c}{ДР_к} = \frac{ДР_{c_n}}{ДР_{к_n}} - \frac{ДР_{c_{n-1}}}{ДР_{к_{n-1}}}$</p> <p>3. Изменение уровня проникновения на рынке (доля зарегистрированных клиентов компании к емкости рынка): $\Delta УП = УП_n - УП_{n-1}$</p> <p>4. Изменение рейтинга компании в отрасли: = P_n -</p> <p>5. Изменение относительного показателя доли рынка к затратам МД: $\Delta \frac{ДР}{МЗ} = \frac{ДР_n}{МЗ_n} - \frac{ДР_{n-1}}{МЗ_{n-1}}$</p>	<p>1. Изменение выручки: $\Delta В = В_n -$</p> <p>2. Изменение прибыли: $\Delta ПР = ПР_n - ПР_{n-1}$</p> <p>3. Изменение добавленной экономической стоимости (EVA): $\Delta EVA = EVA_n - EVA_{n-1}$</p> <p>4. Изменение добавленной рыночной стоимости (MVA): $\Delta MVA = MVA_n - MVA_{n-1}$</p> <p>5. Изменение коэффициента Q-Тобина (Tobin's Q): $\Delta \text{Tobin's Q} = \text{Tobin's } Q_n - \text{Tobin's } Q_{n-1}$</p>

Маркетинговая деятельность – процесс или целенаправленная последовательность (поток) определенных действий (операций), преобразующая входы (ресурсы МД) в выходы (результаты МД), представляющие ценность для потребителя. Для рассмотрения сущности процесса «МД» целесообразно использовать понятие «подпроцесс». Процесс «МД» включает в себя следующие подпроцессы: сегментирование рынка, анализ сегментов рынка, проведение маркетинговых исследований, проведение маркетингового анализа, разработка комплекса рекомендаций и предложений в области товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики, разработка торговой марки, дизайна, продвижение (реклама, стимулирование сбыта) и др. Процесс (подпроцессы) осуществляется на основе целенаправленного последовательного выполнения маркетинговых операций (действий). Например, подпроцесс «продвижение товара» может включать следующие операции: планирование рекламной деятельности, размещение заказа на проведение рекламной кампании, реализация рекламной кампании, анализ эффективности рекламной деятельности и др.

Предметом КЭАМД являются качественные и количественные характеристики объекта анализа, его состояния (свойства, структура, закономерности поведения). Например, затраты, относящиеся к МД, представляют собой объект анализа, а их структура, динамика изменения и т. д. являются уже предметом анализа. Предметом КЭАМД являются выраженные в системе экономических показателей ресурсы, результаты и подпроцессы МД, а также экономические характеристики событий и явлений, ее обуславливающих.

Определим *основные этапы проведения КЭАМД*.

1. Постановка цели и задач КЭАМД, определение которых зависит от исходных условий КЭАМД: временного горизонта, субъекта анализа, адресности анализа, ресурсов анализа (в частности, информационных и временных).

2. Сбор и первичная обработка полученной информации, а также выбор и расчет необходимых показателей.

3. Экономический анализ полученной информации.

3.1. Экономический анализ показателей ресурсов, процесса и результатов, характеризующих МД в целом (доля рынка, объем продаж, рентабельность маркетинговых инвестиций, известность компании, лояльность и удовлетворенность клиентов) с целью определения структуры и динамики, выполнения плана, изучения отклонений и их причинно-следственных связей.

3.2. Экономический анализ показателей МД в разрезе выполняемых функций МД, рынков сбыта, каналов сбыта, сегментов сбыта, клиентов, торговых марок (брендов), товарного ассортимента, подразделений и служб маркетинга с целью определения места возникновения отклонений процесса «МД», а также их влияния на результаты МД и организации в целом.

4. Формулирование выводов и рекомендаций КЭАМД в соответствии с поставленными задачами:

- выводы о структуре и динамике показателей МД;
- выводы о закономерностях поведения объекта анализа;
- выводы о влияющих факторах, обусловивших отклонения;
- выводы о причинно-следственных связях затрат и результатов МД;
- выводы о вкладе МД в результаты предприятия;
- выводы о результатах сравнения с внешними показателями;
- выводы о резервах, возможности увеличения эффективности и результативности МД.

Итоговым *результатом КЭАМД* является снижение информационной неопределенности в сфере формирования и использования ресурсов и результатов МД до уровня, позволяющего принимать обоснованные по всем направлениям МД управленческие решения. Результат КЭАМД может носить как информационный («собрать информацию», «прояснить ситуацию», «подтвердить/опровергнуть предположения»), так и рекомендательный характер, т. е. использоваться в качестве формализованной основы принятия управленческих маркетинговых решений.

Таким образом, в статье представлена концепция комплексного экономического анализа МД компании, включающая характеристику субъекта, объекта, цели, задач, предмета, принципов проведения КЭАМД в компании, что является методологической основой такого анализа и создает условия для выявления и использования экономических резервов в сфере управления маркетинговой деятельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багиев Г. Л. Маркетинг: учеб. для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 736 с.
2. Багиев Г. Л. Экономика маркетинга: учеб. пособие для высш. экон. шк. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. 151 с.
3. Будрин А. Г. Маркетинговое обеспечение предприятия // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 208–211.
4. Будрин А. Г. Методология формирования и управления взаимоотношениями предприятий на рынке на основе концепции маркетинга. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 302 с.
5. Солдатова А. В. Метод сравнения в экономическом анализе маркетинговой деятельности // Вестн. ИНЖЭКОНа. Сер. «Экономика». 2014. № 7 (74). С. 69–71.
6. Соловьева Д. В. Теоретические основы маркетингового анализа. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012. 255 с.
7. Bendle N. T. Marketing metrics: The manager's guide to measuring marketing performance. Pearson Education, 2016. 439 p.
8. Court D. C. Boosting returns on marketing investment. The die-or-do struggle for growth // The McKinsey Quarterly. 2005. № 3. P. 47–60.
9. Hendricks K. B. The impact of enterprise systems on corporate performance: A study of ERP, SCM, and CRM system implementations // J. of Operations Management. 2007. № 1. P. 24–37.

V. P. Semenov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

A. G. Budrin, M. M. Zonis
ITMO University

A. V. Soldatova
Saint Petersburg State University of Economics

CONCEPTION OF COMPLEX ECONOMIC ANALYSIS OF MARKETING ACTIVITIES IN A COMPANY

The article deals with an idea of complex economic analysis of marketing activities in a company. The article brings forward principles of economic analysis, determines the aim, subject and object of the analysis. Issues of economic analysis of marketing expenses, marketing results and marketing processes in a company are examined

Marketing activities, complex economic analysis, marketing expenses, marketing results, principles of analysis

УДК 339

Ю. В. Мишальченко

Санкт-Петербургский государственный университет

Т. И. Ююкина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМАХ

Исследуется форма международной интеграции – зоны свободной торговли. Рассматриваются предпосылки, способствовавшие формированию зоны свободной российско-китайской торговли в г. Хэйхэ и развитию трансграничного экономического сотрудничества. В качестве дополнительно созданных барьеров для торговли анализируется вопрос санкций, которые и определяют «восточный вектор» экономического развития для России. «Экономический пояс Шелкового пути» и его составная часть – транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай», по мнению авторов, способствуют развитию и диверсификации торговли между Россией и Китаем.

Зона свободной торговли, санкции, «восточный вектор» экономического развития, «экономический пояс Шелкового пути», морской Шелковый путь, концепция «Один пояс – один путь», транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай», трансграничное экономическое сотрудничество

Создание зон свободной торговли между Россией и Китаем способствует развитию торговли между странами, а также улучшению инвестиционного климата и формированию новых транспортных коммуникаций в Евразии.

Зона свободной торговли (ЗСТ) – это одна из форм международной интеграции, в результате которой тот или иной регион получает возможность преодолеть низкий уровень своего экономического развития и зависимость от других регионов благодаря преференциальному режиму, а также отмене количественных ограничений во взаимной торговле в соответствии с международным договором.

«Свободная зона, или зона свободной торговли, – это огороженная или любым другим образом изолированная физическая местность в порту или аэропорту или около них, где не взимаются таможенные сборы. Такая зона рассматривается как находящаяся вне тарифного регулирования данной страны» [1].

ЗСТ появились несколько десятилетий назад, а в последнее время их создание можно считать достаточно популярным. Постепенно единое рыночное пространство перешло в целостное образование. Международный договор, подписываемый участниками ЗСТ, может позволить: расширить границы внутреннего рынка и осуществить доступ участников к стратегическим внешним рынкам, увеличить оборот продукции основных отраслей экономической деятельности, преодолеть сложности по сбыту готовой продукции и услуг, сократить издержки и ускорить торговые операции, развить инфраструктуру.

Согласно Федеральному закону «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Зона свободной торговли – таможен-

ные территории, на которых в соответствии с международным договором с одним или несколькими государствами либо группами государств отменены таможенные пошлины и другие меры ограничения внешней торговли товарами, происходящими с данных таможенных территорий, в отношении практически всей внешней торговли такими товарами в пределах данных таможенных территорий...» [2]. Относительно третьих сторон участники ЗСТ могут не осуществлять применение таможенных пошлин, а сохранять независимость таможенного режима и проводить собственную рыночную политику.

Чаще всего создание ЗСТ начинается с двухсторонних государственных договоренностей, к которым впоследствии могут присоединиться новые партнеры. Соглашения ЗСТ допускают каскадное подключение: если некоторые страны подписывают соглашение по формированию ЗСТ с объединенными свободной торговлей странами, то новая ЗСТ будет состоять из базовой ЗСТ, дополненной новыми участниками. Условия ЗСТ распространяются в основном на все товары, кроме сельскохозяйственной продукции, при этом между участниками сохраняются таможенные границы. При этом устраняются барьеры на пути обмена товарами или услугами, поэтому торговля может расти в результате специализации и разделения труда. В отличие от других интеграционных форм наличие общей границы между участниками ЗСТ не обязательно, а образование беспошлинных территорий предполагается осуществлять в достаточный для адаптации производителей к новым конкурентным условиям срок. ЗСТ функционируют и в Европе, и в Азии, и в Америке. Наиболее развитыми считаются ЗСТ США, Индии, Чили. Наибольшим числом соглашений обладает Европейский союз. Достаточно быстро расширилась сфера взаимодействия Сингапура.

«Торговые войны» между странами, т. е. искусственное сдерживание чужой продукции, должно остаться в прошлом. От снятия барьеров, мешавших одним выгодно продавать свою продукцию, а другим покупать ее по более низкой цене, выиграют в первую очередь простые граждане. Единственным мерилom станет качество товара и его конкурентоспособность. Автор «сингапурского экономического чуда» Ли Куан Ю, при котором Сингапур превратился из страны «третьего мира» в один из главных финансовых центров, дал актуальный совет: «Вам, конечно, виднее, но если вам нужны инвестиции и экономический рост, с соседями лучше не воевать, а торговать» [3]. В России сингапурский совет нашел понимание. На Международном инвестиционном форуме в Сочи 1–4 октября 2015 г. было отмечено: «...даже в сложные периоды межгосударственных отношений бизнес должен и может находиться вне политики, не разобщать страны и рынки, а, наоборот, объединять их, и такие предпринимательские контакты в конечном счете связывают государства гораздо крепче, чем любая политика» [4].

Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо – предпосылка создания ЗСТ. Основоположником доктрины свободной торговли признан английский экономист начала XIX в. Давид Рикардо, который придавал большое значение развитию торговых связей, ценообразованию и конкуренции. В центре его аргументации находится теория сравнительных преимуществ, показывающая влияние внешней торговли на потребление, производство и норму прибыли. Теория Д. Рикардо разработана на основе анализа роста роли внешней торговли в условиях углубляющегося международного разделения труда. Внешняя торговля, по его мнению, является источником прогресса и единственным средством, способным помешать падению прибыли. Таким образом, принцип сравнительных преимуществ, или сравнительных затрат, перерастает в международную конкуренцию. Пре-

имущественный характер внешней торговли, по мнению Д. Рикардо, состоит в увеличении массы и разнообразия ассортимента, на которые может расходоваться доход. С другой стороны, внешняя торговля увеличивает и производство благодаря обилию и дешевизне импортных товаров, создавая фактор сбережения и накопления капитала за счет сокращения потребительских расходов.

Кроме того, внешняя торговля может увеличивать и прибыль за счет снижения заработной платы. Д. Рикардо полагал, что при системе свободной торговли каждая страна сможет затрачивать свой труд и капитал на такие отрасли промышленности, которые доставят ей наибольшие выгоды. И надо следовать этому принципу, так как он приводит к наиболее экономному разделению труда между нациями. Следует учесть, что подобный обмен не мог быть реализован между гражданами одной страны, поскольку капитал внутри страны перемещается в поисках самой высокой прибыли.

Любой поток благ в международной торговле дает двусторонние преимущества. Выигрыш потребителей в стране-импортере объективно превосходит проигрыш производителей, и, наоборот, в стране-экспортере превалирует выигрыш производителей. Если страна только экспортирует или импортирует, все равно она получает выигрыш, несмотря на то, что в стране-импортере проигрывают производители, а в стране-экспортере – потребители. В любой стране выгодно экспортировать нечто, что она делает лучше и дешевле, чем все остальное, и также может быть выгодно специализироваться на производстве данного товара. Отсталой по экономическим показателям стране невыгодно все без исключения импортировать, но выгодно производить товары с относительно низкими издержками. Самой преуспевающей стране, имеющей экономические абсолютные преимущества, целесообразно отказаться от производства затратных товаров взамен на их импорт. В обоих случаях идут процессы перераспределения ресурсов из более затратных отраслей в менее затратные. Когда страна производит товар дешевле относительно другой страны, имея абсолютное преимущество, выгода соответствующего экспортера очевидна. Но совершенно не очевидна выгода экспорта товара в ситуации, когда по сравнению с остальным миром имеется более высокая себестоимость.

Д. Рикардо показал, что возможности выгодного товарного обмена между странами значительно больше, чем это предполагал А. Смит. По А. Смицу, стране следует руководствоваться абсолютными преимуществами перед своими партнерами и продавать на внешнем рынке те товары, которые она делает дешевле других стран. Развивая идеи А. Смита, Д. Рикардо доказал, что любая страна может участвовать с выгодой для себя во внешней торговле, а не только страны с абсолютными преимуществами. Даже если страна не имеет абсолютных преимуществ, она может иметь сравнительные преимущества. Например, Португалия в его примере обладает преимуществами перед Англией в производстве и сукна, и вина, ибо она затрачивает меньше труда на производство и того, и другого товара. Тем не менее Португалии выгоднее употреблять свой капитал на производство вина, за которое она получит больше сукна из Англии, чем она произвела бы сама, если бы переместила часть своего капитала из виноделия в производство сукна. Согласно теории Д. Рикардо каждая страна должна производить и вывозить товары с относительно меньшими издержками, хотя они могут быть выше, чем в других странах. Не обязательно, чтобы затраты на производство некоего товара были меньше по сравнению с затратами на аналогичные товары, созданные за рубежом. Вполне достаточно, чтобы страна экспортировала те товары, по которым у нее есть сравнительные преимущества, т. е. чтобы по этим товарам соотношение за-

трат с затратами других стран было бы более благоприятным для экспортера. В этом и проявляется закон сравнительных преимуществ. Теория сравнительных преимуществ утверждает, что на неограниченном рынке каждый источник производства будет, как правило, специализироваться в той деятельности, где у него есть сравнительное, а не абсолютное преимущество. Конечным результатом будет богатство и благополучие для всех участников ЗСТ. Тем не менее теория сравнительных преимуществ основана на ряде допущений: наличие двух стран и двух товаров; учет издержек производства только в виде заработной платы; игнорирование различий в уровне заработной платы между странами. Эти исходные предпосылки были необходимы для выявления основных принципов развития международной свободной торговли. Теория сравнительных преимуществ рекомендует стране импортировать те товары, издержки производства которых в данной стране выше по сравнению с экспортируемыми товарами. Д. Рикардо представил теоретическое обоснование для решения проблемы экономического роста на долгосрочной основе.

Классические аспекты сравнительных преимуществ используются в развитии российской государственной политики импортозамещения. «Мы заинтересованы не просто в механическом замещении нормальных иностранных товаров на посредственные российские. Речь должна идти о создании товаров, конкурентоспособных не только применительно к условиям российского рынка, а применительно к условиям мирового рынка», – отмечено на Международном инвестиционном форуме в Сочи 1–4 октября 2015 г. [5].

Санкции ЕС и США – предпосылка формирования «восточного вектора» экономического развития России. В наше время в качестве искусственно созданных издержек можно рассматривать санкции как барьеры для мировой свободной торговли. За полтора года ущерб от санкций для России составил 25 млрд долл., а партнеров по Евростране – 100 млрд долл. [6]. Понесли ущерб компании, экономические операторы, работающие на российском рынке. В 2014 г. Россия переориентировала стратегию внешней экономической деятельности в силу влияния политических событий и ускорила процесс диверсификации мирового рынка и инвестиций.

Однако ремиссия российской экономики продолжает отражаться на внешней политике, а девальвация рубля влечет дальнейшее технологическое отставание в связи с увеличением стоимости закупки высоких технологий, о чем было отмечено на Всемирном экономическом форуме в Давосе 20–23 января 2016 г. При этом на форуме было также высказано мнение о том, что помимо негативных тенденций кризис несет и положительные последствия для России, среди которых можно выделить стимул к реформам и девальвация рубля, способствующая инвестированию [7]. Генеральный секретарь Международной торговой палаты на форуме в Давосе подчеркнул, что это самые низкие темпы экономического роста мировой экономики за последнюю четверть века и низкие цены на нефть, что является вызовом для всей мировой экономической системы.

По прогнозам Всемирного банка рост мировой экономики в 2016 г. ожидается на 2,9 %, а в будущем – на 3,1 %, что соответственно на 0,4 % и 0,1 % меньше, чем предполагалось в июне прошлого года, говорится в докладе «Глобальные экономические перспективы» [8]. Таким образом, Всемирный банк пересмотрел свои оценки в сторону ухудшения, а главным фактором торможения мирового роста в новом году являются страны с формирующимися рынками. Однако согласно этому докладу в 2017 и 2018 гг. ожидается подъем российской экономики.

В связи с санкционными препятствиями российско-европейской торговли актуальность приобретает *«восточный вектор» экономического развития*, где ключевыми фигурами свободной мировой торговли могут быть Россия и Китай. Растет число точек соприкосновения между этими странами. Обе стороны разворачивают расширенное экономическое сотрудничество через такие блоки, как БРИКС, ШОС, АТЭС, СВМДА и др. Все это создало важную платформу для стратегического взаимодействия и партнерства между Россией и Китаем.

Реализуются новые долгосрочные совместные проекты в высокотехнологичных отраслях, вследствие чего укрепляется материальная основа база двусторонних отношений.

Активно развивается сотрудничество между северо-востоком Китая и регионом Дальнего Востока России, формируются приоритетные проекты регионального сотрудничества. КНР – важнейший партнер на Дальнем Востоке, экономическое развитие которого в течение последних двадцати лет было тесно связано с китайской экономикой, и в ближайшие десятилетия будет по-прежнему зависеть от темпов торгово-экономического взаимодействия двух государств.

«Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество органично соединяет <...> торговлю с инвестициями, правительственное взаимодействие с местным сотрудничеством, путем инвестирования направляет сотрудничество, углубляет отношения многовекторного торгово-экономического взаимодействия двух стран и закладывает надежный фундамент для достижения намеченной цели – к 2020 г. довести объем двусторонней торговли до 200 млрд долл. США» [9].

Перспективы развития трансграничного экономического сотрудничества в Евразии. Значение зон свободной торговли для Китая состоит в поиске нового пути, новой модели политики реформ и открытости. Создание новых ЗСТ объясняется тем, что в международной экономической конкуренции прежние преимущества постепенно исчезают, поэтому необходим поиск новых. Создание ЗСТ в Китае стало своего рода окончательной версией строительства особых экономических зон, которое достигло своего пика.

Создание ЗСТ между Россией и Китаем способствует диверсификации торговли между странами, а также улучшению инвестиционного климата, что позволит открыть рынок иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. Задача Министерства РФ по развитию Дальнего Востока – привлечение иностранных инвестиций для поддержки развития экономики региона. В качестве механизма привлечения иностранных инвестиций создаются *территории опережающего развития* (ТОР) на Дальнем Востоке. «Развитием идей ТОР является создание свободного порта Владивосток» [10]. На данный момент функционируют три действующих ТОР («Комсомольск», «Хабаровск», «Надеждинская»), а также отобраны для реализации и создаются шесть перспективных ТОР («Белогорск», «Приамурская», «Камчатка», «Кангалассы», «Беринговский», «Михайловская»).

Законодательно ТОРы закреплены Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [11]. Новые механизмы развития Дальнего Востока, по словам министра по развитию Дальнего Востока Александра Галушки, приносят свыше 993 млрд р. инвестиций в экономику [12].

«До 2018 г. эти точки роста могут создаваться исключительно на Дальнем Востоке и в моногородах» [13].

«Инвесторы получают уникальные возможности для работы на российском рынке и, что важно, выгодный плацдарм для прямого выхода на емкий растущий рынок АТР», – отметил Владимир Путин о территориях опережающего развития на Петербургском международном экономическом форуме 19 июня 2015 г. [14]. А 3–5 сентября 2015 г. во Владивостоке прошел Восточный экономический форум, и вопросу территорий опережающего развития было уделено особое внимание.

Главная задача состоит в том, чтобы территории опережающего развития благодаря своим преференциям не трансформировались в офшорные зоны. С помощью контроля со стороны Министерства РФ по развитию Дальнего Востока вполне возможно, что этого удастся избежать, а у Дальнего Востока есть шансы стать российским аналогом «китайского экономического чуда».

Единственная пара городов на российско-китайской границе с кратчайшим расстоянием друг от друга (700 м), а также согласованностью на правительственном уровне, – это **Благовещенск** и **Хэйхэ** (провинция Хэйлунцзян), между которыми с 2004 г. действует безвизовый режим. Они расположены в центре экономического кольца Северо-Восточной Азии и трех крупных транспортных коридоров, соединяющих Маньчжурию, Хэйхэ, Суйфэньхэ с Россией [15]. Хэйхэ является одним из главных городов-портов Китая, зоной российско-китайской свободной торговли, а также пилотным городом приграничной торговли по расчетам и платежам «рубль–юань» между КНР и РФ.

В связи с перечисленными аспектами, а также региональными преимуществами у Хэйхэ есть привилегия для создания зоны трансграничного экономического сотрудничества и прямого выхода на рынок обеих стран. Зона приграничной экономической кооперации также создаст хорошую платформу для построения «экономического пояса Шелкового пути» и морского Шелкового пути и хэйлунцзянского «экономического пояса», обращенного на рынок российского Дальнего Востока.

Зона трансграничного экономического сотрудничества – новая инициатива Китая, которая способствует эффективному углублению сотрудничества между приграничными регионами. В отчетном докладе правительства премьер Госсовета КНР Ли Кэцян указал на необходимость расширения открытости внутренних и приграничных районов, повышения уровня развития зон приграничного и трансграничного экономического сотрудничества. В связи с этим правительство провинции Хэйлунцзян и выступило с предложением – построить «экономический коридор» «Китай – Монголия – Россия» и хэйлунцзянский «экономический пояс» речного, сухопутного и морского Шелкового пути. В этом генеральном плане Харбин представлен как центральный город российско-китайского регионального сотрудничества. Строительство хэйлунцзянского моста окажет существенную поддержку развитию зоны трансграничного экономического сотрудничества, соединив Хэйлунцзян с Благовещенском, а Хэйхэ станет в этом проекте главной узловой точкой приграничного региона.

Международный проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПП). «Снятие инфраструктурных ограничений дает выход российским товарам к новым рынкам, создает запас пропускных способностей, обеспечивает возможность нашим предприятиям оперативно реагировать на изменения мировой конъюнктуры и дает возможность переключить поставки с запада на восток или обратно, а также на другие направления в зависимости от спроса и цены на продукцию», – отметил министр транспорта РФ Максим Соколов 4 декабря 2015 г. на Пленарной сессии «Транспорт и экономика: формула взаимозависимости» в рамках «Транспортной недели – 2015» [16].

Благодаря своему географическому расположению Россия играет особую роль в обеспечении евроазиатских связей: именно через ее территорию из Азии в страны Европы перевозится большее количество грузов. По этой причине она может стать важной узловой платформой по реализации проекта нового Шелкового пути.

Хорошие перспективы развития транзита проявляются на направлении Западный Китай – Европа (через Казахстан) и Китай – Европа (через пограничный переход Забайкальск): объем транзитных грузов по Транссибирской железнодорожной магистрали в сообщении с Китаем составил 66 тыс. контейнеров за 9 месяцев 2015 г., т. е. практически удвоился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [16].

Проект ЭПШП станет главной движущей силой в становлении центра Евразии как территории совместного развития и нового самостоятельного экономического региона, объединив Азию и Европу вокруг концепции торговли.

Данная инициатива также способствует решению внутренних проблем Китая, так как содействует устранению дисбаланса между северо-западом КНР и ее южно-восточными провинциями за счет равномерного распределения ресурсов и производств. При этом есть возможность осуществления внутренних интересов страны путем поиска внешних рынков и возможностей для выхода на них с инвестициями, новыми планами экономического взаимодействия со своими партнерами. Нарастивать инвестиции в зарубежные рынки КНР планирует при поддержке своих банков.

Международное сотрудничество в данной сфере – это новая форма интеграции, продолжение политики реформ и открытости Китая. В прошлом строительство особых экономических зон было приближено к «островкам развитой рыночной экономики», новая китайская инициатива, официальное название которой «Один пояс – один путь», объединит Китай и страны Центральной Азии, соединит регион с Африкой и Европой.

«Один пояс – один путь» – это не просто транспортный коридор, это всестороннее экономическое сотрудничество, которое охватывает инфраструктуру, энергоресурсы, сферу инвестиций, а также содействует экономическому сотрудничеству и развитию в соответствующих странах.

Результаты этой стратегической программы наблюдаются уже сегодня. В городе Цюаньчжоу провинции Фуцзянь 11–12 февраля 2015 г. открылся Международный симпозиум «Создание нового Шелкового пути XXI века» при поддержке пресс-канцелярии Госсовета КНР с участием специалистов из США, Индии, Египта, Мьянмы, Сингапура и Таиланда. «Сообщество с единой судьбой: создадим морской Шелковый путь XXI века совместными усилиями» – девиз данного симпозиума, посвященного вопросам создания морского Шелкового пути.

9 декабря 2014 г. в Мадрид прибыл первый поезд по железнодорожной линии «Иу – Синьцзян – Европа». Железнодорожный состав выехал из восточной провинции Китая Чжэцзян, по пути своего следования проехал по территории северо-западного Китая, Казахстана, России, Беларуси, Польши, Германии и Франции, преодолев 13 тыс. км за 21 день. По железнодорожному полотну в Китай доставятся испанские товары – ветчина, вино, оливковое масло и т. д. Это самая длинная железнодорожная магистраль между Китаем и Европой, открытие которой, по словам Анны Пастор, министра развития Испании,

станет «знаменательной вехой в истории железнодорожной индустрии»¹. Кроме того, магистраль повторяет контуры нового ЭПШП.

По железнодорожной магистрали «Баку – Тбилиси – Карс» прошел состав на грузинском участке Ахалкалаки – Карцахи. Являясь частью нового транспортного коридора, магистраль открывает путь из Азии в Европу через Турцию за счет объединения железнодорожных линий Азербайджана, Грузии и Турции в рамках международного соглашения. Включение стран Закавказья в программу ЭПШП является логическим пролонгированием континентальной части проекта.

Российская ветка Шелкового пути представляет собой долгосрочный проект. Грузовая линия пройдет по направлению Ляньюньган – Урумчи – Бишкек – Душанбе – Тегеран – Стамбул – Москва – Роттердам. Пассажирская линия пройдет по направлению Пекин – Москва, т. е. по всей территории России. Скоростная железная дорога Москва – Казань является предметом инвестиционных планов Китая.

Стоит отметить, что при всех положительных результатах, которые планируются при формировании проекта ЭПШП, изначально он вступил в противоречие и конкуренцию с программами евразийской направленности, а именно с продвигаемым Россией Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Однако в послании к Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. глава государства отметил: «Достигнута принципиальная договоренность о сопряжении евразийской интеграции с китайской инициативой «Экономического пояса Шелкового пути»» [17]. По сравнению с ЕАЭС ЭПШП и морской Шелковый путь имеют ряд преимуществ: простираются во всех направлениях, а не только на Восток; объединяют более емкий рынок; развиваются на основе древнего Великого Шелкового пути; финансируются Китаем.

Международный транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай». Составной частью реализации проекта ЭПШП является строящаяся автомобильная магистраль «Западная Европа – Западный Китай», идущая от Северной Европы до западного Китая. Это новый путь в Европу. Создание основной части этого транспортного коридора финансируется следующими международными институтами: Всемирным банком, Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатским банком развития (АБР), Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Японским агентством по международному сотрудничеству (ЯАМС), Исламским банком развития (ИБР), Банком развития БРИКС и Фондом Шелкового пути.

Реализация проекта осуществляется с большой долей участия Казахстана, который в основном завершил строительство своей части. «Сделанные нами предварительные расчеты показывают, что мы можем претендовать на порядка 7–8 % морских перевозок, которые Китай осуществляет в Западную Европу. Этот проект быстро окупится и позволит сократить время доставки грузов. Скажем, по морскому пути из Ляньюньгана до Варшавы перевозка занимает от 45 до 60 дней, а через Казахстан и Россию это могло бы занять от трех до пяти дней, а это означает серьезную экономию» [18]. Таким образом, это альтернатива Суэцкому каналу, а также Транссибирской магистрали, нахождение в пути по которой составляет около 14 суток. Поэтому какое-то время этот проект сдерживался российской стороной из-за риска снижения значения этой магистрали и инфраструктуры Дальнего Востока.

¹ «В Мадрид прибыл первый железнодорожный состав „Иу – Синьцзян – Европа“». Информационное агентство Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/importnews/2014-12/10/c_133844180.htm (дата обращения: 20.01.2016).

Автотрасса «Западная Европа – Западный Китай» дает возможность для выхода в Гамбург, один из крупнейших портовых городов Европы, так как маршрут транспортного коридора проходит по традиционному пути торгового сообщения России и стран Европы. Российская Федерация сможет активно использовать российские порты в качестве международных транзитных коммуникаций. Порты, расположенные на Балтийском море, будут задействованы в первую очередь: Архангельск, Мурманск, водные пути рек Волжского бассейна. Транспортные связи между Азией и Европой примут новый облик за счет соединения портов Желтого моря с портами Ленинградской области, а импорт товаров из Китая улучшен в ходе реализации данного инфраструктурного проекта.

Грузоперевозки обеспечиваются через территории КНР, Казахстана и РФ по следующим трем направлениям: Китай – Казахстан, Китай – Центральная Азия, Китай – Казахстан – Россия – Западная Европа (рис. 1). Это наиболее оптимальный путь из Европы в Китай с минимальным количеством пересекаемых границ.

Рис. 1

Между Россией, Китаем и Европейским союзом подписаны межправительственные меморандумы, а международный юридический статус автомобильной магистрали зафиксирован с принятием Федерального закона № 337-ФЗ «О ратификации Соглашения между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок» [16]. При этом реализация данного соглашения планируется к 2020 г. Функционировать транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» начнет в конце 2016 г. после завершения строительства пункта пропуска «Нур Жолы» на государственной границе с Китаем [19]. На данный момент с помощью подписания соглашения между министерствами транспорта России и Китая достигнута временная договоренность о возможности перевозок для российской стороны между сибирскими регионами России и западными районами Китая с транзитом через Казахстан начиная с 2016 г.

Протяженность международного маршрута «Западная Европа – Западный Китай» составит 8,5 тыс. км: 3 тыс. км пройдут по территории Китая, 2,8 тыс. км – через Казахстан, а 2,2 тыс. затронут Россию. Это регионы Ленинградской, Московской, Владимирской,

Нижегородской, Оренбургской областей, а также республик Татарстан, Башкортостан, Чувашия². При этом начало автодорога возьмет у Западного скоростного диаметра (ЗСД) в Санкт-Петербурге. Российскую часть автомобильной трассы «Западная Европа – Западный Китай» планируется завершить к 2020 г., о чем заявил министр транспорта РФ Максим Соколов [20]. При этом малый и средний бизнес получают стимул для развития, спрос на строительные материалы отечественного производства увеличится, в связи с чем возрастет занятость в данной отрасли производства.

Санкт-Петербург – Москва – головной участок международного транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Автомагистраль «Москва – Санкт-Петербург» протяженностью 140 км, затрагивающая территории Санкт-Петербурга, Ленинградской и Новгородской областей, является крупным инфраструктурным проектом, начало которому положено в 2015 г. Центральная кольцевая автодорога в Московской области протяженностью 334 км также является составной частью транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» (рис. 2), а также проектом федерального уровня, на строительство которого выделены денежные средства из Фонда национального благосостояния [16].

Проделанный анализ, выдвинутые предложения раскрывают новые возможности расширения сотрудничества и обмена опытом между РФ и Китаем. Создание ЗСТ между Россией и Китаем является долгосрочным проектом. Рост торговли между странами свиде-

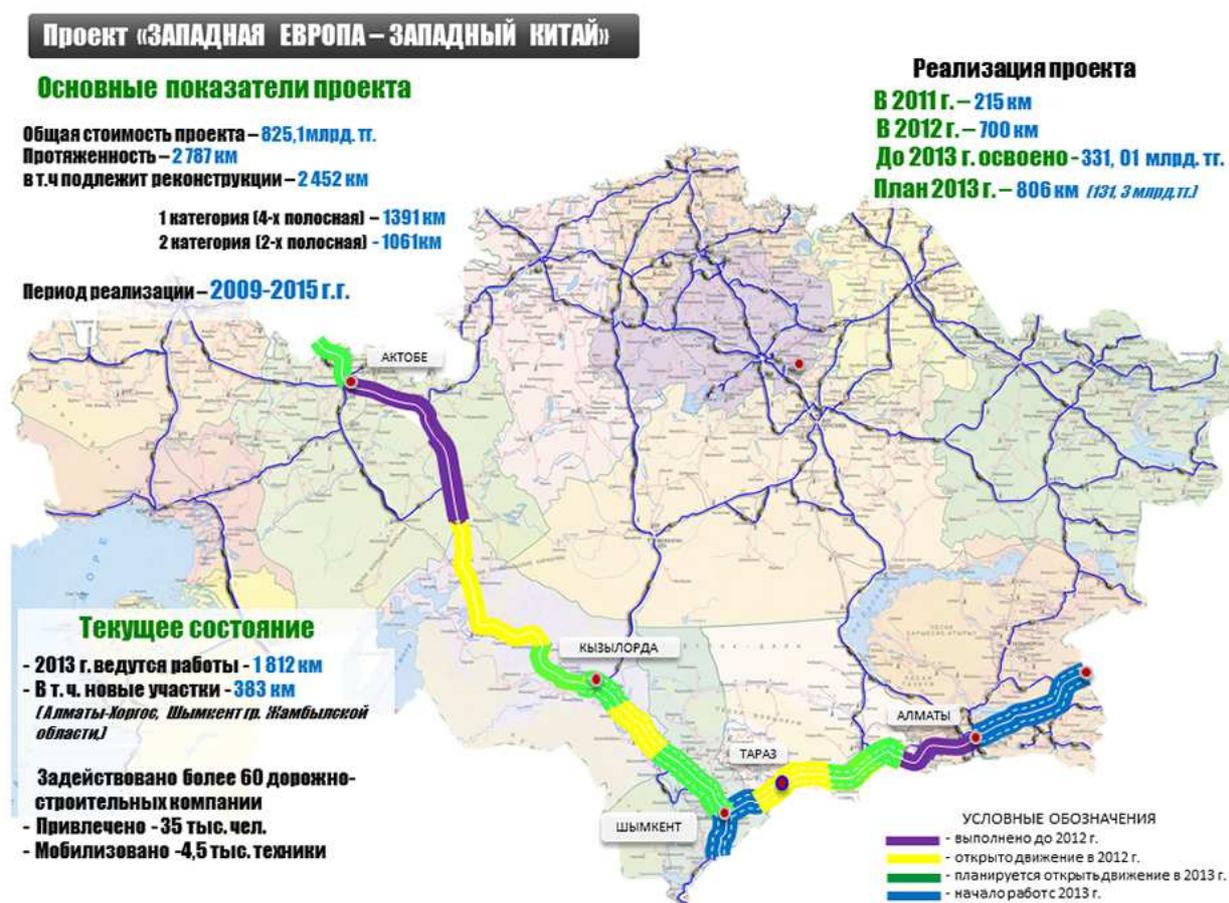

Рис. 2

² Имеется также возможность продолжения автодороги до границы с Финляндией.

тельствует о том, что в будущем проект создания ЗСТ станет необходимой частью сотрудничества и развития социальной экономики обеих стран. Постепенное снижение торговых и инвестиционных барьеров способствует оптимизации финансовых потоков внутри экономической системы стран-участниц, что является важной задачей реализации проекта ЭПШП, в ходе которого удаленные ранее экономические регионы получают новые возможности для развития в системе мировой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The World Bank Annual Report. 1992. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/1992/01/12707264/world-bank-annual-report-1992-banque-mondiale-rapport-annuel-1992> (дата обращения: 07.01.2016).
2. Федеральный закон РФ от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Рос. газ. 2003. № 3368 (0). 18 дек. URL: <http://www.rg.ru/2003/12/18/vneshtorg-dok.html> (дата обращения: 07.01.2016).
3. Наследство Ли Куан Ю: Варданян, Гуриев и Кудрин о сингапурском реформаторе. URL: <https://slon.ru/posts/49589> (дата обращения: 20.12.2015).
4. Международный инвестиционный форум «Сочи–2015». Сочи, Краснодарский край, Россия, 1–4 окт. 2015 г. Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании. URL: <http://government.ru/news/19887> (дата обращения: 20.12.2015).
5. Международный инвестиционный форум «Сочи–2015». Сочи, Краснодарский край, Россия, 1–4 окт. 2015 г. URL: <http://www.forumkuban.ru> (дата обращения: 20.12.2015).
6. Международный инвестиционный форум «Сочи–2015». Сочи, Краснодарский край, Россия, 1–4 окт. 2015 г. Панельная дискуссия «Россия и Евроатлантические экономические партнеры. Каковы шансы на запуск новой стадии отношений?» URL: <http://ru.disai.org/sochi2015/player/?play=201510020200> (дата обращения: 20.12.2015).
7. Всемирный экономический форум. Давос, 20–23 янв. 2016 г. URL: <http://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2016/sessions/the-outlook-for-russia> (дата обращения: 25.01.2016).
8. A World Bank Group Flagship Report. Global Economic Prospects. Spillovers amid Weak Growth. 2016. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2016a/Global-Economic-Prospects-January-2016-Spillovers-amid-weak-growth.pdf> (дата обращения: 27.01.2016).
9. Лю Хуацинь. Новый этап китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // Китай. 2014. № 10 (108). С. 20.
10. Восточный экономический форум. Владивосток, Россия, 3–5 сент. 2015 г. URL: <http://forumvostok.ru/mesto/o-dalnem-vostoke> (дата обращения: 16.03.2016).
11. Федеральный закон РФ от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. № 6571. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html> (дата обращения: 20.01.2016).
12. Добрынина Е. Триллион – на Восток // Рос. газ. 2015. № 6866 (295). URL: <http://www.rg.ru/2015/12/29/galushka.html> (дата обращения: 20.01.2016).
13. Восточный экономический форум. Владивосток, Россия, 3–5 сент. 2015 г. URL: <http://forumvostok.ru/mesto/tory> (дата обращения: 16.03.2016).
14. Петербургский Международный экономический форум – 2015. Санкт-Петербург, Россия, 18–20 июня 2015 г. Пленарное заседание. Время действовать: совместными усилиями к стабильности и росту. Выступление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и лидеров иностранных государств 19 июня 2015 г. Стенограмма. URL: http://forumspb.com/bfx-cc/system/uploads/files/site_session_attr/stenogram_ru/661/1165_ru.pdf (дата обращения: 20.12.2015).
15. Ван Фан. Хэйхэ в новом раунде внешней открытости // Китай. 2015. № 4 (114). С. 40.
16. URL: http://mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=29288&sphrase_id=5573 (дата обращения: 25.12.2015).

17. Послание Президента Федеральному собранию. 3 дек. 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (дата обращения: 12.01.2016).

18. Петербургский Международный экономический форум – 2015. Санкт-Петербург, Россия, 18–20 июня 2015 г. Теледебаты «Россия 24» и МДК «Валдай». «Шелковый путь и Большая Евразия: политика, экономика, инфраструктура». URL: <http://www.forumspb.com/ru/2015/sections/50/materials/260/sessions/1207> (дата обращения: 20.11.2015).

19. Новый путь в Европу. Реализация проекта «Западная Европа – Западный Китай». URL: <http://www.europe-china.kz/news/10087> (дата обращения: 22.01.2016).

20. Шадрина Т. От Европы до Китая проложат дорогу. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/18/doroga-site.html> (дата обращения: 10.01.2016).

Yu. V. Mishalchenko
Saint Petersburg State University

T. I. Yuyukina
Saint Petersburg State University of Economics

«THE SILK ROAD ECONOMIC BELT»: DEVELOPMENT TENDENCIES IN THE INTERNATIONAL ECONOMIC AND LAW SYSTEMS

The form of international integration – free trade zones – is being studied in the article. The preconditions which had contributed to the formation of the free trade Russian-Chinese zone in the city Heihe and development of cross-border economic cooperation are explored. As additional barriers to trade the issue of sanctions which predetermine the «eastern vector» of the economic development for Russia is analyzed. According to the authors, «The Silk Road Economic Belt» and its integral part – the transport corridor «Western Europe – Western China» contribute to the development and diversification of trade between Russia and China.

Free trade zone, sanctions, «eastern vector» of economic development, «The Silk Road Economic Belt», Maritime Silk Road, the concept «One belt – one road», transport corridor «Western Europe – Western China», cross-border economic cooperation

УДК 658.1

О. А. Гуляева, А. Н. Мардас, Д. А. Мардас
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ПРОГНОЗНАЯ ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Излагаются возможности стратегического планирования в нестационарных условиях современной экономики. Представлен инструментарий снижения неопределенности и прогнозной оценки результативности соответствующей стратегии, являющийся развитием методов непараметрической эконометрики

Стратегическое планирование, непараметрическая эконометрика, прогнозирование, производственно-экономическая система

1. Необходимость развития методологии снижения неопределенности в стратегическом планировании. Практика модернизации в промышленных отраслях и корпорациях России в 2005–2015 гг. [1]–[3] убедительно доказала необходимость применения количествен-

ных методов в обосновании реализуемости стратегий развития уже на этапе их планирования. Основной методологией такого обоснования стала эконометрика [4]. Однако ее классический инструментарий опирается на представления о стохастичности ситуации и эргодичности исследуемых процессов, что чрезвычайно редко выполняется в современной перманентно меняющейся экономике. В итоге, в том числе по причине неадекватности применявшегося математического аппарата, большинство из планировавшихся мероприятий оказались невыполненными. Сказалось несоответствие экстраполяционных подходов новой динамике.

Допустимость описания динамики производственно-экономической системы (ПЭС) – отрасли, корпорации или предприятия – экстраполяцией по однократно зафиксированному временному ряду с достаточной для практики планирования надежностью можно подтвердить, если оценить гипотезы о постоянстве среднего и дисперсии процесса по не менее пятидесяти его участкам с числом уровней больше тридцати в каждом [4], [5]. Но и в этом случае правомерность применения такого подхода к реальным процессам остается недоказанной. *Динамика современной экономики вообще не позволяет напрямую применять классический стохастический инструментарий в стратегическом планировании.* Поэтому без разработки методов снижения неопределенности в точках смены тенденций (точках бифуркации) адекватность планирования, а значит и успех стратегий развития ПЭС, не гарантируется. Соответственно этап прогнозирования в этом случае уместнее трактовать не как предсказание будущего, а только как сужение его абсолютной неопределенности до обозримого множества альтернатив.

В основе представляемой методологии лежат теория предвидения Н. Кондратьева и теория инноваций Й. Шумпетера [6], утверждающие, что адекватность стратегического прогноза определяется степенью учета принципов (закономерностей) статичности, циклической динамики и социогенетики.

Закономерность статичности предполагает учет сложившихся на момент разработки прогноза пропорций в науке, технике и конкретном производстве и позволяет отсекающе технически не осуществимые сценарии развития. Принцип циклической динамики отражает неизбежность кризисов на стыках циклов экономической конъюнктуры и вынуждает предусматривать меры по обновлению стратегии. Наконец принцип социогенетики признает главенство причинно-следственных связей в трансформации сложных систем и обуславливает выбор направления развития ПЭС с учетом ее ретроспективы.

Обращение к перечисленным принципам позволяет констатировать, что достоин перевода в статус прогноза только сценарий развития ПЭС, продолжающий главенствующую тенденцию развития с учетом условий (факторов), способных ее изменить. Таким образом, прогнозные алгоритмы должны строиться по аналогии с моделями Бокса–Дженкинса [4], т. е. как объединение детерминированной (планирующей) и нерегулярной (отождествляемой с неопределенностью и не поддающейся планированию) компонент. Для современной экономики это равносильно спецификации эконометрической модели в отсутствие выполнимости условий стохастичности. Поэтому первый этап идентификации перспектив ПЭС должен представлять собой доказательную рандомизацию эмпирической информации в целях обеспечения возможностей применения вероятностной схемы и последующей оценки гипотезы о природе и темпах развития.

2. Идентификация перспектив развития ПЭС в точке бифуркации. Рандомизацию эмпирической информации о ретроспективе ПЭС на старте стратегии предлагается осуществлять следующим образом.

Фиксируется короткий ($n \leq 5$) временной ряд $G(x) = \{x_1, \dots, x_n\}$, предшествующий периоду разработки стратегии значений основного показателя ПЭС. В силу формирования этого показателя в каждом периоде под воздействием огромного числа факторов данное детерминированное значение может интерпретироваться как конкретное наблюдение случайной величины с вероятностным распределением $f_i(x_i)$ ($i = 1, \dots, n$). Тогда, после упорядочения

$$x_1^{(n)} \leq x_2^{(n)} \leq \dots \leq x_n^{(n)} \quad (1)$$

и принятия допущения о взаимной независимости значений показателя в различных периодах, можно вести речь и о совместном распределении членов вариационного ряда с некоторой плотностью $f(x_1^{(n)}, x_2^{(n)}, \dots, x_n^{(n)})$. Идентификация этого распределения открывает возможность оценки гипотезы о наиболее достоверном характере развития ПЭС во времени, а значит, и адекватного стратегического планирования.

С этой целью члены ряда (1) преобразуют, исключая параметры каждого из распределений $f_i(x_i)$ (осуществляют переход к инвариантным статистикам). В частности, для экспоненциального распределения

$$F(x) = 1 - e^{-\lambda x} \quad (2)$$

с помощью обратного преобразования можно получить представление

$$x_i = -\lambda^{-1} \ln(1 - \alpha_i), \quad i = 1, \dots, n, \quad (3)$$

где α_i – реализация равномерно распределенной на интервале $[0, 1]$ случайной величины.

В общем случае для непрерывной функции распределения $F(x)$, ввиду ее монотонности, всегда существует преобразование вида

$$x_i = F^{-1}(\alpha_i), \quad (4)$$

поэтому, если задана последовательность чисел $\{y_k\}$, равномерно распределенных в $[0, 1]$, и $y_k = F(x_k)$, то по формуле $x_k = F^{-1}(y_k)$ могут быть определены и элементы последовательности $\{x_k\}$.

Для временного ряда $G(x)$, даже в предположении допустимости вероятностного описания ПЭС, порождающий процесс и его функция распределения остаются неизвестными. Вместе с тем вблизи точки бифуркации, ввиду краткости исследуемого временного ряда и малости интервала $[i, i + 1]$, функцию $f_i(x_i)$ можно полагать непрерывной и одинаковой для всех i . Тогда (при постулировании вида данного распределения, чаще всего равномерного [7], [8]) обращение (4) становится однозначной процедурой [9], и функция распределения $F(x)$, рандомизирующая наблюдаемый временной ряд $G(x)$, принимает вид:

$$F(x) = (nx - i)P_{i+1} + \sum_{k=1}^i P_k, \quad x \in \left[\frac{i}{n}, \frac{i+1}{n} \right], \quad i = 0, \dots, n-1, \quad (5)$$

где $P_k = \sum_{i=1}^k f_i(x_i)$ – накопленная частота как оценка вероятности того, что $x < x_k^{(n)}$.

Рандомизация позволяет использовать вероятностную схему для снижения неопределенности развития ПЭС в точке бифуркации (на старте стратегии). Для этого по наблюдавшимся данным формируется набор функций (5) для различных плотностей вероятности $f_i(x_i)$. В этом случае каждая $F(x)$ будет аналитическим представлением возможной кривой роста как траектории развития ПЭС. Далее путем тестирования гипотезы о типах роста идентифицируется наиболее достоверный вариант развития ПЭС в ближайшей перспективе (один-два временных периода). По данному варианту и проверяется реализуемость мероприятий стратегии по достижению целевого показателя.

Алгоритмически изложенная схема реализуется в следующей методике.

Шаг 1. Рандомизация временного ряда. Путем упорядочения (1), постулирования вероятностных распределений $f_i(x_i)$ и обращения (4) из ряда $G(x)$ образуют вариационный ряд инвариантных статистик, по которому будут тестироваться гипотезы о характере совместного распределения как отражении тенденций развития в виде кривой роста. Для выбора стратегии в первую очередь необходимо протестировать равномерный и экспоненциальный законы распределения. Обусловлено это следующими обстоятельствами.

При равномерном совместном распределении ряд $G(x)$ отличается постоянством прироста в каждом временном интервале, отражает линейную динамику ПЭС и в соответствии с приведенными принципами генетического подхода предопределяет равновесный экстенсивный рост за счет линейного увеличения объемов привлекаемых производственных факторов.

В экспоненциально распределенном ряду $G(x)$ прирост основного показателя от периода к периоду увеличивается, поскольку в коэффициенте эластичности присутствует достигнутый в предшествующем периоде уровень основного показателя ПЭС, действующий как мультипликатор. Это обеспечивает интенсивный рост, в частности инновационный, означающий прорывное развитие за счет интеллектуального вклада при практическом постоянстве других факторов производства.

В соответствии с [10] рассчитываемые на основе преобразования (4) инвариантные статистики имеют вид:

$$\Omega_i^{\text{эксп}} = \frac{x_n^{(i)} - x_1^{(n)}}{x_n^{(n)} - x_1^{(n)}}, i = 2, \dots, n - 1; \quad (6)$$

и

$$\Omega_i^{\text{равн}} = \frac{x_i^{(n)}}{x_n^{(n)}}, i = 1, \dots, n \quad (7)$$

для равномерного и экспоненциального законов соответственно.

Шаг 2. Формирование набора кривых роста как возможных траекторий развития за точкой бифуркации. Рандомизация открывает возможность применения вероятностной схемы к выявлению предпосылок развития и прогнозу результативности стратегии роста. С этой целью для допустимых вариантов развития ПЭС на основе (5) необходимо сформировать набор распределений – кандидатов на аналитическое описание кривой роста основного показателя в окрестности точки бифуркации (на старте новой стратегии).

В стохастической ситуации выбор кривой роста в виде закона $\varphi(x, \theta_0)$ (простая статистическая гипотеза) обеспечивается вычислением эмпирического значения статистики s^* критерия согласия $g(s|H_0)$. Нулевую гипотезу отвергают, если $s^* > s_\alpha$, где s_α – квантиль критерия с уровнем значимости α . В точке бифуркации прямое применение критерия $g(s|H_0)$ невозможно в силу неясного характера развития и недостатка статистических данных, т. е. вида и параметров теоретического закона $\varphi(x, \theta_0)$, приводящего к эмпирическому распределению (5).

Одновременно, в силу малости выборки (краткости временного ряда), неприменимы оказываются также непараметрические критерии согласия [8] и числовые идентификаторы вероятностных распределений [11]. Вместе с тем, поскольку упорядочение инвариантных статистик формально есть реализация одного из возможных вариантов размещения $n \leq 5$ элементов на n местах, то можно оценивать динамику ПЭС путем непосредственного расчета вероятности для соответствующих комбинаций основного показателя во времени.

Действительно, при задании функции (5) в силу принятых допущений для максимального элемента $x_n^{(n)}$ ряда (1) будем иметь:

$$F_{\max} = F(x = x_n^{(n)}) = P(x_1^{(n)} < x, x_2^{(n)} < x, \dots, x_n^{(n)} < x) = \prod_{i=1}^n P(x_i^{(n)} < x) = (F(x))^n. \quad (8)$$

Аналогично для минимального элемента $x_1^{(n)}$ получим:

$$F_{\min} = F(x = x_1^{(n)}) = 1 - \prod_{i=1}^n (1 - P(x_i^{(n)} < x)) = 1 - (1 - F(x))^n. \quad (9)$$

После инвариантного преобразования ряда $G(x)$ любая порядковая статистика y_k ($k = 1, \dots, n$) разбивает интервал $[0, 1]$ значений вновь образованного вариационного ряда на три области. В первую входит $k-1$ – значение инвариантных статистик, меньших $y_k = F(x_k)$. Вторую образует само значение y_k . В третьей группе содержится $n-k$ значений, больших y_k . Поэтому для произвольной статистики y_k с учетом соотношений (8), (9) будет выполняться:

$$\begin{aligned} y_k &= P\{\text{ровно } k \text{ элементов ряда лежат левее } y_k\} = \\ &= \sum_{i=k}^n C_n^k (F(x))^k (1 - F(x))^{n-k}. \end{aligned} \quad (10)$$

В работе [12] для $0 \leq y \leq 1$ доказано тождество:

$$\sum_{i=k}^n (F(x))^k (1 - F(x))^{n-k} = \int_0^y \frac{n!}{(k-1)!(n-k)!} t^{k-1} (1-t)^{n-k} dt, \quad (11)$$

которое позволяет получить и другое представление для соотношения (10):

$$y_k = \int_0^{y_k} \frac{n!}{(k-1)!(n-k)!} t^{k-1} (1-t)^{n-k} dt. \quad (12)$$

Тогда, с учетом, что $F'(x) = f(x)$ можно рассчитывать значение плотности вероятности для порядковой статистики y_k по соотношению:

$$f_k = kC_n^k (F(x))^{k-1} (1-F(x))^{n-k} f(x). \quad (13)$$

Учет в (13) вида тестируемого теоретического распределения и преобразования (7) позволяет получить [10] плотность совместного распределения первых $m \leq n-1$ членов вариационного ряда

$$g(\Omega_1^{\text{эксп}}, \dots, \Omega_m^{\text{эксп}}) = \frac{(m+1)!}{(1 + \Omega_1^{\text{эксп}} + \dots + \Omega_m^{\text{эксп}})^{m+1}} \quad (14)$$

для экспоненциально растущего исходного ряда $G(x)$.

Если в исходном ряду основной показатель ПЭС растет равномерно, то для членов вариационного ряда с номерами $i = 2, \dots, n-1$ плотность совместного распределения составит:

$$g(\Omega_2^{\text{равн}}, \dots, \Omega_{n-1}^{\text{равн}}) = 1. \quad (15)$$

На основании полученных соотношений и формируются интегральные функции распределения как аналитическое представление кривой роста:

$$S = \int_0^y g(t) dt. \quad (16)$$

В итоге, для конкретной реализации временного ряда $G(x^*) = \{x_1^*, \dots, x_n^*\}$ и его инвариантного преобразования $G(\Omega^*) = \{\Omega_1^*, \dots, \Omega_n^*\}$ получаем конкурирующие значения интегральной функции совместного распределения:

$$S_{\text{эксп}}^* = G\{x_i^*, i = 1, \dots, n-1\} = \int_0^{\Omega_1^*} \dots \int_0^{\Omega_{n-1}^*} \frac{n!}{(1 + y_1 + \dots + y_{n-1})^{n-1}} d\Omega_1 \dots d\Omega_{n-1}, \quad (17)$$

$$S_{\text{равн}}^* = G\{x_i^*, i = 2, \dots, n-1\} = \prod_{i=2}^{n-1} \Omega_i^*. \quad (18)$$

Шаг 3. Оценка перспектив развития на основе идентификации кривой роста. Для оценки перспектив развития ПЭС первоначально сравниваются расчетное значение $S_{\text{эксп}}^*$ и критическая величина $S_{\text{кр}}$ супериндикатора экспоненциального распределения [13], отвечающая заданному уровню значимости α . Если $S^* < S_{\text{кр}}$, то нет оснований отвергнуть выдвинутую гипотезу о наличии экспоненциального роста в исходном временном ряду основного показателя ПЭС, и, следовательно, о существовании предпосылок инновационного прорыва.

Если гипотеза об экспоненциальном распределении отвергнута, то проверяется гипотеза о подчиненности исходной выборки закону равномерного распределения. Если $S_{\text{равн}}^* \geq S_{\text{кр}}$, то нет оснований отвергнуть выдвинутую гипотезу и, следовательно, подтвердить отсутствие предпосылок инновационного прорыва.

Таким образом, данный этап позволяет установить наличие (либо, наоборот, отсутствие) предпосылок и ожидаемый тип развития ПЭС.

Шаг 4. Параметризация прогнозной модели развития как модели промышленного роста. Второй этап прогнозной оценки результативности стратегии состоит в параметризации траектории развития ПЭС. В рамках неоклассических представлений это тождественно

максимизации выпуска X при учете технологической связи с затратами (накопленный труд в форме производственных фондов K и живой труд L как численность работающих) и в простейшем случае представимо производственной функцией Кобба–Дугласа:

$$X = AK^pL^q. \quad (19)$$

Множитель A в соотношении (19) не связывается с объемами вовлекаемых в производство материальных ресурсов и в статике может интерпретироваться как отражение интеллектуального вклада в развитие.

Инновационный прорыв означает скачок в результирующем показателе при практически неизменном вовлечении ресурсов в производство, что в модели (19) равноценно фиксации L и K в точке старта стратегии развития. Поэтому, полагая $x = X/L$ и $k = K/L$, статику ПЭС можно отражать соотношением

$$x = Ak^\lambda, \quad (20)$$

представляющим собой индекс роста в расчете на одного работающего, а динамику – логарифмическим трендом этого индекса:

$$\ln x_t = \ln A_t + \lambda \ln k_t, \quad (21)$$

для $t = 1, 2, \dots, T$, где $T = n$ – длина временного ряда $G(x)$.

Таким образом, если на шаге 3 выявляются предпосылки инновационного роста, то после оценки параметров регрессии (21) по значению коэффициента λ может быть установлено необходимое соотношение между динамикой расходов на интеллектуальную и фондоформирующую составляющие деятельности ПЭС в ближайшей перспективе.

Если возможности инновационного прорыва выявлены (кривая роста есть экспонента), то дальнейшее развитие ПЭС предопределено ее короткой ретроспекцией и заключается (хотя бы в ближайшей перспективе) в активизации усилий по сложившимся успешным направлениям. Прогрессивное же развитие – как модернизация либо как экстенсивное расширение – предполагает установление причинно-следственных связей между факторами и результатами производства, и планирование их взаимообусловленного изменения для достижения установленной цели потребует привлечения аппарата корреляционно-регрессионного анализа.

3. Верификация разработанного инструментария. Адекватность предложенного инструментария идентификации возможностей инновационного развития подтверждена его применением к анализу динамики экономики России по данным о валовом внутреннем продукте (ВВП) в период с 2008 по 2014 г.

В ходе идентификации кривой роста по временному ряду 2008–2012 гг. с использованием инвариантных преобразований (7) было получено эмпирическое значение супериндикатора $S_{\text{экср}}^* = 0,28$, что с доверительной вероятностью в 0,95 отвергло гипотезу об экспоненциальном росте ВВП страны. Иначе говоря, в экономике России в указанный период предпосылок к инновационному прорыву не существовало, что однозначно подтвердилось в 2013–2014 гг.

Далее для временного периода 2008–2014 гг. были оценены коэффициенты регрессионной модели (21). Эмпирические данные выявили незначимость свободного члена и привели к дополнительному ограничению $A = 1$ в модели Кобба–Дугласа (т. е. подтверждению отсутствия инновационных изменений). В итоге, по регрессионному уравнению установ-

лено, что при нынешней фондовооруженности экономика России сможет расти с темпом не более 4,4 % только в случае ежегодного увеличения численности экономически активного населения на 1 млн человек. При складывающейся демографической ситуации и действующей миграционной политике этого невозможно даже ожидать. Выход лежит в структурной перестройке экономики, предусматривающей приоритетный рост обрабатывающих отраслей и изменение институциональных условий хозяйствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 года. Письмо Правительства РФ от 05.08.2005. № 2473п-П7. URL: http://audor_info.ru (дата обращения: 16.02.2016).
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Постановление Правительства РФ от 26.12.1995. № 1288. URL: http://audor_info.ru (дата обращения: 16.02.2016).
3. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года // Науч.-технол. развитие Российской Федерации: состояние и перспективы. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2010. 422 с.
4. Айвазян С. А., Мхитарян В. И. Прикладная статистика и основы эконометрики: учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ, 1998. 1022 с.
5. Лемешко Б. Ю., Постовалов С. Н. Применение непараметрических критериев согласия при проверке сложных гипотез // Автометрия. 2001. № 2. С. 88–102.
6. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
7. Орлов А. И. Эконометрика. М.: Экзамен, 2002. 283 с.
8. Методы стратегического анализа на железнодорожном транспорте / А. Н. Мардас, О. А. Гуляева, Н. К. Румянцев, В. П. Третьяк. СПб.: ПГУПС, 2013. 137 с.
9. Хованов Н. В. Анализ и синтез показателей при информационном дефиците. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 196 с.
10. Ивченко Б. П., Мартыщенко Л. А., Иванцов И. Б. Информационная микроэкономика. СПб.: Нордмед-Издат, 1997. 197 с.
11. Статистический анализ данных, моделирование и исследование вероятностных закономерностей. Компьютерный подход / Б. Ю. Лемешко, С. Б. Лемешко, С. Н. Постовалов, Е. В. Чимитова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 888 с.
12. Вероятностные распределения порядковых статистик в анализе сверхкоротких нечетких и неполных временных рядов / Пашенко А. Е., Суворова А. В., Тулупьева Т. В., Тулупьев А. Л. // Труды СПИИРАН. 2009. Вып. 10. С. 184–207.
13. Эконометрические методы в стратегическом анализе производственно-экономических систем / Мардас А. Н., Гуляева О. А., Кадиев И. Г., Мардас Д. А. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. 156 с.

O. A. Gulyaeva, A. N. Mardas, D. A. Mardas
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

PREDICTIVE ESTIMATE OF THE DEVELOPMENT STRATEGY EFFECTIVENES OF THE MANUFACTURING SYSTEM

The opportunity of strategic planning in unsteady conditions of the modern economy is discussed. Tools to reduce uncertainty and predictive performance estimate of the strategy with nonparametric methods are presented.

Strategic planning, nonparametric econometrics, forecasting, manufacturing system

УДК 658.5

И. А. Брусакова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)***С. Е. Барыкин***Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*

ПРЕДМЕТ ФИНАНСОВОЙ ЛОГИСТИКИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Рассмотрен предмет финансовой логистики с позиции инновационного менеджмента, методы и модели которого позволяют охватывать качественно новый синтез моделей управления материальными и финансовыми ресурсами. Методологический аппарат инновационного менеджмента включает принципы и методы исследования процесса создания технологических и нетехнологических (организационных) нововведений и оценки экономической эффективности результатов внедрения инноваций в социально-экономической системе. Финансовая логистика является новым направлением организации финансовых потоков во взаимосвязи с потоками информации и материальных ресурсов.

Финансовая логистика, инновационный менеджмент, финансовая и информационная инфраструктура, национальная инновационная система

Проявившаяся с начала 2000-х гг. тенденция технологического отставания значительной части перерабатывающих отраслей российской экономики не преодолена и к настоящему времени. Одной из причин затягивания «инновационного рывка» российской промышленности является неполное использование интеллектуального потенциала общества. В сложившейся ситуации важно раскрывать образовательный потенциал высших учебных заведений, который недостаточно задействован в треугольнике знаний «образование – наука – инновации». В условиях кризисной ситуации в мировой экономике, отрицательно влияющей на процесс финансирования научно-исследовательских и образовательных программ, важно применять накопленный опыт в преподавании «синтетических» дисциплин, связанных с областью применения одновременно в предметных областях экономики и информатики. Такими «синтетическими» дисциплинами являются, например, дисциплины «Информационный менеджмент и бизнес», «Управление проектами», «Интеллектуальные информационные системы», «Экономико-математическое моделирование» [1, с. 69], представленные в учебных планах основных образовательных программ как по направлениям «Менеджмент», «Бизнес-информатика», так и по направлениям «Инноватика», «Информационные системы и технологии», «Прикладная информатика».

Необходимо обеспечить применение методов и моделей информационного менеджмента при разработке научно-технических проектов в рамках выпускных квалификационных работ. Отдельное место в этом ряду занимает преподавание финансовой логистики как инновационного подхода к финансированию технологических мероприятий и управлению финансами на базе инновационных методов организации финансовых потоков. Разработка методов и моделей теории финансовой логистики наиболее эффективно осу-

ществляется на основе описания и обработки экономических измерений, представленных в различных измерительных шкалах, позволяющих переходить к формированию знаний по результатам структурирования экономической измерительной информации [2]. Причинно-следственный анализ проблемных вопросов при изучении инновационной инфраструктуры позволяет оптимизировать информационную инфраструктуру промышленного производства через эффективную организацию информационных потоков [3].

Практическое значение финансовой логистики заключается в усовершенствовании механизма формирования финансовой инфраструктуры для развития регионально ориентированной инфраструктуры инновационной деятельности в рамках реализации инновационной парадигмы, рассматриваемой в отечественной литературе [4, с. 226–227]. Актуальность предмета исследования финансовой логистики обусловлена предлагаемым российскими учеными критерием оценки возможности развития экономики по инновационному типу, заключающемуся в опережающих темпах финансирования фундаментальных исследований по сравнению с другими секторами инновационной деятельности. Система взаимодействующих потоков материальных, финансовых и информационных ресурсов позволяет формировать пространственную структуру национальной инновационной системы через соединение коммуникационными сетями отдельных территорий инновационного развития, для которых разрабатываются в индивидуальном порядке локальные инновационные системы. Исследование задач финансовой логистики обуславливает логико-методологический анализ системно-структурных исследований инновационного подхода к управлению финансами.

Изначально логистический подход к управлению финансами начал формироваться в 1950-х гг. на основе характерных для логистики процессов, ранее осуществляемых в хозяйственной деятельности, но разрозненно, без какой-либо логистической, в современном понимании, концепции управления [5, с. 23]. основополагающей работой по финансовой логистике можно считать труд американского ученого-экономиста У. Баумоля [6, с. 545–556], в котором подход к управлению запасами был применен к расчету запаса наличных денег индивидуума. Хотелось обратить внимание на то, что Баумоль использует термин «запас наличности» (a stock of cash) и рассматривает модель его оптимизации. Основная идея модели Баумоля заключается в том, что при увеличении ставки процента компания будет стремиться снижать объем денежных средств по причине роста альтернативных издержек хранения денег (процентный доход, который может быть получен по другим активам), но с учетом роста издержек на продажу ценных бумаг для пополнения наличности (транзакционных издержек) из-за отказа от хранения запаса наличных денег. Подход Баумоля дополнен моделью кредитной линии, разработанной У. Огденом и С. Сундарамом и опубликованной ими в «Журнале финансовых и стратегических решений» весной 1998 г. и позволяющей рассчитать оптимальную величину наличных денежных средств, получаемых за счет продажи ценных бумаг и привлекаемых по кредитной линии, в течение некоторого промежутка времени [7, с. 27–36].

Профессор А. Г. Будрин справедливо утверждает, что принципы и технологии логистического управления финансовыми потоками при преподавании, как правило, ограничиваются рамками известных правил и алгоритмов финансового менеджмента. Материальные, финансовые и информационные потоки в их логической взаимосвязи в целостной системе промышленного предприятия рассмотрены Будриным в [8, с. 41–68]. Автор исследует механизм управления предприятием на основании интегрального показателя эффективности его

потоковых процессов с использованием теории нечетких множеств [9]. При этом механизм оптимизации взаимосвязанных материальных и финансовых потоков предприятия предполагает управление товарораспорядительными документами. Разработанный Будриным подход положен в основу учебного плана курса «Финансовая логистика» [10, с. 39–40].

В работах российских ученых показано, что логистические модели могут применяться не только к управлению запасами материальных ресурсов, но и в процессе расчета оптимального запаса денежных средств компании [11, с. 231]. На основе анализа моделей управления денежным запасом можно сделать вывод, что в основе логистического подхода к управлению финансами находится поиск равновесия между постоянными издержками на привлечение денежных средств и затратами на содержание денежного запаса [12, с. 330]. Другими словами, затраты на совершение сделок с ценными бумагами должны быть сбалансированы с упущенной выгодой удержания денежных средств в виде запаса на счете и в кассе вместо их инвестирования в деятельность компании. Однако чем отличается предмет исследования финансовой логистики от уже разработанных ранее подходов?

Специфику современной теории логистики можно усмотреть в том, что она становится системно-структурной наукой. На современном этапе развития логистики как науки обнаруживаются важные познавательные детали в процессе проведения системно-структурных исследований:

1) задачей таких исследований является построение обобщенных теоретических схем, которые в принципе безразличны ко многим характеристикам реальных объектов, участвующих в движении потоков различных ресурсов (материальных, финансовых и информационных);

2) системные подходы, как правило, направлены на задачи управления, специфика которого связана с необходимостью учета целостности системы на основе движения по модели без эмпирических описаний, не учитывающих целостность.

Финансовая логистика изучает причинно-следственные связи на всех этапах движения взаимосвязанных потоков материальных, финансовых и информационных ресурсов. Предмет исследования финансовой логистики включает проблематику принятия решений на основе анализа взаимосвязи и взаимодействия материальных, финансовых и информационных потоков. Исходя из того, что в самом общем виде задачу методологии научного познания можно обозначить как построение методов создания научных теорий, изучение финансовой логистики с позиций инновационного менеджмента следует проводить исходя из составляющих внутреннее содержание инновационного менеджмента комплекса научно-исследовательских способов и приемов систематизации новых областей применения технологических инноваций и новых организационных моделей, рассматривающего все стороны финансовой логистики как прикладной дисциплины.

Совокупность финансово-экономических показателей, функционально связанных между собой, можно объединить в финансовую модель, позволяющую формировать различные сценарии развития компании или отдельных аспектов ее деятельности. При этом в упрощенном виде предметом рассмотрения финансовой логистики являются запасы и потоки ресурсов. Интересно отметить мнение известного российского специалиста И. Р. Сухарева, что у бухгалтерских показателей два параметра измерения: стоимость и время; в денежных единицах на момент времени измеряются статические показатели запаса, а в денежных единицах за промежуток времени измеряются динамические показатели потока,

а упрощенно бухгалтерскую учетную процедуру можно представить как превращение информации о фактах хозяйственной жизни в показатели финансовой отчетности [13]. Денежная сумма, отражаемая на любом счете по результатам факта хозяйственной жизни, добавляется к сумме, уже сформированной на этом счете. Запасом является сумма, отраженная на счете до факта хозяйственной жизни и после него, а потоком является сумма, введенная на счет в результате факта хозяйственной жизни.

Сухарев проводит аналогию показателей бухгалтерского учета и физики: поток характеризует движение (изменение) экономического параметра и характеризуется увеличением и уменьшением показателя в различных формах – рост и падение, поступление и выбытие и т. п. Для финансовой логики можно считать справедливым тезис, приводимый Сухаревым, что для характеристики потока всегда необходимо задать период измерения, обозначить его начало и конец (т. е. начало и конец финансового потока): в физике скорость измеряется расстоянием в единицу времени (километрами в час, метрами в секунду), поток в экономике измеряется количеством в единицу времени (часто денежным или процентным). Бухгалтерские динамические показатели выражаются в денежных единицах за период. Стандартными периодами, за которые в бухучете исчисляются показатели потока, являются день, неделя, месяц, квартал, год. В бухгалтерском учете и финансовой отчетности для показателей запаса, как правило, применяют понятия активов и пассивов. Вводя новое понятие бухгалтерской динамики, само понятие «поток» Сухарев определяет как любой объект бухгалтерского учета, измеряемый за определенный промежуток времени, а запас – как объект бухгалтерского учета, измеряемый на определенный момент времени.

Предмет исследования финансовой логики включает в себя задачи, решаемые в системе исследований (одной из которых является исследование моделей оптимизации денежного запаса формируемой инновационной системы, которая может распространяться за пределы исследуемого предприятия, учреждения или группы компаний), различные научные описания, составляющие содержание рассматриваемой действительности (в том числе описание динамики поведения денежного запаса). На уровне предприятия применяемый подход основан на целесообразности принятия решения в области управления запасами с учетом ограничений величины капитала, направляемого на приобретение товарно-материальных ценностей, так как размер капитала компании для осуществления логистических процессов в соответствующем звене поставок ограничен.

Рассмотрим подробнее процесс принятия решений в области финансовой логики с помощью системного представления изучаемой задачи (финансовая задача исследуется как система элементов, структурированных определенным образом с учетом их свойств и отношений между ними). Можно выделить этапы понимания финансовых задач и принятия логистических решений (на основе терминологии известного зарубежного математика Дж. Пойа [14, с. 330]):

1. Условная изоляция элементов рассматриваемой задачи.
2. Перегруппировка рассматриваемых элементов.
3. Организация новой структуры элементов задачи.
4. Пополнение исследуемой задачи новыми элементами.
5. Комбинация рассматриваемых ранее элементов с введенными в задачу на предыдущем этапе. Процедура комбинации дополняет изоляцию.

6. Вспоминание ранее приобретенных знаний о формируемых комбинациях элементов.
7. Мобилизация при исследовании всех относящихся к предмету элементов.
8. Распознавание не замеченных ранее соотношений между элементами при изучении новых конфигураций элементов задачи.

Процедуры принятия решений можно рассматривать по составленной заранее схеме потоков финансовых ресурсов, материальных ценностей и потоков сведений (информации). При изучении сложного целого внимание исследователя последовательно переключается с одного элемента рассматриваемой схемы потоков на другой элемент.

Тогда можно исследовать схему потоков, проводя поиск знакомой конфигурации элементов, предварительно проведя изоляцию проблемных вопросов и постепенно переходя к распознаванию образов на основе знакомых сочетаний. Процедуру распознавания можно сочетать с установлением связи с областью ранее приобретенных знаний, используя полезные участки имеющейся информации об исследуемом предмете. В этом случае распознавание приводит к мобилизации относящихся к рассматриваемому вопросу сведений. Мобилизованные потенциально полезные элементы, введенные в первоначальную концепцию задачи, могут придать более законченный вид, устранить недостатки и пополнить исследуемую систему.

После того как изучен ряд деталей и произведена соответствующая их переоценка, может снова возникнуть потребность представить себе всю ситуацию в целом. В самом деле, после переоценки отдельных деталей «образ целого» мог измениться. Комбинированный эффект переоценки роли некоторых деталей может вылиться в новую мысленную картину общей ситуации, новую, более гармоничную комбинацию всех деталей.

Изоляция деталей предполагает разложение целого на части, а последующая комбинация представляет основу для объединения части в целое, отличающуюся от исходного. Разложение целого на составные части, а затем воссоединение, снова разложение и снова воссоединение приводит к перестроению исследуемой системы в более информативный вид.

Пополнение позволяет приступить к исследованию нового материала и перейти к организации новой структуры изучаемых элементов. На этапе организации с учетом добавления нового материала в структуру уже имеющихся элементов проводится анализ соотношений между ними в новой диспозиции, путем перестановки или перегруппировки элементов задачи. Перегруппировав элементы, получаем новую структуру исследуемой системы.

Рассматривая новую конфигурацию, можно обнаружить не замеченные до этого соотношения между элементами, и повторить весь процесс через изолирование и новую группировку более перспективного целого. Перегруппировка позволяет перенести внимание исследователя на элементы и соотношения, не учитываемые до перегруппировки.

Мобилизация и организация представлены как противоположные концы одной и той же (горизонтальной) диагонали квадрата, так как практически эти операции дополняют друг друга. Мобилизация предполагает добавление в рассматриваемую систему относящихся к предмету исследования элементов, а организация целенаправленно увязывает друг с другом элементы.

Изоляция и комбинация представлены как противоположные концы другой (вертикальной) диагонали, так как практически эти операции дополняют друг друга. Изоляция выделяет конкретную деталь из окружающего ее целого, комбинация воссоединяет рассеянные детали в осмысленное целое.

Логистическое управление финансами компании не ограничивается инструментарием финансового менеджмента. Согласно философии науки основания экономической науки задаются принципами. Принципы представляют собой теоретические положения, которые придают осмысленность законам. В отличие от законов принципы никогда не сводятся к признакам изучаемых явлений [15, с. 8].

Методологический аппарат финансовой логистики включает три основных принципа:

1. Принцип исследования взаимодействия потоков материальных, финансовых и информационных ресурсов в микрологистической системе с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния.

2. Принцип сходства аналитического описания материальных, финансовых и информационных потоков.

3. Принцип поиска компромисса между издержками на привлечение материальных и финансовых ресурсов и затратами на их содержание.

В отечественной научной литературе рассмотрено движение трудовых ресурсов (кадровый поток) в связи с различными организационными, управленческими, финансовыми и информационными аспектами функционирования и развития компании [16]. Профессором Е. Р. Счисляевой рассмотрены модели оптимизации кадровых потоков в условиях интернационализации бизнес-процессов и совершенствования организационной культуры [17].

Несмотря на то что в настоящее время публикуются различные работы, направленные на оценку потоков материальных и финансовых ресурсов, проблема интеграции материального и сопутствующего финансового потока полностью не исследована. Применение принципов финансовой логистики позволяет перейти к построению качественно новых моделей управления материальными и финансовыми потоками.

Впервые подобный подход был реализован в модели Барыкина–Лукинского, которая позволяет планировать многопродуктовые поставки с учетом ограничения на размер капитала, выделяемого на приобретение запасов, и возможности привлечения заемных средств для пополнения запаса материальных ресурсов с учетом альтернативной стоимости вложений капитала. Методика включает модель многопродуктовой задачи, разработанную В. В. Лукинским [18, с. 70–84], и позволяет найти ту степень интеграции, при которой затраты на привлечение финансовых ресурсов и вложение капитала в запасы окупаются соответствующим уменьшением затрат на приобретение и хранение материальных ресурсов [19, с. 103–113]. Решение проблемы интеграции материальных и финансовых потоков требует дальнейшего исследования синтеза моделей управления материальными и финансовыми потоками, в том числе с учетом возможности кредитования.

В процессе системно-структурных исследований в рамках методологии финансовой логистики существенное значение имеют следующие особенности:

1) в этих исследованиях существенно меняется тип предметной действительности, которая представляется многоплоскостной по причине того, что необходимо одновременно решать целый ряд различных задач, отнесенных к самым удаленным друг от друга научным дисциплинам;

2) возможность и необходимость использования методов и средств различных наук (финансового менеджмента и теории логистики) в одном системном исследовании с уче-

том специфической проблемы выявления того, насколько адекватна та или иная группа средств изучаемой действительности;

3) широта предметной области, с одной стороны, позволяет быстрее получать теоретические выводы, а с другой стороны, выступает как препятствие при переходе от абстрактных теоретических схем к получению заданных предметом результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусакова И. А. Компетенции информатиков-экономистов в инновационном развитии России // Прикладная информатика. 2007. № 1 (7). С. 66–75.
2. Брусакова И. А. Метризация бизнес-решений когнитивной экономики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 180 с.
3. Брусакова И. А. Организация и управление инфраструктурой промышленного производства: информационный аспект: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 080200 «Менеджмент». СПб., 2010. 518 с.
4. Иванов В. В. Инновационная парадигма XXI века. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2015. 383 с.
5. Модели и методы теории логистики: учеб. пособие. 2-е изд. / под ред. В. С. Лукинского. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
6. Baumol W., The transactions demand for cash: an inventory theoretic approach // Quarterly J. of Economics. 1952, nov. P. 545–556.
7. Ogden William A., Jr. and Sundaram, Srinivasan, A model for optimal utilization of a firm's line of credit // J. of Financial and Strategic Decisions. Vol. 11. Number 1. Spring 1998. P. 27–36. URL: www.studyfinance.com (дата обращения: 03.02.2016).
8. Будрин А. Г. Поточковые процессы промышленного предприятия. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 159 с.
9. Будрин А. Г. Оценка эффективности потоковых процессов промышленного предприятия. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 133 с.
10. Будрин А. Г. О преподавании финансовой логистики // Логистика. 2008. № 1 (42). С. 39–40.
11. Барыкин С. Е., Лукинский В. В. Модели управления запасами материальных и финансовых ресурсов в логистической системе корпорации // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 1. С. 231–238.
12. Барыкин С. Е. Логистическая методология управления финансами корпорации // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 5. С. 330–348.
13. Сухарев И. Стереобухгалтерия. М.: ИПЦ «Маска», 2014. 384 с. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.09.2015).
14. Джордж Пойа. Математическое открытие. Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание. М.: Наука, 1976. 448 с.
15. Канке В. А. Философия экономической науки: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 384 с.
16. Счисляева Е. Р., Будрина Е. В., Лукинский В. С. Логистические методы и модели управления кадрами в условиях усиления культурных и глобальных тенденций в международном бизнесе. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 166 с.
17. Счисляева Е. Р. Глобальная логистика: кадровый и межкультурный факторы. СПб.: СПбГПУ, 2003. 208 с.
18. Лукинский В. В. Управление запасами в цепях поставок: оптимальный размер заказа. Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2007. 124 с.
19. Барыкин С. Е., Лукинский В. В., Карпунин С. А. Модели управления запасами на основе интеграции финансового и материального потоков в цепях поставок // Аудит и финансовый анализ. 2012. № 1. С. 103–113.

I. A. Brusakova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

S. E. Barykin
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

INNOVATION MANAGEMENT APPROACH TO RESEARCH SUBJECT OF FINANCIAL LOGISTICS SCIENCE

Financial Logistics is a new research area in the field of methods and models of the Innovation Management theory. The article considers the subject of financial logistics as the sphere of organizational innovations being the integral and parcel part of the Innovation Management methodology which includes principles and methods of the cost-effectiveness appraisal of the results of innovation in the social and economic system. Financial Logistics as a complex of methods has been overshadowed by the financial management theory overwhelming in the subject of the financial flows optimizing. In this relation the innovation management approach being the instrumental in planning of information and material resources the perspective of a new synthesis of material and financial resources management models appears.

Financial logistics, innovative management, financial and information infrastructure, national innovative system

УДК 378.1

Т. Г. Тумарова, И. И. Добросердова, Н. М. Фомичева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

А. Э. Сулейманкадиева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Проводится оценка эффективности магистерской подготовки в системе непрерывного образования в условиях экономики знаний на примере Института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета и перспективы ее стратегического развития.

Непрерывное образование, инновационная модель учебного процесса, стратегическое развитие системы непрерывного образования, экономика знаний, «знаниеемкость», «самодостаточность»

Современная рыночная экономика предъявляет спрос на подготовку специалистов, обладающих общекультурными и профессиональными компетенциями, существенно отличающимися от тех, которые характеризовали уровень подготовки кадров в системе плановой экономики, предполагающей организацию обучения по *традиционной модели подготовки*. Современные условия развития экономики, которую можно охарактеризовать как экономику знаний (*Knowledge Economy*), диктуют внедрение иной (отличной от традиционной) – *инновационной модели организации процесса обучения*, в которой выделяются следующие важные черты: *во-первых*, повышаются требования научно-технического про-

гресса к общему и профессиональному уровню рабочей силы, что требует создание, трансформацию и реализацию новых знаний; *во-вторых*, предпринимательские структуры стремятся максимально снизить издержки на воспроизводство квалифицированных кадров, что влечет за собой потребность в иной системе высшего образования, в основе которой находятся инновационные принципы обучения [1]–[5]; *в-третьих*, фактор глобализации вносит непрерывные изменения в окружающей экономической среде, которые обостряют подготовку кадров в соответствии с концепцией непрерывного образования в условиях новой экономики – экономики знаний.

Особенностями экономики знаний является то, что: 1) она неразрывно связана с рынком услуг и рынком труда, для нее характерно, чтобы потребитель участвовал в создании знания; 2) производительность труда в большей мере зависит от использования достижений научно-технического прогресса, качества получаемой и обрабатываемой информации и менеджмента знаний; 3) происходит глубокая трансформация организации процесса производства (в том числе развитие горизонтальных сетевых взаимоотношений между подразделениями интегрированной компании); 4) глобализация производственных процессов, менеджмента, рынков труда, информации и технологий организована и независима от национальных границ; 5) имеет место революционный характер технико-технологических изменений, в основе которых лежат информационные технологии, и они преобразуют материальную основу современного мира; 6) ускоряется развитие и использование нематериальных активов и материальной среды хозяйственной деятельности [3].

Система высшего образования развитых западных стран в контексте ее непрерывности в условиях экономики знаний имеет свои особенности. *С одной стороны*, получение высшего образования является личным делом каждой индивидуума. И, как правило, на его получение затрачиваются собственные средства, которые рассматриваются в качестве инвестиций в последующие конкурентные преимущества на рынке труда. *С другой стороны*, высшее образование сформировалось как саморегулируемая система, позволяющая при наличии базового уровня высшего образования получать необходимые для профессиональной деятельности знания и, кроме этого, продолжать обучение на протяжении всей экономически активной жизни [6, с. 6], что предполагает постоянное развитие концепции непрерывного образования (*Lifelong Learning, Lifelong Education*). Согласно данной концепции основными принципами системы высшего образования являются: многоуровневость образования, автономность вуза, академическая мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов, гибкий (вариативный) учебный план, свобода выбора образовательной траектории подготовки кадров, синхронность учебного процесса и получение профессиональных навыков на практике. Зарубежный опыт непрерывного образования подтверждает, что вариативный учебный план успешно сочетается с выборностью индивидуальных образовательных траекторий, а это, в свою очередь, активизирует самостоятельную работу обучающихся и усиливает ее роль в подготовке кадров в соответствии с выбранным направлением подготовки. Экономика знаний предъявляет ряд требований к системе двухуровневого образования, к которым относятся: индивидуализация моделей образования; личная ответственность и инициатива обучающихся; развитие универсальных навыков, умений и владений, которые могут быть востребованы в различных сферах профессиональной деятельности; взаимосвязь обучения с требованиями реального сектора экономики.

Концепция развития непрерывного образования во многих европейских странах предполагает проведение реформ стратегического характера, которые направлены на повышение конкурентоспособности компаний и корпораций на международном рынке товаров и услуг, что предполагает постоянное повышение качества и новизны знаний сотрудников.

Можно выделить следующие перспективы стратегического развития системы непрерывного образования в условиях экономики знаний (табл. 1).

Таблица 1

Перспективы развития					
Рост спроса на интеллектуальный персонал	Рост значимости анализа информации, интеллектуального капитала организации	Индивидуальный подход к организации и персоналу	Рост ресурсного потенциала персонала	Индивидуализация и кастомизация персонала	Развитие наукоемкого, интеллектуального труда в условиях глобализации и стратегической неопределенности
Мероприятия: последствия и проблемы					
1. Анализ спроса и предложения на другие категории персонала и выявление тенденций их развития 2. Необходимость решения проблемы возможности перевода персонала, не занятого наукоемким, интеллектуальным трудом, в категорию востребованных интеллектуальных работников через программы обучения и переподготовки	1. Выявление стратегически важных универсальных навыков интеллектуального персонала 2. Определение сочетания общих и специфических навыков интеллектуальных работников и их развитие	Анализ и выявление последствий планирования и финансирования образования каждого работника организации	1. Анализ ресурсного потенциала личности, основных профессиональных способностей 2. Формирование индивидуальной модели стратегического развития персонала, включающей общие профессиональные и специальные требования и мероприятия по развитию профессиональной компетенции	Формирование организационных моделей, решающих проблему индивидуализации и кастомизации обучения персонала	Разработка организационных систем управления интеллектуальным трудом в условиях высокой степени стратегической неопределенности

В условиях экономики знаний обучение превратилось в пожизненный процесс. Персонал на протяжении всей своей профессиональной деятельности неоднократно осваивает новые знания, умения и навыки, что позволяет менять области профессиональной деятельности. В вузы приходят обучаться помимо вчерашних школьников более зрелые специалисты, которые совмещают работу с учебой, получают второй уровень высшего образования (магистратуру). Наличие опыта практической деятельности у обучающихся и потребности в особых условиях получения второго уровня высшего образования обязывают вузы постоянно совершенствовать методы обучения и менять графики учебного процесса. Недостаточно дать студентам определенный объем теоретических и практических знаний, необходимо их обучать поиску и анализу актуальной информации, т. е. самому процессу получения знаний.

Основополагающим принципом непрерывного образования является его опережающий характер. Обучение «через всю жизнь» позволяет обучающимся получить те знания, которые будут востребованы в обозримом будущем [1]–[3].

Рассмотрим *инновационную модель* процесса обучения в системе высшего образования по ряду критериев.

1. По критерию «основная концепция» модель характеризуется как «Образование через всю жизнь» без ограничений в пространстве и во времени, т. е. обучение проводится на протяжении всей профессиональной жизни (*Lifelong Learning*).

2. По критерию «цели образования» модель базируется на целостном развитии индивидуума как личности на протяжении всей его жизни, на повышении возможностей его трудовой и социальной адаптации в быстроменяющемся мире.

3. По критерию «содержание образования» модель ориентирована на опережение развития личных навыков и качеств, необходимых знаний и умений, профессиональных компетенций, карьеры и общества в целом, предполагает преемственность и вариативность общего и профессионального образования. Помимо получения знаний, умений, навыков в содержание входит сам процесс, опыт их практического применения, пути и способы самостоятельного поиска знаний, саморазвития личности.

4. По критерию «методы и формы образования» модель направлена на доминирование продуктивных, активно-творческих методов обучения, предполагает самостоятельную и творческую деятельность проблемно-практического характера. Профессорско-преподавательский состав и работодатели (представители реального сектора экономики) выполняют функции организаторов обучения и модераторов групповых (проектных) работ и используют индивидуальный подход и интерактивные методы работы с обучающимися. Цель инновационной модели обучения состоит в том, чтобы не только дать знания, умения и навыки, но и привить опыт самостоятельного поиска информации, выбора методов анализа и самостоятельного принятия управленческих решений.

5. По критерию «организация учебного процесса» модель построена на принципах регулярной и жесткой системы контроля знаний и синхронизации учебного процесса, предполагает внедрение системы поточного преподавания внутри укрупненной группы, куда входит ряд направлений подготовки. Обучающиеся не перегружены аудиторными занятиями, им предоставлена свобода для самостоятельной работы, которая с методической точки зрения достаточно оптимизирована и поддерживается следующими средствами: круглосуточным доступом к библиотечным ресурсам, компьютерными классами, интернет-ресурсами и др.

6. По критерию «новизна знаний и технологий образовательного процесса» модель ориентирована на приобретение «новых» знаний, не получивших широкую известность и носящих инновационный характер. Образовательные технологии предполагают развитие активных и интерактивных методов обучения. Индикатором эффективности организации учебного процесса выступают приобретенные способности обучающихся генерировать и развивать новые идеи, технологии и продукты.

7. По критерию «основные принципы системы образования» модель построена на принципах: многогранность образования, включающего формальное, неформальное и информальное обучение; нелинейность и индивидуализация модели обучения; непрерыв-

ность обновления получаемых знаний и компетенций индивидуумом «на протяжении всей жизни»; непрерывность роста профессионализма и саморазвития.

8. По критерию «результат обучения» модель выпускает развивающуюся личность, подготовленную к универсальной деятельности, имеющую сформированные познавательные запросы и духовные потребности, способную самостоятельно планировать и реализовывать свои цели.

9. По критерию «модель высшего образования» – это гибкая модель образования обучающихся, предполагающая вариативность выбора дисциплин и траекторий образования.

В настоящее время в российской системе высшего образования прочно заняла свое место двухуровневая модель подготовки кадров, которая сочетает в себе базовый уровень (бакалавриат) и продвинутый уровень (магистратура), позволяющая после получения степени магистра непрерывно повышать свою квалификацию как в сфере академического, так и практического направления.

Второй уровень высшего образования (магистратура) направлен на:

- достижение оптимального сочетания различных форм подготовки кадров;
- приобретение знаний, умений и владений (навыков), опирающихся на соответствующие компетенции с учетом динамичных изменений, происходящих в современной экономике;

- сохранение возможности трудоустройства, профессионального роста и постоянного дохода работника;

- переориентацию менталитета российских граждан с концепции традиционного образования («образование на всю жизнь») на концепцию непрерывного образования («образование через всю жизнь»). Если в советской системе образования диплом о высшем образовании обеспечивал гарантии на всю жизнь, то в условиях быстрого устаревания знаний необходимо переориентировать установки личности на принципы непрерывного наращивания знаний, их постоянное обновление и пополнение;

- усиление связей между работодателями и вузом, где существует возможность повышения квалификации и получения новых знаний, умений и владений (навыков).

Примером трансформации традиционной модели организации учебного процесса в инновационную модель, позволяющую гибко реагировать на возникающие запросы рынка труда и нацеленную на повышение качества подготовки магистров [7], является опыт построения учебного процесса в Институте магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), который прошел с 2007 г. к настоящему моменту три этапа развития в системе подготовки кадров и на данный момент находится на четвертом этапе.

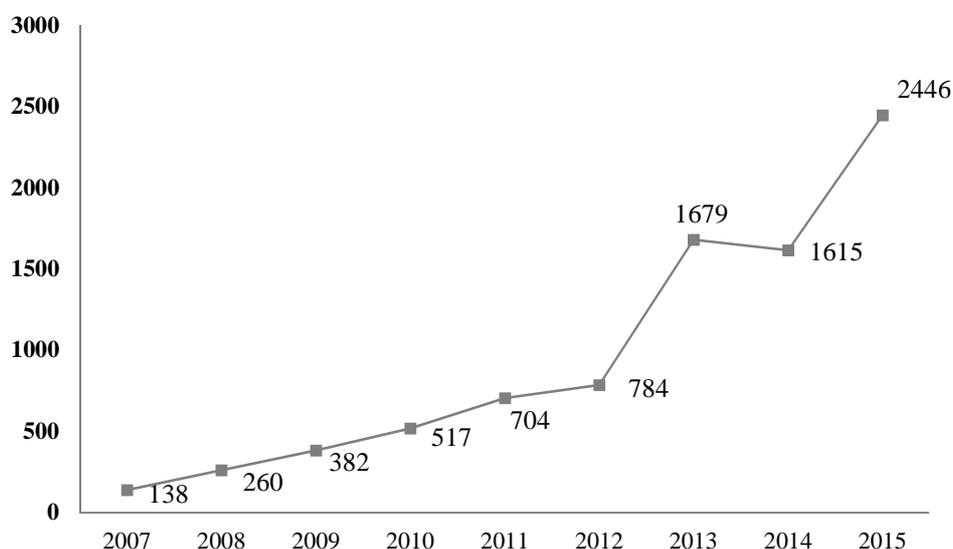
Первый этап ознаменовался началом преобразований в области магистерской подготовки [4], направленных на создание единой самостоятельной централизованной структуры, обеспечивающей реализацию задачи по повышению уровня конкурентоспособности выпускников магистратуры экономического вуза. В основу формирования такого подхода был положен опыт ведущих американских и европейских университетов, магистерские дипломы которых получили широкое признание в международном научном и бизнес-сообществе. Институт магистратуры к концу первого этапа представлял собой единый механизм разработки и реализации стратегических задач по повышению уровня научно-исследовательской и учебной деятельности магистрантов, реализованный путем объеди-

нения усилий ведущих ученых Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. Созданный научно-методический совет Института магистратуры, включивший в себя руководителей крупнейших магистерских программ, взял на себя задачи разработки методических подходов и регламентов, синхронизации учебных графиков, обусловивших повышение качества учебного процесса и научно-исследовательской деятельности магистрантов.

Второй этап развития Института магистратуры связан с объединением в 2012 г. Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов и Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета и образованием Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ). В этот период произошло значительное укрупнение программ направлений «Менеджмент», «Экономика» и «Финансы и кредит», что привело к созданию развитой системы интегрированного обучения магистрантов по программам, позволившим выйти на новый уровень требований, к которым относятся: формирование единых подходов и принципов к открытию новых программ с учетом минимальной численности обучающихся по программе (15 человек); реализация индивидуальной траектории обучения магистрантов, предоставившей магистрантам возможность выбора обучения в различных научных школах объединенного вуза в рамках конкретной программы. Этот период характеризуется изменением организационной структуры Института магистратуры, появлением академических отделений по направлениям: «Менеджмент», «Экономика», по науке и практике, а также созданием учебно-методического и научно-методического отделов, расширением состава ученого совета института.

Третий этап связан с присоединением в 2013 г. к СПбГЭУ Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики и успешным прохождением аккредитации шестидесяти восьми образовательных программ в объединенном Институте магистратуры. В этот период было положено начало процессу синхронизации обучения внутри двадцати одного направления магистерской подготовки, которая в дальнейшем получила свое развитие на межнаправленческом уровне в рамках укрупненной группы.

Все вышеизложенные процессы проходили на фоне непрерывного роста численности обучающихся, динамика которой характеризуется статистическими данными (рис.).

Четвертый этап включает оценку эффективности подготовки кадров. На начало 2015/16 учебного года общая численность обучающихся составила около двух с половиной тысяч человек, которые обучаются по очной и заочной формам обучения по шестидесяти двум магистерским программам в рамках двадцати одного направления. До одной трети от общей численности обучающихся имеют возможность проходить ежегодные стажировки за рубежом.

В настоящий момент происходит дальнейшее поступательное развитие Института магистратуры, обусловленное созданием на его базе специализированной кафедры ПАО «Газпром» и открытием целевых программ, ориентированных на получение профессиональных компетенций по запросам работодателей. Также получила новый импульс деятельность по установлению форм сетевого взаимодействия с вузами Российской Федерации.

Дальнейшее развитие системы магистерской подготовки кадров предполагает целесообразность оценки ее эффективности в контексте концепции непрерывного образования, обновления знаниевого потенциала. В связи с этим *на данном этапе авторами проводится* оценка эффективности подготовки кадров в системе высшего образования, что предполагает проведение экспертной оценки комплексного показателя накопления новых знаний в системе магистерской подготовки в СПбГЭУ на примере укрупненной группы «Экономика и управление» (в которую входят направления: «Экономика», «Менеджмент», «Финансы и кредит», «Торговое дело», «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление») ($P_{\text{компл}}$), для чего используется поэтапная методика оценки сводных показателей «знаниеемкость» (P_1) и «самодостаточность» системы магистерской подготовки [4, с. 29–31]. Оба показателя P_1 и P_2 являются сводными и определяются на основе балльной оценки, их значения варьируют в пределах (0–1,0). Каждый из показателей включает анализ ряда показателей более низкого порядка (частных индикаторов). Все показатели (сводные и частные), используемые в данной статье, являются отнормированными, они приведены в сравнимый и однонаправленный вид, а также изменяются в пределах от 0 до 1,0. Показатели построены таким образом, что чем выше значение каждого из них (т. е. чем ближе к 1,0), тем лучше позиция в системе показателей. И наоборот, чем ближе значение показателя к 0, тем хуже положение показателя.

Для оценки показателя «знаниеемкости» (P_1) измерялись частные показатели, характеризующие потенциалы: интеллектуально-знаниевый; образовательный; инновационный; научный; духовно-культурный; информационно-коммуникационный (в том числе технологический) и социальный ($P_{11} \dots P_{17}$). Для определения сводного показателя самодостаточности образовательной системы (P_2) рассчитывались показатели, характеризующие потенциалы: ресурсный; финансовый; экономический; инвестиционный; организационно-управленческий и кадровый; потенциал безопасности ($P_{21} \dots P_{26}$).

Далее рассчитывался комплексный показатель ($P_{\text{компл}}$) на основе средней арифметической взвешенной по формуле: $P_{\text{компл}} = P_1 N_i + P_2 N_j$, где N_i – коэффициент значимости сводного показателя. В данном расчете экспертами определена одинаковая значимость каждого сводного показателя, которая составляет по 0,5 (в сумме показатель значимости равен 1,0). В результате расчета комплексного показателя накопления новых знаний в системе магистерской подготовки в СПбГЭУ получено значение 0,8. Это значение свидетельствует о достаточно высоком уровне концентрации новых знаний в системе подготовки магистров по направлениям укрупненной группы «Экономика и управление» Институтом магистратуры СПбГЭУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейманкадиева А. Э. Теоретические основы оценки системы непрерывного образования. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2006. 72 с.
2. Сулейманкадиева А. Э. Методологические основы непрерывного образования / под ред. Н. А. Лобанова. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2010. 125 с.
3. Сулейманкадиева А. Э. Непрерывное образование в условиях экономики знаний. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. 244 с.
4. Сулейманкадиева А. Э. Управление непрерывным образованием в условиях экономики знаний: автореф. ... д-ра экон. наук / СПбГЭУ. СПб., 2012.
5. Роль магистерской подготовки кадров в условиях экономики знаний / Т. Г. Тумарова, И. И. Добросердова, А. Э. Сулейманкадиева, Н. М. Фомичева // сб. ст. победителей конкурса «Нефтегазовый комплекс: экономика, политика, экология». СПб., 23 апр. 2015 г. С. 9–24.
6. Гладких Б. А. Может ли Болонский процесс стимулировать повышение качества и эффективности образования в российском вузе? // Экономика образования. 2007. № 6 (43). С. 5–15.
7. Закон РФ «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://ipipip.ru/zakon-ob-obrazovanii-2/> (дата обращения: 28.02.2016).

T. G. Tumarova, I. I. Dobroserdova, N. M. Fomicheva
Saint Petersburg State University of Economics

A. E. Suleymankadieva
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

EVALUATION OF THE MASTER PROGRAMME EDUCATION EFFECTIVENESS IN THE LIFELONG EDUCATION SYSTEM IN THE KNOWLEDGE ECONOMIC CONDITIONS

The article assesses the master program education effectiveness in the Lifelong Education System in the conditions of the knowledge economy on the example of the master program institute of Saint-Petersburg State University of Economics and the prospects for its strategic development.

Lifelong education, innovative model of the educational process, the strategic development of lifelong education system, knowledge economy, «knowledgeness», «self-sufficiency»

УДК 3.30.303

О. И. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИОЛОГ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ СОЦИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Характеризуется роль социологов в междисциплинарных исследованиях. Предлагается система основных принципов методологической организации междисциплинарных исследований, рассматриваются возможные роли социолога в коллективном междисциплинарном научном поиске и основные формы реализации междисциплинарных исследований, обосновывается необходимость различения потенциала междисциплинарного изучения объекта и реально достигаемого уровня междисциплинарности исследования.

Междисциплинарные исследования, принципы методологической организации междисциплинарных исследований, формы реализации междисциплинарных исследований, потенциал междисциплинарного изучения объекта, реально достигаемый уровень междисциплинарности исследования

Совсем недавно известный американский социолог Нейл Смелсер прогресс в развитии социологии связывал с использованием сравнительного подхода, интернализацией социологии и междисциплинарностью [1].

Как известно, междисциплинарные исследования начали проводить во второй половине XX в., но до сих пор они не стали обычной, рядовой формой организации коллективной работы обществоведов. И это неудивительно. Ведь междисциплинарные исследования во многом отличаются от монодисциплинарных и требуют использования определенной совокупности специальных принципов, использования специфических подходов и особой методологической и социальной организации. Однако пока даже сам феномен междисциплинарности среди ученых трактуется по-разному [2]. Как отмечает В. Н. Порус, «...философская рефлексия над этим явлением запаздывает. Рассуждения ограничиваются констатацией общеизвестного: взаимодействие различных наук уже не раз приводило и приведет в будущем к важным результатам, среди которых – возникновение новых научных дисциплин (физическая химия, астрофизика, космобиология, психолингвистика, социальная психология и т. п.). Или общими декларациями: междисциплинарность требует особых форм организации науки, методов планирования научных исследований, подходов к финансированию науки, она – признак синтеза научных знаний в наше время, путь к новой, более полной и цельной научной картине мира и в то же время – к науке „без барьеров“, к науке XXI в.» [3, с. 6].

Каждое междисциплинарное исследование требует решения большого числа методологических, теоретических, организационных и других проблем. И далеко не все ученые, включая обществоведов, готовы вступить на этот путь.

Необходимость сознательной организации междисциплинарных исследований обусловлена по крайней мере тремя факторами. Во-первых, достаточной сложностью (и в психологическом плане – непривычностью) их предметной области. Во-вторых, необходимостью объединять и согласовывать идеи, понятия, факты, существовавшие ранее относительно независимо друг от друга. В-третьих, необходимостью формировать новые проблемные сообщества из ученых, имеющих различные научные биографии, стили мышления, разные представления о критериях научности и т. п. В. Е. Кемеров отмечал, что когда речь заходит «о влиянии общественных наук друг на друга, – тут возникает тема существенных различий: цена вопроса – научный, институциональный, методологический суверенитет, которым никто поступаться не хочет» [4, с. 5]. А при взаимодействии социологов с представителями естественных наук все упомянутые проблемы могут значительно обостряться.

Главные особенности новой научной практики, которые признаются многими современными исследователями, это:

- 1) установка на взаимодействие между разными научными дисциплинами и представителями этих дисциплин;
- 2) стремление к объединению, сочетанию, интеграции, синтезу дисциплинарных методов, представлений, идей, теорий.

Однако констатация самого по себе факта взаимодействия научных дисциплин, областей знания в ходе научного исследования еще ничего не говорит о его методологических ориентациях.

Полагаем, что все виды междисциплинарных исследований должны опираться на ряд методологических принципов, которые и придают специфику данным видам исследований. До сих пор в научной литературе не была проведена четкая формулировка и систематизация указанных принципов.

Для начала сформулируем эти принципы в общем плане:

- 1) определение основной методологической базы конкретного междисциплинарного исследования (выбор онтологических представлений об объекте изучения и научных подходов, методов из уже имеющихся; их модификация, адаптация к конкретным познавательным задачам; обоснование и создание новых подходов, методов);
- 2) определение логики междисциплинарного научного поиска и подчинение этой логике дисциплинарных исследований;
- 3) определение исходной, минимально необходимой, совокупности дисциплинарных знаний, которые можно использовать в качестве базы для построения междисциплинарных представлений об объекте исследования и для определения междисциплинарных познавательных задач. Для краткости этот принцип будем называть принципом реорганизации релевантных знаний;
- 4) сочетание текстуальных и нетекстуальных форм отображения объекта междисциплинарного исследования;
- 5) выработка междисциплинарных представлений об объекте изучения;
- 6) построение единого для всех участников сложноорганизованного междисциплинарного предмета исследования;
- 7) определение единых для междисциплинарного коллектива целей исследования и определение дисциплинарных задач;
- 8) определение базовой дисциплины и (или) порядка ее смены в ходе исследования;

9) контроль междисциплинарных связей и методологический самоконтроль за совместимостью идей и результатов;

10) определение, выбор, создание «метаязыка» или «гибридного» языка, которые обеспечивали бы взаимопонимание и сотрудничество разных специалистов;

11) поиск, выбор, создание концептуальной схемы, которая могла бы объединить уже существующие знания об объекте изучения и которая могла бы стать базой для синтеза, интеграции новых знаний;

12) совмещение дисциплинарных знаний, а также новых дисциплинарных и междисциплинарных научных результатов;

13) сопоставление в случае необходимости научных знаний об объекте изучения с вненаучными знаниями о нем;

14) добровольность участия специалистов в междисциплинарном исследовании.

Теперь рассмотрим более подробно содержание важнейших из сформулированных принципов.

Первый из выделенных нами принципов (определение основной методологической базы исследования) по существу и определяет специфику того или иного междисциплинарного исследования, его познавательные ориентации, его устремленность к тем или иным онтологическим представлениям об изучаемом объекте. В качестве методологических основ междисциплинарных исследований могут выступать: системный подход, структурно-функциональный анализ, комплексный подход, теория информации, идеи кибернетики, синергетики и т. п.

Очевидно, что логика междисциплинарного исследования не может и не должна устранить логику исследований дисциплинарных. В общеметодологическом плане речь должна идти о сочетании логики междисциплинарного и дисциплинарного исследований. При этом в рамках всякого междисциплинарного исследования *приоритет должен принадлежать его собственной логике*. Логика же дисциплинарных исследований, сохраняя свою автономию, вынуждена в этих условиях подчиняться общей логике междисциплинарного исследования. Только при строгом соблюдении последней всеми участниками можно реализовать стоящие перед исследованием задачи.

Для междисциплинарного исследования одного дисциплинарного видения объекта недостаточно. В этом исследовании должно быть целеустремленно построено его *междисциплинарное видение*. Последнее достигается не с помощью простого выделения в объекте граней, сторон и формирования на их основе предметов отдельных дисциплин, а с помощью развития таких представлений о строении, развитии, свойствах объекта, которые с самого начала учитывают многообразие имеющихся знаний о нем, многообразие путей его изучения, короче говоря, известное и потенциальное многообразие межпредметных связей относительно одного и того же объекта действительности, круга явлений, совокупности проблем. Достижение междисциплинарного видения объекта обеспечивается на основе *реорганизации релевантных знаний*, т. е. тех знаний, которые имеют дисциплинарное происхождение и отражают отдельные стороны объекта изучения.

Принципиальная особенность междисциплинарного исследования проявляется, в частности, в том, что расстановка сил и распределение познавательных задач между участвующими в данном исследовании дисциплинами происходят на основе единого исходного представления об объекте. Другими словами, **теперь уже объект со всеми при-**

сущими ему внутренними и внешними связями, его объективное строение (конечно, в том виде, в каком оно получило отражение в его научной модели) определяет структуру исследования, а не только интересы представителей различных наук.

Как правило, междисциплинарное изучение того или иного объекта возможно лишь тогда, когда о нем уже получено некое знание, позволяющее сформулировать гипотезы относительно его внутренних и внешних связей.

Это могут быть знания как теоретические, так и эмпирические, дисциплинарные и междисциплинарные, они могут относиться как к объекту изучения, так и к способам его исследования. Такие знания служат основой, на которой можно построить предположения о строении и законах развития того или иного явления, о путях его изучения. Это естественный исходный пункт выработки исследовательской стратегии и теоретической концепции объекта исследования. Обычные исследования подчас вообще не нуждаются в перестройке знаний, в их реорганизации, упорядочении. Для междисциплинарного исследования такая процедура жизненно необходима. Именно поэтому успех этих исследований во многом зависит от подготовительного периода научной работы, в процессе которого, в частности, необходимо так реорганизовать накопленное знание, чтобы оно использовалось в новой форме.

Работа с уже имеющимися знаниями об объекте изучения и способах его отображения – вполне самостоятельная сфера научного анализа. Это еще не само междисциплинарное исследование, а его подготовка. Данный этап работы должен завершиться получением, по крайней мере, трех типов знания:

- 1) характеристика и оценка современного состояния знаний об объекте изучения;
- 2) знания о методах и средствах познания, использовавшихся ранее, и предложения по вовлечению в исследование новых методов и приемов научной работы;
- 3) знания о законах деятельности и поведении исследователей в ходе организации и проведения междисциплинарного научного поиска и доведение их до всех участников данного исследования.

Трансформация готового знания, адаптация его к новым познавательным условиям и задачам – одна из характерных особенностей междисциплинарных исследований. Из общей суммы имеющихся знаний *необходимо актуализировать лишь знания, релевантные поставленным научным задачам*. Сама процедура актуализации старых знаний носит довольно сложный характер. В ее состав входят такие операции, как отбор релевантных знаний, оценка их состояния, их трансформация, придание им рабочей направленности в новых условиях, наконец, их эксплуатация при решении современных научных проблем. Как видно, процедура актуализации старых знаний предполагает наличие у исследователя многих качеств: он должен довольно хорошо представлять современное состояние проблемы, уровень изученности, быть способным обзреть наличный запас знания, вычленив из него те элементы, которые могли бы работать на новые проблемы, заставить их работать и т. д. и т. п.

При осуществлении реорганизации релевантных знаний полезно использовать различные способы нетекстуального изображения. *Сочетание текстуальных и нетекстуальных форм отображения объекта* может оказаться очень полезным инструментом при организации междисциплинарных исследований с участием представителей естественных и социальных наук. Как известно, в социальных и гуманитарных науках преобладают текстуальные формы, а в естественных науках этими формами не ограничиваются, а стремятся к использованию нетекстуальных форм отображения объекта. Отсутствие у обществоведов навыков использования последних часто затрудняет взаимопонимание различных специалистов.

В ходе реорганизации релевантных знаний создаются единые и приемлемые для всех участников междисциплинарные представления об объекте изучения (эти представления могут иметь разные формы: наглядный образ, блок-схема, модель, теоретическая схема, развитая теория). Исходное же представление можно получить, лишь опираясь на всю совокупность данных разных наук об объекте изучения. В основе построения исходного представления должен быть концептуальный аппарат той науки, которая отображает высшие уровни развития объекта, его существенные, глубинные связи и отношения, которая описывает главные факторы его поведения.

Именно развитое исходное представление может служить действительной основой построения *единого сложноорганизованного междисциплинарного предмета исследования* – следующий важнейший принцип междисциплинарности. Предмет междисциплинарного исследования – это не простая сумма выделенных отдельными научными дисциплинами сторон, это новая их организация под специфическим углом зрения, с позиции развитых исходных представлений об *объекте*. В междисциплинарном исследовании возможно появление таких предметов, которых ранее наука и не знала, и не создавала, и для изучения которых необходимо развить новые области знания.

Таким образом, исходное представление об объекте исследования – это и основа распределения познавательных задач между различными дисциплинами, и основа синтеза полученных ими результатов. В то же время ясно, что исходное представление будет выверяться, уточняться, развиваться. И хотя это представление может быть очень нестрогим, оно все равно будет выполнять функции той основы, на которой взаимодействуют науки, участвующие в данном исследовании.

Но главное средство обеспечения единства познавательного процесса – выработка его *единого идейного замысла*.

Именно единый идейный замысел исследования может обеспечить единство познавательного процесса и единообразное понимание существа проблемы всеми участниками. Единство идейного замысла – та основа, на которой только и можно преодолеть центробежные силы, таящиеся во всяком междисциплинарном исследовании. Если в таком исследовании не обеспечено согласие в понимании сущности проблемы, если нет уверенности в правильности и потенциальной эффективности идейного замысла исследования, никакие организационно-административные меры не смогут сплотить междисциплинарный научный коллектив, направить деятельность разных специалистов в одно русло, придать исследованию организованный и интегрированный характер. И напротив, если идейный замысел исследования воспринимается как перспективный и в сущности правильный, ученые сами тянутся к нему; в этом случае не требуется никаких чрезвычайных административных мероприятий. *Специфика идейного замысла междисциплинарных исследований состоит, в частности, в том, что его реализация предусматривает постановку специфических задач перед представителями разных областей научного знания.*

Достижение согласия между всеми участниками исследования в интерпретации основных компонентов познавательного процесса нельзя рассматривать как некий единовременный акт. Единство познавательного процесса не исключает противоречий, дискуссий, творческого диалога. Особенно это касается этапа выработки единого идейного замысла исследования. Но и в процессе его реализации возможны изменения и уточнения основного содержания исходных посылок, гипотез, целей и познавательных задач исследования. Все эти и другие

изменения в содержании идейного замысла могут происходить под воздействием разных обстоятельств, в том числе и тех, которые определяются ролью различных областей научного знания в ходе осуществления познавательного процесса.

Принципиально важно здесь, чтобы указанные изменения строго контролировались методологическим самосознанием исследователей. Принципы *методологического контроля междисциплинарных связей и самоконтроля за совместимостью идей и результатов* имеют первостепенное значение в организации междисциплинарных исследований. Реализация этих принципов позволяет рассматривать все частные задачи исследования в рамках единого целого, единого идейного замысла исследования, сохранять его, совершенствовать и развивать.

Реализация принципа многосторонности познания требует направленного изучения выделенных сторон, как в отдельности, так и в их взаимосвязи, силами и средствами различных научных дисциплин. Стало быть, речь должна идти о *целенаправленном формировании комплекса наук*, участвующих в междисциплинарном исследовании, и о постановке перед ними специфических задач, исходя из единых исходных представлений и в соответствии со сложноорганизованным предметом исследования. Вопрос о формировании такого рода комплексов и осуществлении соответствующих междисциплинарных исследований является актуальной задачей развития современных научных знаний. Одной из важнейших предпосылок ее решения может быть инвентаризация знаний, накопленных наукой о предполагаемом объекте изучения. Цель подобной инвентаризации – подготовка информации как о состоянии, так и о перспективах изучения данного объекта в науке, ознакомление широкой научной общественности с этой информацией. В ходе осуществления инвентаризации там, где возможно, подготавливается прогноз и о новых научных направлениях, которые следует развивать применительно к предполагаемому объекту изучения. В случаях, когда организуются крупномасштабные программы – стационары, процедура инвентаризации знаний может быть осуществлена в достаточно сложных и строгих формах, одной из которых выступает классификация наук и научных направлений, издание энциклопедий и справочников.

Проведенная инвентаризация знаний позволяет приступить к осуществлению методологической работы по формированию и подготовке как каждой науки, так и их групп к участию в конкретном исследовании. Процесс этот включает детальный анализ состояния и уровня развития соответствующих научных дисциплин. Выясняется, в частности, возможный вклад каждой из дисциплин в междисциплинарное изучение объекта, устанавливаются необходимые изменения, которые следует внести в теоретико-методологический и методический арсенал каждой дисциплины, и т. д. и т. п. Намечаются схемы взаимодействия представителей этих дисциплин в ходе междисциплинарного исследования, выдвигаются взаимные требования и обязательства.

Как отмечалось, работа по формированию специальной группы наук, участвующих в данном исследовании, может включать в себя определение базовой дисциплины (или нескольких базовых дисциплин). Практика научных исследований дает разные примеры решения этого вопроса. В одних случаях он решается довольно просто, в других разгораются споры, складываются различные точки зрения.

Видимо, в каждом конкретном случае в основу междисциплинарного исследования должна быть положена та дисциплина (принцип базовой дисциплины), которая уже содержит (или должна развить) теорию, способную дать обобщенное представление, теоре-

тическую схему, модель объекта и в то же время синтезировать результаты смежных наук. Это может быть дисциплина, которая объясняет высшие уровни организации объекта, вскрывает существенные связи, определяющие его развитие, выявляет главные детерминанты его поведения.

Роли представителей разных научных дисциплин в ходе проведения междисциплинарного исследования могут меняться. Например, в одном случае социолог может быть идейным лидером исследования и его главным организатором, а в другом он выступает уже в роли «ответственного» исполнителя или «рядового» участника, а где-то он эксперт или консультант.

Понятийный аппарат базовой дисциплины может быть положен в основу формирования «*метаязыка*» или «*гибридного*» языка всего междисциплинарного коллектива. Создание таких языков является одной из сложнейших задач. Но без ее более или менее удовлетворительного решения плодотворное сотрудничество разных специалистов невозможно.

В самом общем виде под организацией междисциплинарных исследований мы будем понимать деятельность, обеспечивающую все необходимые условия, которые дают возможность междисциплинарным научным коллективам осуществить эффективный научный поиск. Эту деятельность мы называем комплексированием, имея в виду индивидуальную и (или) коллективную работу, позволяющую согласовывать цели, средства, действия, результаты работы разных специалистов в соответствии с единым замыслом исследования, получившим развитие в его единой программе. Цель комплексирования, в частности, – создать условия, при которых каждый участник исследования сможет наиболее полно проявить свой научный потенциал.

Субъектом организации междисциплинарного исследования может выступать как весь коллектив, так и его непосредственный руководитель. В том случае, когда субъектом является коллектив, имеет место самоорганизация. Когда же в этой роли выступает руководитель исследования, мы говорим об организации.

Объектом организации междисциплинарных исследований в самом общем виде являются отношения людей и идей. В первом случае (отношения людей) речь идет о социальной организации исследования, во втором (отношения идей) – о его методологической организации.

Под социальной организацией исследования имеется в виду совокупность вопросов, связанных с задачей создания всех необходимых условий (финансовых, материально-технических, информационных, кадровых и т. п.) для обеспечения эффективного взаимодействия участников научного поиска. Само взаимодействие в его разных формах также включается в этот вид организации.

Методологическая организация исследования призвана обеспечить единые содержательно-научные основания, позволяющие участникам исследования реализовать познавательные задачи и получить согласованные и взаимосвязанные результаты.

Особо следует рассмотреть вопрос о соотношении методологической и социальной организации. Здесь возможно, по крайней мере, возникновение трех ситуаций. В первой методологическая организация во всех своих главных моментах предшествует социальной. Это случай, когда программа исследования разрабатывается одним ученым или несколькими представителями разных научных дисциплин до начала самого исследования. Такое положение характерно для начала разработки новых научных направлений. Здесь центральный вопрос – обеспечение адекватной методологической социальной организации.

Во втором случае междисциплинарное исследование начинается с социальной организации. Тогда на первый план выходит задача его методологической организации в соответствии с проведенной социальной организацией. Этот случай потенциально может порождать для руководителя и участников исследования немало проблем. Возможны ситуации, когда условия и элементы социальной организации могут оказывать весьма сильное влияние на ход методологической организации исследования.

Например, квалификация и научные интересы кадров во многом будут определять движение в области методологической организации (подходы к объекту, его описание, формулировка гипотез и т. п.); дефицит первоклассных приборов и оборудования скажется на темпах и уровне проведения экспериментов и т. п. Эти и подобные трудности требуют от всех участников особых навыков в преодолении возникающих проблем. Наконец, возможна и ситуация, когда оба вида организации проводятся одновременно.

С точки зрения логики научного исследования, оптимальным является случай, когда в основе междисциплинарного исследования лежит методологическая организация, она и предшествует социальной. Последняя призвана создать все необходимые условия для реализации того замысла исследования, который возник в ходе его методологической организации.

Конечно, для подготовки к участию в междисциплинарных исследованиях желательно знать особенности их методологической и социальной организации, а также познакомиться с практиками уже осуществленных исследований. Анализ таких практик дает много полезной информации, в том числе позволяет избежать повторения ошибок, успешнее преодолеть возникающие проблемы.

Как уже упоминалось, междисциплинарные исследования стали активно проводить в последние десятилетия прошлого века. В западных странах тренд к этим исследованиям был вызван, прежде всего, запросами общественной практики.

Международный банк реконструкции и развития (МБРР), ООН, ЮНЕСКО с 80-х и особенно интенсивно с 90-х годов прошлого века инициировали многочисленные междисциплинарные исследования по общественно значимой тематике (охрана окружающей среды, экономическое и социальное развитие, нищета и бедность системы образования, развитие человека и др.). Некоторые из этих исследований описаны в «Международном журнале социальных наук». Так, например, Майкл М. Серни, старший советник по социологии и социальной политике МБРР, в 1984–1986 гг. провел исследование политики массового переселения при осуществлении проектов, финансируемых МБРР. Взаимодействие социологов с антропологами, агрономами, инженерами, экономистами, юристами позволило усовершенствовать политику переселения людей в разных регионах мира [5].

Но в основе междисциплинарных исследований лежат не только запросы общественной практики. Такие исследования проводят и в целях развития научного знания. Среди конкретных практик междисциплинарных исследований в интересах развития науки называют: культурные исследования «cultural studies» в Бирмингемском университете под руководством Ричарда Хогарта, исследования города «urban studies», аграрные исследования «rural studies», транснациональные исследования («transnational studies»). Следует, однако, заметить, что серьезный науковедческий анализ таких исследований пока не был проведен, а имеющиеся публикации на эту тему фрагментарны.

Обычно в каждом конкретном случае при взаимодействии представителей разных научных дисциплин междисциплинарность исследований трактуется по-разному. В рамках

статьи, конечно, нельзя провести развернутый анализ особенностей даже одного конкретного исследования, особенно если оно проводилось в течение длительного времени и эмпирические данные в нем собирали разные специалисты. Обратимся к рассмотрению междисциплинарного исследования советской деревни под руководством Т. И. Заславской (по существу, это исследование можно отнести к классу аграрных исследований «rural studies»).

С 1972 г. работа исследователей протекала в рамках проекта «Перспективы социально-экономического развития деревни (на примере Сибири)». Эта группа ученых начала свою работу с изучения причин миграции сельского населения в города. На первом этапе исследование носило в основном ярко выраженный социологический характер, использованные в нем методы и понятия по преимуществу тяготели к социологии, по многим показателям данное исследование было монодисциплинарным. После нескольких лет работы ученые пришли к выводу, что регулирование процесса миграции сельских жителей в города требует разработки общей программы социально-экономического развития деревни. В свою очередь научное обоснование и разработка комплексной программы социального развития деревни потребовали междисциплинарного изучения этого объекта.

Таким образом, глубокое изучение одной проблемы (миграции сельских жителей в города) привело ученых к выводу о необходимости переориентации своего исследования, о придании ему более широкого характера как в плане расширения предмета изучения, так и в плане обогащения его большим числом методов, подключения к исследованию различных специалистов. Изменился и характер познавательных задач, решаемых на новом этапе работы.

В качестве методологической основы по сути уже другого исследования, находящегося, однако, в преемственной связи с предыдущим этапом работы, Заславская выбрала системный подход [6]. Своеобразие исследования проявляется в том, что в него были включены все основные сферы жизнедеятельности сельского населения и прослежена взаимосвязь между ними, в том, что оно носит междисциплинарный характер, что его инструментарий – комплексный, наконец, в том, что оно велось по одной (частично изменяемой в ходе работы) программе, при выполнении которой разные специалисты были вынуждены согласовывать и увязывать в единую схему свои задачи, методы и результаты.

Важной особенностью программы Заславской является постепенная эволюция за счет расширения как поля исследования, так и системы познавательных задач. Следует, однако, отметить, что расширение исследования по предмету, методам, задачам и научным коллективам происходило организовано и методологически осознанно. Идеино-теоретический центр исследования постоянно и тщательно следил за его объективной логикой, на ходу осмысливал ее в терминах теоретико-методологической рефлексии, дополнял ее определенными организационными усилиями. Таким образом, программа Заславской (в смысле тех возможностей, которые были в нее заложены изначально) претерпела существенную эволюцию. За счет адаптации к текущим практическим и познавательным потребностям произошло ее расширение, что привело к новым содержательным вариантам постановки проблемы и обоснованию новых путей ее изучения. Ученые от многоаспектного изучения сельского образа жизни перешли к разработке долгосрочного прогноза развития советской деревни. В результате проведенных исследований разные специалисты (демографы, историки, экономисты, юристы, социологи и др.) получили много эмпирических данных, которые в совокупности создали научную картину сибирской деревни семидесятых–восемидесятых годов прошлого века.

В заключение стоит подчеркнуть, что каждое конкретное междисциплинарное исследование – это многостороннее, а не всестороннее исследование. Возможности всестороннего

изучения объекта всякий раз ограничиваются числом участников исследования, числом отраслей научного знания, вовлеченных в познавательный процесс, типом практических и научных задач, которые в данном исследовании решаются. Правомерно в этом плане говорить не только об уровне междисциплинарности конкретного исследования, но и о потенциале междисциплинарного изучения того или иного объекта. **Далеко не всякое междисциплинарное исследование способно в полном объеме и на необходимом уровне реализовать потенциал междисциплинарного изучения объекта.** Причинами этого могут явиться ограниченность ресурсов и квалификация кадров, социальный заказ и сроки проведения исследования и т. п.

Потенциал междисциплинарного изучения объекта и реально достигаемый уровень междисциплинарности исследования, как правило, не совпадают, и стремиться к такому совпадению можно лишь в том случае, когда созданы все необходимые предпосылки для достижения максимально возможного на данном этапе уровня междисциплинарности исследования, который идентичен потенциалу междисциплинарности.

Наконец, последнее замечание. Если говорить об участии социологов в будущих междисциплинарных исследованиях, особенно во взаимодействии с представителями естественных наук, то здесь важнейшей предпосылкой коллективного научного поиска станет достижение согласия в выборе и определении объектов и (или) научных проблем, которые можно было бы изучить на междисциплинарной основе. Далее определяется круг научных дисциплин, которые необходимо вовлечь в междисциплинарное изучение конкретного объекта или конкретной научной проблемы.

Следующий шаг – установление степени изученности конкретного объекта или конкретной научной проблемы каждой из вовлекаемых в междисциплинарный научный поиск дисциплин. Эту задачу лучше всех решит конкретный представитель соответствующей научной дисциплины. В результате социолог или междисциплинарная группа будет иметь карту уже полученных научных знаний о конкретном объекте или конкретной научной проблеме. Анализ этой карты и позволит выявить лакуны, или белые пятна, в имеющихся научных знаниях и далее поставить новые исследовательские монодисциплинарные и междисциплинарные задачи. В результате такой работы может быть установлен потенциал планируемого междисциплинарного изучения выбранного объекта и уровень междисциплинарности исследования, которого реально можно достигнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Neil J. Smelser. On Comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internalisation in Sociology // *International Sociology*. 2003. Vol. 18, № 4. P. 643–657.
2. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.
3. Порус В. Н. «Междисциплинарность» как тема философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. XXXVIII, № 4. С. 5–13.
4. Кемеров В. Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // *Человек*. 2011. № 1. С. 5–19.
5. Майкл М. Серни. Социальная интеграция и перемещение населения: вклад социальных наук // *Междунар. журн. социальных наук*. 1995. № 10. С. 111–138.
6. Заславская Т. И. К методологии системного изучения деревни // *Социологические исследования*. 1975. № 3. С. 25–38.

O. I. Ivanov

St. Petersburg State University

A SOCIOLOGIST IN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Situation with a role of sociologists in interdisciplinary researches is characterized in the article. The author offers a system of basic principles of methodological organization of interdisciplinary researches, considers possible roles of a sociologist in collective interdisciplinary scientific search and the main forms of realization of interdisciplinary researches. The author suggests to distinguish the potential of interdisciplinary object study and really achieved level of interdisciplinarity of research.

Interdisciplinary researches, principles of methodological organization of interdisciplinary researches, forms of realization of interdisciplinary researches, potential of interdisciplinary study of an object, really achieved level of interdisciplinarity of research

УДК 316.32

В. И. Игнатъев

Новосибирский государственный технический университет

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-КВАНТОВОМ РЕЗОНАНСЕ

Анализируется связь между социальными трансформациями и ростом информационных потоков. Вскрыт и проанализирован эффект информационного резонанса. Выявлены основания информационной онтологии современного общества. Вскрывается и анализируется механизм мутации социального действия. Обосновывается утверждение, что информационный взрыв подвергает разрушению системный характер социального. Структуры повседневности погружают индивидов в пространство сконструированных альтернатив социальной действительности. Утверждается, что «индивидуализированное» общество становится реальностью и приобретает облик «квантифицированной социальной реальности». Рассматривается возможность применения в социальной теории парадигмы квантового подхода в версии «относительности состояний» Х. Эверетта. «Теневые частицы» социального действия интерпретируются как скрытые смысловые коннотации.

Информационный резонанс, индивидуализация, социальная реальность, виртуальное социальное действие, квантовый эффект, теневые частицы, параллельные вселенные

Проблема. Причина, побудившая меня изложить свой взгляд на роль информации в современном мире, – это предчувствие новой революции в социальной теории. Вероятно, объяснительный потенциал возникших за последние полвека фундаментальных социальных теорий в значительной степени исчерпан. Заслуга Т. Парсонса, А. Турена, Д. Белла, У. Бекка, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана, З. Баумана, И. Валлерстайна и других выдающихся мыслителей состоит в построении общей социологической модели позднеиндустриального общества. Однако переход общества на стадию постиндустриального, информационного общества предполагает формулирование новой парадигмы. Начало ее поиска, но только начало, нашло отражение в работах представителей социологии и философии постмодернити, прежде всего, у Ж. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Б. Латура, Ж. Делеза, Ф. Гваттари. Однако концептуальный прорыв, на мой взгляд, связан, прежде всего, с появ-

лением трудов М. Кастельса и С. Лэша, в которых впервые была зафиксирована перспектива переосмысления роли информации в перестройке самого основания социума, а не его отдельных частей [1, с. 36–40], [2, с. 2, 4, 15].

Новая парадигма имеет не только гносеологические и методологические, но и онтологические основания. Вероятно, прежде всего, онтологические, поскольку существующая гносеологическая позиция, исследовательский угол зрения «сопротивляются», держась «корнями» за сложившуюся в течение десятилетий социальную онтологию. Полагаю, что это онтология уже уходящего общества. По моему мнению, именно превращение информации в субстанцию социума требует пересмотра онтологических оснований теории общества современного типа. Накопившийся в феноменологических исследованиях современности материал и некоторые прорывы в социальной теории последних лет дают основание для такой постановки вопроса.

Складывается впечатление, что дальнейшее проникновение вглубь социальной материи «буксует». В науке сохраняется иллюзия, что основное, фундаментальное в содержании и устройстве социума уже известно. Остается лишь продолжать изучение многообразия существующих и возникающих его форм. Но при этом социальные теории испытывают затруднения в объяснении глубинных причин ряда явлений и процессов, происходящих в современном обществе. Эта растерянность и стала, в частности, причиной появления социологии постмодернити, возникновения концепций постиндустриализма. На мой взгляд, пришло время уточнить некоторые теоретические картины основ социального, точнее, то, что с ними произошло в последнее время.

Эмпирическая социология давно дает обширный материал, но его зачастую либо не принимают во внимание, либо не находят релевантных концептуальных моделей. А ведь хорошо изученные «пласты» социального организма уже перестраивают свою конфигурацию. Происходит своеобразный сдвиг «тектонических плит», на которых базируется социальная жизнь. В массовом поведении и мотивациях индивидов меняются местами материальное и идеальное. Все виды артефактов стремительно уступают место одному – миру символическому, как исключительно искусственному и сконструированному воображением. Искусственное все более подчиняет себе естественное, превращаясь из функции уходящего социума в субстрат новой социальной субстанции. И такой доминирующей субстанцией социального становится информация.

В статье предлагаются к обсуждению некоторые исходные положения онтологии нового типа общества – информационной онтологии.

Концепт информационного резонанса как перспектива новой социальной онтологии. Вызванный ростом техники и нового знания информационный взрыв открыл для информации путь – начать ее новую историю в истории цивилизаций, вторгаясь во все ткани социального. Знаково-символические и смысловые миры вошли в устойчивый резонанс с предметно-вещественным миром, провоцируя экспоненциальный рост информации. Под воздействием информационного резонанса трансформируются все элементы социальной системы. Резонанс затронул базовую «клетку» строения социальной системы: социальное действие и взаимодействие. Ее мутация меняет местами первичное и вторичное в целях и мотивах действующих индивидов, перестраивая механизм воспроизводства социального порядка. Парадокс, но система стала превращаться в «не-систему», сохраняя свойства социального. Во плоти как феномен явилась абстракция Н. Лумана: «общество

есть коммуникации», оставаясь при этом абстракцией, над которой возвышается реальность тотального господства его содержания – информации.

Я предлагаю взглянуть на процессы информатизации как на резонансные процессы, а социальные изменения интерпретировать как следствие информационного резонанса. Резонанс есть явление резкого возрастания амплитуды вынужденных колебаний, которые наступают при приближении частоты внешнего воздействия к резонансным частотам. Суть феномена резонанса состоит в том, что при некоторых частотах возрастающей силы колебательная система оказывается особенно отзывчивой [3]. Резонанс и синергия – синонимы. Резонанс возникает при определенном типе взаимодействия, когда эффективность совокупной деятельности взаимодействующих объектов или субъектов оказывается выше, чем эффективность действия каждого из них [4, с. 16]. Резонансное взаимодействие приводит к отбору и усилению параметров, соответствующих волновым частотам, длинам волн и размерам структур, которые являются близкими для резонансно взаимодействующих объектов. Что свидетельствует о присутствии резонансных явлений в социальной системе?

Социальные взаимодействия, которые лежат в основе существования социальной системы, вызывают колебания во всех элементах социальной структуры: в социальном действии, нормах, институтах. Колебания происходят при исполнении социальных ролей (девиации и аномия). Неустойчивы и колеблются статусные позиции индивидов и общностей, воспроизводя процесс вертикальной и горизонтальной социальной мобильности. В результате возрастания частоты и синхронности этих колебаний в структурах возникает резонанс, который не только их усиливает, но и приводит к изменению и разрушению. Не может не меняться и социальная система в целом. Поэтому учет фактора колебаний необходим для объяснения процессов функционирования и изменения в социальной системе. На мой взгляд, важнейшим фактором возникновения колебаний является рост интенсивности информационных потоков. Резонанс рождается как в самих информационных потоках, так и в социальных структурах, поскольку информация есть посредник в социальных взаимодействиях.

Информационные потоки, информационный взрыв – это своеобразный «котел», в котором с конца XX в. кипит и извергается вулкан нового субстрата, несущего новую субстанцию. Социум все более становится проектом, а не естественно живущим «организмом», индивиды превращаются из духовно-телесной основы социальной жизни в объекты и продукты проектирования. Жить в современном обществе теперь нельзя иначе как участвуя в освоении потоков сведений. Сведения не дают выбора, они диктуют свои правила: конструируй новое, производи только новое, подчиняйся искушению информацией. Сам стань – телом и сознанием – воплощением безграничных возможностей применения сведений. Современность – это индивидуальное vs социальное (З. Бауман) [5, с. 57–65], определение без определяемого (Ж. Бодрийяр) [6, с. 5–7], сети вместо структур (М. Кастельс) [1, с. 25–49], потоковые структуры (Д. В. Иванов) [7, с. 8–10]. В результате растет число альтернативных социальных миров. Идентичности множатся и не признают друг друга доминирующими.

В связи с этим представляется, что перспективой объяснения многих современных социальных феноменов и процессов может стать их интерпретация как *следствий* информационного резонанса. К таковым можно отнести: разлом социального пространства; расщепление системы социального действия; «разбегание» двух «пластов» социального – социальной реальности и социальной действительности; превращение виртуального из посредника между индивидом и социальной действительностью и формы практик последнего – в единственные и форму, и содержание его жизненных миров и практик.

Резонансные процессы делают социум не только более целостным и гомогенным, но и резко увеличивают его разнородность, поскольку создают в социальной системе и ее отдельных элементах сверхнапряжение, приводя тем самым к разрушению как составных частей (или провоцируя в них мутации), так и системы в целом. Растет напряжение между индивидуальным и социальным, между приватным и публичным. Мутации захватывают и «клетку» строения системы, и сам субстрат – носителя индивидуальных и социальных качеств – самого человека. Человек целенаправленно начинает перестраивать свое сознание и тело, одновременно углубляя свою автономность в социуме и превращая свое тело в «клетку» новой системы – социум, который превращается в разновидность целостного – социального – «организма». Рост резонанса ведет не только к росту активности системы, но и к ее разрушению. Но что после него? Возможно ли собрать нечто новое после распада старого? Будет ли это тоже система, но ранее неизвестного вида, либо же гомогенность победит и все человеческие организмы сольются в единый субстрат, подобный нейронным клеткам человеческого мозга? Станет ли «Матрица» фактом будущего человеческого существования, и человек превратится в клетку и функцию этого нового целостного образования?

«Режим с напряжением» в зоне информационного резонанса все более открывает «окно» именно этого вероятного сценария. Будущее не предопределено, но оно уже сейчас рождается. В силах ли человек повлиять на этот процесс? На мой взгляд, концепция информационного резонанса если и не предлагает единственное решение и универсальное средство исследования, то, по крайней мере, в состоянии предупредить и помочь заглянуть в бездну, скрытую структурами повседневности, мифами и иллюзиями, мечтами и заблуждениями. Предлагаемый подход позволяет разглядеть за картиной «социальной реальности» контуры картины «социальной действительности», которая более драматична, чем можно было бы ожидать.

Эффект информационного резонанса стал доминирующей силой провоцирования социальных трансформаций, так же как информация стала плотью и кровью общества современного типа. Человек поддался одному из самых опасных искушений в своей истории – искушению информацией. Проблема и беда пришла с той стороны, с которой ожидалась только блага и надежды на новый идеальный мир. «Информационное общество», вначале ожидаемое как новая утопия, неожиданно состоялось, вызвав восторг, шок, а также полное неприятие и непризнание его существования. Но в этом состоянии теперь жить всем. И жить, выбирая: либо сохраняя основы человеческой экзистенции – суверенитет личности и его креативную сущность, – либо же подчиняясь порядку господства глобального информационно-коммуникационного «организма».

Однако возможен и другой сценарий развития. Информационный резонанс провоцирует создание новых форм отдельных социальных «организмов» как сетевых разномасштабных социальных образований. Это открывает путь для «пересборки» крупных, сложных и неоднородных и, как казалось, очень устойчивых до недавнего времени локальных и региональных сообществ. Превращение сетевой локализации в целостные системы новой экономической и политической конфигурации, появление новых локальных сообществ может открыть путь для их перехода в новое качественное состояние и затем объединения в новые сложные сообщества с новыми перспективами развития. В условиях информационного резонанса традиционные государственные объединения – империи, федерации и конфедерации – часто становятся барьерами для разрешения их внутренних противоречий. В этом случае «пересборка» социальных форм становится неизбежной [8, с. 241, 244].

Исходя из гипотезы информационного резонанса в социальной системе, сформулирую некоторые опорные положения теории [9, с. 242–245].

1. Экспоненциальный рост объемов информации превращает их в стабильные потоки.

2. Возникает устойчивый «контур» усиления роста информации: а) технологическая структура, заказывающая и потребляющая информацию и б) социальная структура, производящая потребность в информации и мотивацию ее производства и потребления.

3. Обе эти структуры имеют неограниченный потенциал производства и потребления информации. В «контуре» их взаимодействия растет напряжение интеракций: «техника – человек» и «человек – человек».

4. Рост напряжения вызывает *мутацию* основы социальной системы. Происходит процесс, подобный «инфицированию» структуры социального действия проникающими в нее избыточными потоками информации. В результате деятельность перенасыщена информацией («информационирована»), что провоцирует перенасыщение деятельности коммуникациями («коммуникацирование»). Социальное действие становится перенасыщенным средствами целеполагания (функция выбора цели) и целедостижения (функция выбора средства). Это ведет к росту числа вариантов ожидаемого поведения «другого» и его ответной реакции; к интенсивному конструированию вариантов взаимодействий и действий, что провоцирует нарастание аномии. В итоге происходит «расщепление» системы социального действия; появляются агенты разлома социального пространства – виртуальные страты; возникают предпосылки появления параллельного социального пространства.

К следствиям мутации можно отнести следующие.

1. Происходит распад «жизненных миров» человека на социальную реальность и социальную действительность.

2. Напряжение между индивидуальным и социальным переходит в новую фазу конфликта – «поглощение» индивидуальным социальным.

3. Открывается «окно» перехода социума в состояние «несистемной» структуры. Это ведет к парадоксам. Социальная система продолжает существовать как целое, но с множеством системообразующих центров – «парадокс диктата частей над целым». С точки зрения системного подхода, она существовать уже не может, но... может – при агрегировании особого типа исходных компонентов – автономных индивидов и их сообществ. В этом случае имеет место парадокс господства координации над субординацией, самоорганизации над организацией. И он становится возможным только с возникновением глобального информационно-сетевого общества.

4. Сетевые сообщества снимают напряжение в зонах информационного резонанса и не дают разрушить социальные формы жизни людей, преобразуя их в коллективные формы в виде сетевых социальных «организмов». Они и есть главное доказательство возникновения альтернативного социального пространства. И эти сетевые локусы не есть только дополнение к практикам оффлайн-пространства. Они живут по принципам, создаваемым людьми в онлайн-пространстве.

5. Информационный резонанс не разрушает общество, а ведет к его фундаментальной перестройке. И эта перестройка затрагивает именно основы социального как особой формы бытия.

Активация «квантовых» эффектов в системе социального действия как следствие информационного резонанса. «Информационный взрыв» подверг испытанию си-

темные основания современного социума, резко обострив противоречия между индивидуальным и социальным. Под вопросом оказалось существование самого «системного качества» социума, а значит, вообще перспективы сохранения социального как особой формы земной жизни. Но картина этого катастрофического кризиса – продукт лишь одной из возможных теоретических парадигм, абсолютизирующей системные свойства реальности и придающей ей характер самодовлеющей силы, лежащей в устройстве самого бытия. Перед нами типичный случай гипостазирования одной из сторон реальности, придание «Системе» статуса самодостаточной сущности. Проецирование подобной онтологии на любые, особенно дискретные, сложноорганизованные и саморазвивающиеся, объекты реальности, к которым, прежде всего, относится социум, ведет не только к искажению их природы и устройства, но в дальнейшем не позволяет адекватно реагировать на их непредвиденные трансформации.

Следует заметить, что системная парадигма дает лишь один из вариантов теоретического описания общества. Загнанное в системную модель, оно предстает как конструкция, не вполне адекватная своему аналогу. По крайней мере, лишь одним из возможных допущений является утверждение, что если социум – система, то это особая система. Точнее, некоторое множество, обладающее системными характеристиками. Эти характеристики есть интегрированное производное (интегративное качество) от аддитивных свойств взаимодействующих элементов, из которых состоит это множество. Поэтому выявление простейшего элемента системы – социального действия – еще не дает объяснения, почему совокупность этих элементов образует нечто, подобное системному объекту.

Ведь социальное действие не «делится», подобно живой клетке, на множество своих аналогов, и они не образуют подобие «органов» живого организма. И почему, образовав системное множество, эти элементы продолжают нарушать принцип системности, постоянно превращаясь из носителей функции, «органов», в самостоятельных субъектов (не агентов или акторов)? Их аддитивность не только не подавляется, но стремится в рамках нового системного качества проявлять способность к дальнейшим изменениям, к самостоятельному и даже автономному существованию. И включенность во множество есть лишь внешняя среда их активности и внешнее основание разнообразия этой активности.

Уникальность, то есть возможность бытия в индивидуальной форме (в отличие от так называемого «коллективного бытия», констатация которого есть лишь гипостазирование абстракции от множества индивидуальностей, абстракция бытия дискретности) каждому элементу придает не внешняя, а внутренняя среда. Ведь индивиды не есть органы некоторого социального «организма», а самостоятельно действующие субъекты. И социум *на самом деле* (реально) есть атомизированная реальность, в которой каждый элемент выбирает траектории своих действий, реагируя своей качественной спецификой на вызовы внутренней и внешней среды.

Не считая необходимым продолжать полемику (вероятно, вечную) с холизмом социальной онтологии Э. Дюркгейма, все же подчеркну свою принципиальную позицию: вообще, и системная в частности, «реальность» социума есть продукт теоретического воображения и неизбежный этап его научного постижения. Но одновременно это есть подмена конкретного абстрактным. Однако наблюдение за разрушением системных характеристик повседневного поведения людей в современном информационно перенасыщенном обществе может привести к парадоксальному выводу о превращении социальной системы в не-систему.

Возможно, это новый вид социальной системы, но тогда необходимо объяснить причину этого превращения. И во что? Ссылки только на рост девиаций и вообще количества вариантов повседневных практик вследствие усложнения форм социальной жизни; на резкое возрастание физической и информационно-коммуникационной мобильности; на исчерпание возможностей традиционных методов социального управления, власти и контроля – есть не объяснение, а описание. Необходимо признать, что социум действительно явил себя как «сообщество индивидов» и стал «индивидуализированным обществом», несмотря на, казалось бы, предельное ужесточение форм социального контроля, ставшего глобальным, и слежку за индивидом во всех точках его активности, с лишением права на личное неприкосновенное пространство и поглощение приватного публичным.

Современность – это резко активизированное, «возбужденное» пространство сопротивления приватного предельно зарегулированному (системному) публичному. Индивидуальный выбор и маневр каждого имеют все большее значение для поддержания совместной жизни как жизни сообщества и жизни индивидов в сообществе. Фокус теоретического объяснения и понимания новых и непредвиденных социальных феноменов и роста их разнообразия смещается в направлении объяснения источников изменения поведения каждого из множества индивидов и придания им особой значимости. Значимости, которую еще предстоит осмыслить и оценить. А возможно, и признав за ними миссию, впервые в Истории, действительно стать и Субъектами, и единственным способом выхода из беспрецедентно катастрофического социального и антропологического кризиса. Вырвавшись на просторы свободных (пусть и относительно, и контролируемо) глобальных коммуникаций и имея возможность использовать неисчерпаемые информационные ресурсы, индивиды стремительно начали становиться «конструкторами» своих и индивидуальных, и социальных повседневных практик, создавая их альтернативные и «параллельные» образцы.

Современность предстает как процесс стремительной «квантификации» *социальной реальности*. Поэтому характеристика простейшего элемента строения социума возвращается к исходному – антропологическому – пониманию специфики социальной коллективности (системности): оставаясь существом коллективным, «меру», основание сохранения необходимости и потребности коллективности для каждого индивида закладывает он сам своими креативными практиками. В процессе этого творчества создается все больше виртуальных миров и виртуальных сообществ.

Казалось бы, эти новые формы должны полностью устраивать их создателей и участников. Но они неустойчивы, конфликтны, часто разочаровывают присоединившихся к ним индивидов. Эти сообщества проявляют себя не как альтернативы другим традиционным сообществам и зачастую не удовлетворяют ни социальные, ни индивидуальные потребности. Очевидно, что то, что стало принято называть «виртуальной реальностью», не является альтернативой «реальной реальности» и не решает для индивидов проблемы поглощения индивидуальным социальным и дальнейшего ограничения их креативности как меры свободы и самоопределения. Их «квантовые» характеристики, объективно востребованные обществом современного типа, остаются заблокированными, постоянно сопротивляются этим двум реальностям и ищут альтернативы. «Виртуальная реальность» остается лишь внешней средой их существования. Поэтому они продолжают воспроизводить конфликт индивидуального и социального.

На мой взгляд, причины обостренного роста индивидуальных коннотаций следует искать в том сопредельном пространстве жизненных миров и практик индивидов, которое подобно представленному в квантовой теории пространству «теневых фотонов» [10, с. 59–62].

В дальнейшем я буду иметь в виду ту версию квантовой теории, которая получила развитие, начиная с трудов Хью Эверетта (1957), и была названа «относительностью состояний». Как известно, в своей квантовой теории параллельных миров Эверетт предложил *многомировую* интерпретацию квантовой механики [11, с. 15].

Согласно этой теории, фотон в физической реальности – это не простейший элемент ее активного проявления (действия), а простейшая частица трансляции (переноса) действия. Так же как единичное социальное действие есть простейший элемент системы социальных действий, трансляторами (переносчиками) социальных действий (не посредниками в Сорокинском понимании) являются символические объекты, переносящие информацию между взаимодействующими субъектами, что является содержанием социального действия и выражением самой его сущности [12, с. 37–38, 79–80].

В этом смысле символические объекты являются простейшими частицами – «квантами» – трансляции социальных действий. Они детерминированы внутренней средой действующих индивидов, то есть пространством «теневого частиц». Природа этих частиц и их значение для существования вообще реального мира описаны в квантовой теории применительно к физическим объектам. Однако, на мой взгляд, есть возможность и необходимость обратиться к применению квантового подхода для объяснения и понимания некоторых аспектов социальной жизни, особенно тех, для которых отсутствуют теоретические объяснения, получаемые в собственно социальных теориях.

Речь идет о перспективе междисциплинарного синтеза подходов теоретической физики и теоретической социологии, там, где они затрагивают фундаментальные вопросы общих оснований устройства двух видов реальности – физической и социальной. Необходимо проверить возможности использования в теоретической социологии (общесоциологической теории) ряда понятий и теоретических описаний квантовой теории, таких как: видимые частицы, теневые частицы, теневые наблюдатели, самоподобие, мультиверс, параллельные вселенные, виртуальные миры, сопровождаемые частицы, интерференция, взаимодействие реального с возможным, генератор виртуальной реальности, «принцип Тьюринга».

На мой взгляд, квантовый подход позволит раздвинуть горизонты применения средств интерпретации социальных флуктуаций и даст возможность искать их причины, и особенно причины непредвиденных и «умонепостижимых» действий, за пределами социальной реальности, дополняя социальную эпистемологию базовыми идеями квантовой теории. Важнейшим постулатом может стать: ищи объяснение и выстраивай понимание некоторой реальности, соотнося ее с виртуальным двойником – невидимой теневой частицей (сопровождающим квантом) параллельной, виртуальной реальности.

Однако непосредственный перенос суждений квантовой теории, возникшей при интерпретации физической реальности, некорректен для применения к объяснению социальной реальности и требует адаптации квантовых представлений о физическом мире к миру социальному. Прежде всего, это касается понятия «кванта» как простейшего элемента, простейшего для определенного рода множества однородных объектов реальности. В квантовой физике таким элементом признается фотон. А что же в «социальной физике» (используя это имя, данное социологии при рождении)?

Подобными «теновыми частицами», выявленными в квантовой теории, в социуме являются смыслы, но не все, а имеющие характер скрытых теневых коннотаций. Смыслы – это суждения, содержание которых выполняет функцию ответа на вопрос индивида: «зачем *это*,

для чего *это?*» Осмыслить значит установить предназначение любого объекта для субъекта (высказывания, феномена, процесса, действия), встроить его в систему его действий. Теневые частицы – это постоянные спутники реальных частиц как простейших частиц строения физической реальности. Они ненаблюдаемы и обнаруживают себя лишь в том случае, когда реальные частицы сталкиваются с естественными или искусственными препятствиями. В этом случае они вступают во взаимодействие с реальными частицами и влияют на траектории их движения. *Множество сопутствующих частиц образует параллельные миры – миры виртуальной реальности.* Отдельные частицы – это простейшие частицы-кванты. У каждого кванта есть свой «дублер» в виртуальном пространстве – теневой квант («сопровождаемая частица»).

Объяснить и понять процессы в физической реальности с точки зрения квантовой теории можно лишь с учетом признания существования этого параллельного виртуального пространства, которое проявляет себя лишь в процессах взаимодействий между квантами реального пространства. Квантовый подход предоставляет возможность взглянуть на некоторые труднообъяснимые или вообще не объясненные социальными теориями процессы, интерпретация которых всегда в истории социологической мысли опиралась на монотоническую модель устройства социального мира. Ее исходный постулат: социальные явления и взаимодействия всегда реальны, и эта реальность есть единственно возможная реальность, а идеальные (символическо-смысловые) феномены есть отражение этой реальности или же *тоже* реальные посредники социальных действий и взаимодействий.

Такая онтологическая парадигма рассматривает общество как некую единственную и тотальную систему, где все феномены есть элементы, а социальное есть только то, что возникает при взаимодействии этих наблюдаемых и доступных для анализа, измерения и эксперимента новых феноменов и видов практик. При этом аксиомой признается единый и единственный механизм поддержания социального порядка, что и делает социальную жизнь индивидов жизнью в системе – через ориентацию на «другого» и детерминацию действия индивида коллективными «другими» – референтами. Всякое отклонение интерпретируется как нарушение равновесия в системе (девиация) и требует возврата к изначально предписанному и ожидаемому состоянию. А природа отклонений трактуется как вызываемая исключительно характеристиками и «происками» (индивидуальными или социальными) «девианта».

В соответствии с квантовой парадигмой поиск причин «отклонений» должен идти в направлении обнаружения действительно виртуальных объектов, которые ненаблюдаемы и обнаруживают себя лишь при фиксации отклонения реальных «социальных частиц», что вызывается скрытой, внутренней средой реальных частиц. Этой средой, на мой взгляд, являются *скрытые смыслы действий – набор вариантов интерпретаций мотивов, причин, целей и средств достижения целей.* Все эти интерпретации носят закодированный, поэтому и скрытый, неочевидный и теневой характер. Эти интерпретации и есть *собственно виртуальные объекты*, как возникающие только при взаимодействиях и существующие до тех пор, пока они не завершаются. Именно этот смысл вкладывался в определение виртуальных объектов при проведении физических исследований для объяснения природы неустойчивых и ненаблюдаемых частиц и вообще для доказательства их существования.

Полагаю, что в социуме же они представляют собой *«скрытые смыслы» сообщений как единства «закрытых» сведений (закодированной информации) о смыслах и средств их передачи.* «Теневые частицы» социальной реальности – это *свободно, скрытно и независимо от системы перемещающиеся* по каналам коммуникаций символы и смыслы как кванты информации. Все они обладают потенциалом для актуализации, который реализует-

ся при столкновении реальных частиц (коммуникативных действий) с препятствиями, возникающими в процессе целедостижения. Этот процесс получил название *интерференции*. В чем состоит особенность явления интерференции в социальном поведении индивидов?

Интерференция – воздействие, оказываемое частицей одной вселенной на своего «партнера» из другой вселенной. Реальность самоподобна на нескольких уровнях и содержит информацию не только о себе, но и о средствах ее понимания. Это возможно постольку, поскольку в самой реальности существуют абстрактные символы, и именно эти символы используют индивиды для воспроизводства и организации социальной жизни и ориентации в социальном пространстве. В этих символах – артефактах, хранящих знание (текстах, книгах, в памяти компьютеров, в человеческом мозге), – существуют образы реальности в целом, образы не только внешнего вида объектов, но и структуры их реальности. В той степени, в какой эти символы, образы и теории истинны (т. е. сходны в определенном отношении с конкретными или абстрактными вещами, к которым они относятся), их существование придает реальности в сознании индивидов вид самоподобия. Это самоподобие есть знание.

В связи с этим вся социальная жизнь индивидов состоит в физическом и символическом воспроизведении знания. И ресурсом и средством этого воспроизведения выступает активированная и находящаяся в постоянном движении особая форма знания – информация. В соответствии с квантовой теорией знание можно определить как сложность, которая простирается через множество вселенных, множество социальных миров, бесконечно воспроизводимых индивидами. Это позволяет индивидам, действующим «порознь, но вместе», реализовывать в итоге такой совокупный потенциал, который недоступен абстрактному «совокупному социальному субъекту» – социуму, поскольку умножение сложностей и альтернативных миров предполагает свободу, свободную волю индивида, через которую только он и может выражать в своих действиях то, кем он является как личность.

В заключение следует подчеркнуть, что индивидуализация не разрушает социальные связи – она делает их органичными, заменяя системность и субординацию на координацию и согласуемую дискретность, используя обширные ресурсы и возможности открывающегося индивидам мира действительной, а не вымышленной виртуальной реальности. Это мир безграничных «теневых» коннотаций, закодированных на языке «теневых смыслов» и заключенных в квантах информации. Вероятно, некоторые идеи квантового подхода могут открыть перспективу для нового этапа развития постнеклассической теории общества, вероятным вариантом которой в той или иной версии может стать «квантовая социология». Глубина и неисчерпаемость социальной реальности не в меньшей степени, чем реальность физическая, располагает исследователя к совершению крутых поворотов...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кагель М. Информационная эпоха: экономика, общества и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Lash S. Critique of Information. London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publication, 2002. 234 p.
3. Сунгуров А. Ю. Резонансные взаимодействия в природе // Синергетика и методы науки. СПб.: Наука, 1998. С. 431–433.
4. Басина Г. И., Басин М. А. Синергетика. Вселенная резонансов. СПб.: Норма, 2008. 142 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
7. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исслед. 2012. № 4. С. 8–16.

8. Игнатъев В. И. Системно-генетическая динамика социума. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. 296 с.
 9. Ignatyev V. I. The Information Resonance in Social System. Novosibirsk: NSTU Publisher, 2016. 287 p.
 10. Дойч Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 430 с.
 11. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах. Фрязино: Век 2, 2011. 319 с.
 12. Игнатъев В. И., Владимиров Т. В., Степанова А. Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 208 с.
-

V. I. Ignatyev
Novosibirsk State Technical University

DECONSTRUCTION OF THE SOCIAL REALITY IN THE INFORMATION-QUANTUM RESONANCE

The relationship between social transformation and growth of information flows is examined. The effect of informational resonance is revealed and analyzed. The reasons of information ontology of modern society are identified. The mechanism of mutation of social action is revealed and analyzed. The author substantiates the statement that information explosion puts social systematic destruction. The everyday life structures immerse individuals into space of constructed alternatives to social reality. The author argues that the individualized society is becoming a reality and is acquiring a character of the «quantified social reality». The possibility to use quantum paradigm approach in the version «of states relativity» by H. Everet in social theory is considered. The «Shadow» social actions are interpreted as hidden shadow connotations.

Informational resonance, individualization, social reality, virtual social action, quantum effects, shadow particles, parallel universes

УДК 32:316.77

В. П. Милецкий, Н. П. Пименов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается современный инструментарий исследования политических коммуникаций, представленный в политическом мониторинге, лингвистическом и психологическом подходах. Проводится их сравнительный анализ с целью выявления достоинств и недостатков каждого. Использование перечисленных подходов позволило авторам провести анализ политических коммуникаций в современном российском обществе, выявить их специфические особенности и тенденции развертывания.

Политические коммуникации, политический мониторинг, лингвистический метод, психологический метод, психологические портреты российских политиков

Современная политическая социология все больше обращается к прикладным методам исследования, позволяющим собрать и обработать эмпирический материал для подтверждения или опровержения тех или иных гипотез. Традиционно многими учеными использовался метод

моделирования в изучении коммуникативных процессов в политике, который позволяет на основе сопоставления различных позиций проследить, какие проблемы находились в центре исследований на различных этапах исторического развития. Вместе с тем в настоящее время все более востребованными становятся междисциплинарные инструменты познания, к которым относятся политической мониторинг, лингвистический и психологический подходы. Весьма высок их эвристический потенциал в изучении политических коммуникаций в современном трансформирующемся российском обществе, которое в последнее время в связи с известными санкциями западных стран против России и падением цен на нефть вошло в «зону высокой турбулентности». Рассмотрению роли политического мониторинга, лингвистического и психологического подходов в исследовании социодинамики современных политических коммуникаций в трансформирующемся российском обществе посвящена настоящая статья.

Прежде чем будут рассмотрены вышеназванные подходы, уместно напомнить, что политические коммуникации являются разновидностью социальных коммуникаций. Их специфика определяется целесообразной деятельностью политических акторов, отражающей их интересы, намерения и цели в отношении получателя политической информации. При этом в содержательном отношении политические коммуникации имеют те же свойства и параметры, которые присущи любым коммуникациям в обществе. Они также осуществляются с помощью языка как основной знаковой системы представления информации, находятся в постоянном динамичном развитии благодаря научно-техническому прогрессу, создающему новые каналы передачи информации. Их развертывание возможно лишь при частичном несовпадении информационных потенциалов субъектов коммуникации, ибо в случае полного совпадения информационных потенциалов коммуникантов обмен информацией обесценивается и реальная коммуникация исключается. В свете изложенного политические коммуникации представляют собой смысловое содержание социального взаимодействия политических субъектов по поводу власти и властных отношений путем создания, трансляции политической информации и последующего обмена ею [1, с. 31–34].

В современной политической социологии при изучении коммуникативных процессов все активнее применяется **политический мониторинг**, который подразумевает использование следующих социологических методов: наблюдения, анализа всевозможных политических документов, контент-анализа, социологических опросов, включая экспертные интервью. Политический мониторинг в этом отношении выступает как комплексная научная технология, предусматривающая оценку, прогноз состояния и тенденции развития политических явлений. Он особо важен для изучения всего многообразия современных политических коммуникаций и предполагает регулярное исследование определенных политических заявлений или сообщений политических акторов, расположенных в хронологическом порядке, их соотнесение с развитием общей политической ситуации в обществе, включая обнаружение тенденций в действиях.

Проведение политического мониторинга, как известно, включает в себя несколько этапов. На первом этапе выбирается объект исследования, уточняются цели, определяются хронологические рамки исследования, обозначается гипотеза исследования, формулируются предполагаемые результаты. На втором этапе классифицируются источники получения информации, методы ее систематизации и обработки. Большое значение имеет также выбор оптимальной формы, содержания и периодичности итоговых материалов.

На третьем этапе непосредственно происходит сам политический мониторинг, а на четвертом – обработка его результатов и соотнесения их с гипотезой и предполагаемыми итогами.

Учитывая разнообразие и большое количество материалов, транслируемых в средствах массовой информации, официальных и неофициальных документов и других данных, содержащих политическую информацию и отражающих процессы борьбы за власть, ее удержание и использование в процессе политической деятельности, особую роль среди всех методик играет контент-анализ. Он становится одним из важнейших вспомогательных средств подготовки и реализации политических решений и прогноза, превращается в наиболее распространенный научный инструмент прикладного изучения текстовой информации. Суть этой методики заключается в систематическом выделении и фиксации определенных единиц содержания текста, квантификации полученных данных и дальнейшей интерпретации результатов с целью оценки и прогнозирования действий политических акторов. Все большее распространение получает его применение в направленном анализе содержания конкретных политических документов, важнейших выступлений политических деятелей или отдельных тематических очерков.

Основными достоинствами контент-анализа считаются следующие. Во-первых, присущая ему технология изучения информации, которая за счет взаимодействия с общественным или субъективным фоном проводимого исследования не искажает результаты ее обработки. Во-вторых, эта методика дает представление об объектах, которые исследователь непосредственно не наблюдает. Правда, контент-анализ не всегда целесообразно использовать, например, если исследователь имеет дело с уникальными документами, в изучении которых главная цель состоит во всесторонней содержательной интерпретации материала. Данная методика также не позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях и др.

Более содержательное знание позволяет получить социологический опрос. Будучи одним из лучших источников знания о внутренних побуждениях людей, этот метод при соблюдении надлежащих условий и предосторожностей позволяет получить надежную и репрезентативную политическую информацию [2, с. 143]. Опрос предоставляет исследователю возможность получить информацию о фактах, знаниях, мнениях, отношениях и поведенческих составляющих (отчетах) респондентов. К *фактам* относятся биографические сведения о респонденте (возраст, род занятий, место рождения). *Знаниями* являются суждения респондента об окружающем мире. Под категорию *мнений* попадают суждения респондента о его предпочтениях или взглядах на определенные предметы и события. К *отношениям* можно причислить сравнительно устойчивые настроения респондентов и их оценки определенных событий, явлений и идей. Наконец, *поведенческими составляющими (отчетами)* выступают утверждения респондентов о том, как они поступают в том или ином случае (например, голосуют, участвуют в деятельности какой-либо политической организации и др.) [3, с. 28–36].

И социологический опрос, и анализ документов предполагают получение политической информации, воспринятой и интерпретированной другими людьми. В случаях, если появляется необходимость непосредственной фиксации событий самим исследователем, применяется социологическое наблюдение (преимущественно стандартизированное), под которым обычно понимают прямую регистрацию событий ученым. В отличие от обыденного наблюдения, оно характеризуется тем, что, во-первых, подчинено ясной исследова-

тельской цели и четко сформулированным задачам. Во-вторых, наблюдение планируется по заранее обдуманной процедуре. В-третьих, все данные наблюдения фиксируются в протоколах или дневниках в определенном порядке. В-четвертых, полученная путем наблюдения информация должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость [2, с. 122]. В числе *недостатков* этого метода — опасность утраты включенным наблюдателем научной объективности в случае слишком глубокого погружения в позицию обследуемых социальных объектов или включения в изучаемую социальную среду.

Значимость **лингвистического подхода**, связанного с изучением политического языка со стороны филологии, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, лингвистическая теория в течение всего своего развития периодически обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы, включая политическую. Во-вторых, изучение некоторых политических проблем требует участия филологов, которые помогают выявлять взаимовлияние политического мышления и языковой формы и разрабатывать методики анализа политических текстов в СМИ для определения различных тенденций в сфере общественного сознания. В-третьих, значимость лингвистического подхода объясняется социальным заказом и стремлением освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [4, с. 245]. Поэтому лингвистический подход чаще всего выражается в использовании следующих методик: риторического анализа, лингвокогнитивного анализа, метафорического моделирования, семантического анализа, лингвоидеологического анализа и дискурс-анализа.

Основными направлениями *риторического анализа* политической коммуникации являются: изучение специфики русского политического красноречия, риторических средств убеждения, обмана и манипулирования, современной риторической культуры в политической сфере; создание риторических портретов политических деятелей, системы аргументации, приемов целесообразной и убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности политиков.

Если говорить о системе аргументации, то обычно выделяют три типа риторических доказательств: естественные доказательства (использование эмпирических данных), логические доказательства (использование логики) и доводы «к человеку» (использование психологии). К ним можно также отнести еще один вспомогательный источник доказательства, называемый доводами к доверию или недоверию, когда оратор, подкрепляя свои выводы, ссылается на авторитеты других людей, а для ослабления позиции оппонента подвергает его авторитеты сомнению [5, с. 32].

Лингвокогнитивный анализ политических коммуникаций основывается на когнитивном подходе, который, во-первых, связывает форму речевого произведения с универсальными познавательными процессами (порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора); во-вторых, в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний [6, с. 15]. Когнитивный подход используется при анализе политического текста для уяснения представлений политического деятеля о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о своем ценностном мире и т. д. Кроме того, он позволяет выявить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста.

Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил, помогают раскрыть особенности мышления представителей государственных и негосударственных институтов в конкретный исторический период и строить предсказывающие модели [7, с. 5]. Применение этой методики позволяет избежать недостатков традиционного экспертного анализа текстов, который характеризуется неясностью критериев отбора выделяемых в тексте смысловых структур и невозможностью верифицировать результаты анализа [8, с. 16].

Лингвокогнитивный анализ политической коммуникации главным образом связан с изучением концептов, концептуальных метафор и идеологических представлений, содержащих представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [9, с. 90]. Для современного российского политического дискурса характерна концептуальная разногласица, заключающаяся в различном смысловом наполнении слов политическими лидерами и политическими партиями, выражающими ценности русского социума.

Например, концепт «справедливость» используется левыми партиями (КПРФ) в значении «равенство при распределении материальных благ» и объясняется сложившимся в советский период восприятием этого понятия. В то же время центристские и правые партии («Единая Россия», ЛДПР) в понятие «справедливость» вкладывают равенство возможностей для граждан страны. В результате имеет место столкновение двух векторов в понимании справедливости, связанных с уравнительностью и соревновательностью [10].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности; важную роль здесь играет метафора, которую принято определять как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. *Метафорическое моделирование* позволяет выявить способы осмысления политической ситуации, присущие определенному дискурсу и конкретным политическим субъектам. Использование воздействующего потенциала метафор в устной и письменной речи в определенной мере позволяет влиять на восприятие человека и формировать оценку событий и явлений. Кроме того, метафоры играют особую роль в принятии политических решений, так как помогают выработке альтернатив, из которых далее осуществляется выбор [11, с. 10, 39]. Так, по мнению Т. С. Вершининой, в современном дискурсе преобладает традиционная для национального сознания россиян концептуальная органистическая метафора, которая объединяет фитоморфные, зооморфные и антропоморфные образы и во многих случаях противопоставляется механистической и социальной метафоре. Такая метафора позволяет передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме, обладает мощным концептуальным и прагматическим потенциалом [12, с. 24].

Необходимо отметить, что метафорическая система общественных представлений о политической реальности со временем варьируется. К. де Ландшер с помощью контент-анализа доказал, что между частотностью метафор и политическими и экономическими кризисами существует взаимозависимость, выражающаяся в том, что количество метафор увеличивается в периоды кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации. Впоследствии они были положены в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CSC-theory) [13, с. 129–148].

Семантический анализ ориентирован на уяснение того, как проявляются политические представления в использовании стилистически нейтральной и нетерминологической лексики. По мнению Р. М. Блакара, каждый, кто в состоянии воздействовать на кого-либо, «осуществляет власть» [14, с. 102]. К «языковым инструментам власти» ученый относит: выбор слов и выражений; создание новых слов и выражений; выбор грамматической формы; выбор последовательности; использование суперсегментных признаков (эмфаза, тон голоса и т. п.); выбор имплицитных или подразумеваемых предпосылок.

Лингвоидеологический анализ исходит из того, что именно в политическом дискурсе посредством социальных позиций идеологии находят отражение в качестве элемента общественного сознания. Они связаны с сознательным воздействием на язык. Его функционирование и развитие оказывают непосредственное влияние на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и ее размещение на аксиологической шкале [15, с. 7]. Этот вид анализа предполагает рассмотрение следующих аспектов политического дискурса: уровни, структуры, стратегии или шаги, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе; дискурсивные доказательства взаимодействия различных идеологий. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя выступающий (консерватор, социалист, националист и др.), и определить, как они выражаются – эксплицитно или имплицитно.

Наконец, последней методикой, используемой лингвистическим методом, является *дискурс-анализ*. Среди всех направлений дискурс-анализа, различающихся фокусом исследовательского интереса, чаще всего используется критический подход Н. Фэркло, который сконцентрирован на создании теоретической модели и методологических инструментов для эмпирического исследования дискурса в повседневном социальном взаимодействии. Ученый предложил трехмерную модель критического дискурс-анализа, в основе которой лежит положение, согласно которому изолированное понимание или анализ текстов невозможны. Поэтому их необходимо рассматривать только во взаимосвязи с другими текстами и социальным контекстом. Согласно трехмерной модели любой речевой случай является коммуникативным событием, состоящим из трех компонентов, каждый из которых должен подвергаться тщательному неформализованному анализу:

- текст (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание);
- дискурсивная практика, включающая производство и потребление текстов;
- социальная практика [16, с. 72].

Анализ текста сконцентрирован на формальных особенностях (лексика, грамматика, синтаксис и связность предложения), с помощью которых различные дискурсы и жанры реализуются лингвистически. Анализ дискурсивной практики, выступающей посредником между текстами и социальной практикой, основывается на исследовании контекста создания и восприятия текста. Изучение социальной практики предполагает выявление более широкого социального контекста усвоения текста в обществе, которому принадлежит коммуникативное событие [17, с. 120–123].

Психологический подход развивается на стыке политической психологии, изучающей роль «человеческого фактора» в политических процессах, и политической лингвистики. Он предусматривает реализацию трех исследовательских практик: психологического анализа, мотивационного анализа, интент-анализа. Каждая из этих практик использует в качестве материала исследования устные и письменные тексты политических деятелей, позволяющие получить целостное представление об объекте исследования.

Психологический анализ политического текста позволяет выявить невербальные характеристики лидера, опираясь на вербальные особенности его текстов. Объективность психологического анализа текста строится на подсчете элементарных языковых проявлений: частота употребления местоимений *я* или *мы*, соотношение *я/мы*, использование личных местоимений в косвенных падежах, выражение чувств и оценки, обращение к аудитории, интенсификация наречием, отрицательные предложения, риторические вопросы, отступления от темы выступления, неологизмы, квалификаторы (наречия меры и степени) и др. [18].

В рамках политического анализа принято выделять три структурных компонента личности политического лидера: когнитивный, аффективный и поведенческий, комплексное изучение которых позволяет определить систему взглядов политика на мир, отношение к явлениям и процессам в политической сфере и объяснить его поступки и поведение [19, с. 91]. Когнитивный компонент составляет основу политического сознания личности и включает в себя ее знания, ценности, установки, представления, стиль принятия решений, особенности политического менталитета и операциональный код. Операциональный код – это психологический концепт, который описывает содержание политических позиций и взглядов личности и механизмы ее действия [20, с. 7].

В качестве примеров можно привести операциональные коды российских президентов. Операциональный код Б. Н. Ельцина сочетал в себе враждебность политического мира и оптимизм, конкретные и глобальные цели, низкий контроль над событиями и политическую волю. Операциональный код В. В. Путина характеризует его как волевого человека, который с оптимизмом смотрит в будущее, ставит глобальные цели, дружелюбно настроен к Западу и внешнему миру в целом, но не исключает проявлений враждебности с их стороны. Операциональный код Д. А. Медведева характеризуется балансом между восприятием политического мира как враждебного или дружественного, сдержанным оптимизмом, реалистичностью, уверенностью в контроле над происходящим, преимущественным настроением на глобальные и долгосрочные цели развития российского общества [19, с. 95–97].

Аффективный компонент, непосредственно связанный со сферой бессознательного, отражает эмоциональное отношение личности к политическому объекту и включает в себя потребности, мотивы и Я-концепцию личности. Одним из наиболее существенных аспектов Я-концепции является самооценка. Исследования показали, что чем выше самооценка у политических деятелей, тем хуже они реагируют на ситуацию и ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой меньше зависят от внешних обстоятельств, у них более стабильные внутренние ориентиры, на которых базируется их самооценка [20, с. 365]. Важным параметром сравнительного анализа Я-концепции политических лидеров является ее сложность, которую можно определить как число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером. Именно критерии сложности и самооценки лежат в основе типологии личностей политических лидеров, сформулированной Р. Зиллером и его коллегами.

Они выделяют, во-первых, «аполитичных» политиков, у которых отмечаются высокая самооценка и высокая сложность Я-концепции; во-вторых, «прагматиков», умеющих сочетать невысокую самооценку и высокую сложность Я-концепции; в-третьих, «идеологов», имеющих высокую самооценку и низкую сложность Я-концепции; в-четвертых, «недетерминированных» политиков, обладающих низкой самооценкой и невысокой сложностью Я-концепции [21, с. 176–204].

В качестве примеров можно привести двух российских федеральных деятелей. Так, председателя Центробанка России Э. М. Набиуллину, не слишком удачно борющуюся с па-

дением рубля в декабре 2014 г., характеризуют высокая сложность Я-концепции и заниженная самооценка (тип «прагматика»), что выражается в виде повышенной чувствительности к социальным стимулам и мнению окружающих, модификации политического поведения на основе обратной связи. У министра обороны РФ С. К. Шойгу адекватная самооценка и высокая сложность Я-концепции («аполитичный» политик). Он уважительно относится к другим лидерам и высоко оценивает самого себя и свои действия [19, с. 98–99].

Что касается поведенческого компонента в структуре личности, то он выражается в поведенческих актах и включает в себя стиль межличностных отношений, поведенческий стиль, стиль принятия политических решений. В психопатологической типологии Г. Лассуэлла выделяются три типа поведения политиков: «агитатор», «администратор», «теоретик». «Агитаторы» стремятся к власти, используя свое красноречие или способности письменного обращения к большим аудиториям. Им также свойственно ощущение исключительного права говорить о некоторых проблемах от имени определенных слоев общества и самоощущение в качестве некоего «мессии». «Администраторы» – это исполнители, которым свойственны высокие амбиции, специфическое отношение к власти как к ресурсу, который можно использовать, тратить и наращивать. Они мастерски координируют политические действия, отличаются решительностью, активностью и способностью структурировать ситуации. «Теоретики» (эксперты, идеологи) дают идеологические обоснования и оправдания политических действий, стремятся к абстракции и грандиозности. Их отличают некоторая ограниченность и неопределенность действий. Возможны также «комбинированные» типы политиков, одинаково успешно проявляющих себя в каждой из названных сфер политической деятельности [22, с. 4, 14, 258–260].

Психологический анализ предусматривает также создание психобиографий политических деятелей, которые позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и рассматривать отдельного политика как модель определенного типа политической культуры. Одной из первых работ по политической психологии политиков является психобиография американского президента Т. В. Вильсона, написанная на основе его выступлений З. Фрейдом и дипломатом У. Буллитом [23]. Психобиографиями являются также исследования Дж. Поста по личностям С. Хуссейна и Б. Клинтона [24], а также Д. Уинтера, Л. Карлсона – по карьере Р. Никсона [25]. В известной мере к этому жанру исследований можно также отнести книгу Ст. Белковского «Владимир. Вся правда о Путине», опубликованную в 2014 г. в некоторых зарубежных странах, в том числе в Германии.

Психологический анализ лишь частично затрагивает мотивы политического деятеля, хотя именно они предопределяют его поведение [26, с. 175]. Поэтому для психологического исследования мотивационной сферы политиков Д. Уинтером был предложен *метод мотивационного анализа*, основанный на контент-анализе вербального материала. Он заключается в подсчете содержащихся в речах политических деятелей показателей трех видов мотивов: достижений, отношений и власти. Мотив достижения связан с рациональным сотрудничеством, мотив отношений – с сотрудничеством при определенных условиях, а мотив власти коррелирует с эксплуатацией и конфликтом. Доминирование одного из них позволяет оценить особенности политического поведения конкретного политика и спрогнозировать поддержку им определенного политического курса или решения [27].

В качестве примеров можно привести поведение таких представителей внесистемной оппозиции, как Б. Е. Немцов (убит 27 февр. 2014 г.), М. М. Касьянов и Г. А. Явлинский. Так, средний уровень мотива отношений характеризовал Б. Е. Немцова как сбалансированную личность. Низкая аффилиация при высоком уровне властной мотивации характеризовала бы его как авторитарного руководителя. Высокая аффилиация свидетельствовала бы о наличии «харизматических» черт, стремлении быть лидером и получать особое подтверждение легитимности своей власти в виде поддержки общества. У М. М. Касьянова преобладает мотив достижения над мотивом власти при низком уровне мотива отношений. Экс-премьер-министр относится к своей работе без лишних эмоций, с высоким чувством ответственности за результат. М. М. Касьянов лишен политических амбиций, карьерный рост для него связан с получением новой, более прибыльной работы, но никак не с борьбой за власть. Г. А. Явлинского отличает незначительное преобладание показателей мотива власти над показателями мотива достижения и низкий уровень мотива отношений. Этот тип предполагает, прежде всего, такие качества, как прагматизм и независимость. Для Г. А. Явлинского характерно умение использовать обстоятельства и добиваться своих целей. Он стремится к власти, чтобы реализовать определенные программы, но, будучи не слишком эмоциональным человеком (низкий уровень аффилиации), часто оказывается неспособен определить настроение электората [28, с. 21–25].

Наконец, относительно новой методикой психологического анализа политических коммуникаций является *интент-анализ*, позволяющий исследовать глубинное психологическое содержание речи, заключающееся в ее «интенциональном пласте», т. е. в намерениях, лежащих в основе речи и косвенно проявляющихся в словах, отражающих «видение мира» социальным субъектом, его желания, нужды и установки [29, с. 236]. Вместе с тем этот метод по своей сути является психосемантическим инструментом анализа, рассчитанным на субъективное оценивание исследователем соответствующих высказываний, что оставляет «точку неустойчивости» и возможности субъективизации результатов, требующих специальной проработки. Интент-анализ применяется как для интерпретации позиций нескольких участников политической дискуссии, так и для анализа конфликтных и кризисных политических ситуаций. Так, исследователи выявили интенциональную структуру конфликтных политических выступлений, которая была обозначена как форма «конфликтного треугольника».

Речь идет об особенности семантического состояния автора текста, когда в его сознании или подсознании доминируют три вида объектов, присутствующих в тексте. Первый объект – оппоненты, противники, враги (категория «они»); второй – автор и его сторонники (категория «мы»); третий – аудитория, к которой обращен текст, хотя она может быть причислена и к категории «мы». В тексте каждый объект «конфликтного треугольника» связан со своими интенциями. Так, противнику приписываются отрицательные оценки, по отношению к нему выявляются угрозы, обвинения, разоблачение, демонстрация силы, противостояние. Категория «мы» связана с положительными оценками, одобрением и усилением своих положительных качеств и действий, а также с отводом от себя (от «наших») всех возможных обвинений. По отношению к третьей стороне часто звучат призывы к действию, побуждения, оценка [30, с. 51].

Другой пример – это предвыборные интенции политиков, которые имеют своеобразную, присущую им речевую манифестацию, проявляющуюся в относительной выражен-

ности четырех основных интенциональных направленностей кандидатов: на избирателя; на себя и своих сторонников; на политического оппонента; на окружающую действительность. Направленность на избирателя предполагает: 1) привлечение избирателя на свою сторону. Поэтому в своей речи политик стремится завоевать внимание избирателя, вовлечь его в обсуждение, продемонстрировать его значимость; 2) консолидацию, которая выражается в призывах к объединению, в попытках возбудить недовольство и негативное отношение к «чужим»; 3) активизацию, выражающуюся в стремлении побудить к действиям, воодушевить, предупредить нежелательные действия, предостеречь и даже запугать.

Направленность на себя и своих сторонников проявляется как апологизация личных качеств и действий и одновременно как идентификация, отождествление себя с избирателем. Характерными для современного российского общества являются интенции манифестирования социально одобряемых качеств (смелость, честность и пр.), демонстрации компетентности и готовности действовать [31].

Подводя итог проведенного анализа методического инструментария изучения политических коммуникаций, можно сформулировать следующие выводы:

1. Основной технологией получения эмпирических данных, состоящей из определенной цепочки взаимосвязанных методов и методик, является политический мониторинг, который подразумевает использование наблюдения, анализа всевозможных политических документов, социологического опроса, экспертных интервью, контент-анализа и др. Эта технология предполагает не разовое исследование, а изучение некоторой последовательности событий, состоящих из определенных политических заявлений (сообщений политических коммуникаций), расположенных в хронологическом порядке, их соотнесение с развитием общей политической ситуации и обнаружение тенденций в действиях политических акторов.

2. Совокупность используемых лингвистическим подходом методик (риторический анализ, лингвокогнитивный анализ, метафорическое моделирование, семантический анализ, лингвоидеологический анализ, дискурс-анализ) позволяет выявить имплицитно представленные в политическом сообщении знания, ментальные схемы, лежащие в основе политического текста, исследовать эффективность речевого взаимодействия различных политических сил, проанализировать способы политического мышления в обществе, предсказать приближение кризисных состояний общественного сознания и построить прогностические модели.

3. Психологический подход, включающий в себя психологический, мотивационный и интент-анализ, позволяет при изучении политических коммуникаций в большей степени выявлять роль «человеческого фактора» в политических процессах.

4. Наконец с помощью перечисленных подходов становится возможным проведение комплексного анализа политических коммуникаций в современном российском обществе во всех проявлениях политико-коммуникативных процессов, включая их специфические особенности и тенденции дальнейшего развертывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подорова-Аникина О. Н., Милецкий В. П. Коми: региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России. Ухта: УГТУ, 2013. 165 с.
2. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1995. 328 с.

3. Milbrach L. W. The Nature of Political Beliefs and the Relationships of the Individual to the Government // *American Behavioral Scientists*. 1968. № 12. P. 28–36.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
5. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М.: Никколо Медиа, 2002. 313 с.
6. Макарова И. А. Языковая способность как объект интерпретационного подхода в психолингвистике // *Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр.* Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ун-та, 2002. С. 11–17.
7. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 296 с.
8. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // *Язык и моделирование социального взаимодействия / под общ. ред. В. В. Петрова*. М.: Прогресс, 1987. С. 3–20.
9. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
10. Гаврилова В. М. Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // *Изв. УрГПУ. Лингвистика*. 2006. Вып. 17. С. 77–87.
11. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
12. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2002. 225 с.
13. Landsheer Ch. The political rhetoric of a United Europe // *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O. Feldman*. Westport: Praeger, 1998. P. 129–148.
14. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // *Язык и моделирование социального взаимодействия / под общ. ред. В. В. Петрова*. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 145 с.
16. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992. 272 p.
17. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 354 с.
18. Winter D. G. The personalities of Bush and Gorbachev: procedures, portraits and policy // *Political Psychology*. 1991. № 12. P. 215–245.
19. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала / А. В. Селезнева, И. И. Рогозарь-Колпакова, Е. С. Филистович и др. // *Полис*. 2010. № 4. С. 90–106.
20. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.
21. Self-other orientations and political behavior // *A psychological examination of political leaders / R. Ziller, W. Stone, R. Jackson, N. Terbovic; ed. by M. G. Hermann, T. W. Milburn*. New York: Free Press, 1977. P. 176–204.
22. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М.: Изд-во РАГС, 2005. 352 с.
23. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: Двадцать восьмой президент США. М.: Прогресс, 1992. 285 с.
24. Post J. M. The Psychological assessment of political leaders with profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. 480 p.
25. Winter D., Carlson L. Using motive scores in the psychobiographical study of an individual: The case of Richard Nixon // *J. of Personality*. 1988. Vol. 56. P. 75–103.
26. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1998. 192 с.
27. Power, affiliation and war: three tests of a motivational model / D. G. Winter, M. G. Hermann, W. Weintraub, S. G. Walker // *J. of Personality and Social Psychology*. 1993. № 3. P. 535–537.
28. Зорин В. А. Психологические профили политических лидеров России, Украины, Белоруссии // *Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Л. Н. Шаншиева*. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 21–25.
29. Лапшова О. А. Психологическое содержание текста и его оценивание методами интент-анализа и психосемантики // *Психология высших когнитивных процессов / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. И. Чуприковой*. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 236–250.

30. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.

31. Павлова Н. Д. Предвыборные выступления и понимание интенций политиков избирателями // Вопр. психологии. 2008. № 1. С. 36–45.

V. P. Miletskiy, N. P. Pimenov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MODERN RESEARCH TOOLS OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE TRANSFORMING RUSSIAN SOCIETY

The article describes modern research tools of political communication. Today political science is increasingly drawn to applied research methods: political monitoring, linguistic and psychological methods. Comparative analysis of these methods is to identify their strengths and weaknesses and to delineate the research scope for each of them. The integrated use of the above mentioned methods creates the possibility to conduct a full analysis of political communication in the Russian context, to identify their specific features and trends for further deployment.

Political communication, political monitoring, linguistic method, psychological method, psychological portraits of Russian politicians

УДК 3.30.31.316

П. И. Смирнов

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЗИТИВИЗМУ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Обосновывается необходимость возвращения к принципам позитивизма в теоретической социологии для адекватного отражения общечеловеческих проблем. Предпринимается попытка сблизить методологию познания в социологии с методологией естественных наук на основе метода моделирования. Рассматриваются принципы и средства построения теоретических моделей социальных явлений.

Позитивизм, моделирование, идеальный тип, тип взаимодействия

Введение. Поставленная в свое время О. Контом задача сблизить методологию общественных наук с естественнонаучной методологией нашла частичное решение в сфере эмпирической социологии. Статистическая обработка опросов общественного мнения и «следов» человеческого поведения, отраженных в информационном пространстве, позволяют прогнозировать результаты выборов, покупательский спрос и пр. Однако представленные в современной теоретической социологии школы, направления, подходы не позволяют адекватно отразить основные проблемы глобализирующегося общества и предложить их решение. Поэтому насущно необходимо вновь попытаться сблизить методологию общественных наук с естественнонаучной методологией. В настоящей статье в дискуссионном плане представлена попытка подобного сближения.

Уточнение проблемы и задач. Неудовлетворительное состояние теоретической социологии осознается многими социологами. В очередной раз это осознание нашло отра-

жение в статье американского социолога И. Селеньи о тройном кризисе в американской социологии. Автор усомнился в возможности социологии стать наукой в собственном смысле слова и усмотрел возможный выход из кризиса в ее превращении «в критическую неоклассическую социологию», опирающуюся на традицию Маркса–Вебера. Тогда социология вновь сможет задаться «большими вопросами», бросая вызов экономике и политическим наукам [1].

Очевидно, однако, что одной только критики недостаточно, чтобы социология вновь смогла заняться большими вопросами (вероятно, проблемами, стоящими перед всем человечеством). Недостаточно для этого и метода обработки «больших данных», позволяющих наблюдать за поведением человека по следам в информационном пространстве [2]. Этот метод, напоминающий знаменитую камеру Вильсона, с помощью которой физики прослеживали движение заряженных частиц, полезен в эмпирических исследованиях рыночного поведения людей, их общения в информационном пространстве и пр. Но найти с его помощью ответы на глобальные вызовы в принципе невозможно. Непригодны для этого и разного рода «дискурсы», понимающиеся то как речевые практики, в которых «понятия... обыгрываются посредством выстраивания ассоциативных рядов» [3, с. 311], то как системы мышления «в определенной области общественной жизни» [4, с. 605].

Социология сможет выявлять общечеловеческие проблемы и предлагать пути их решения, лишь став подлинной наукой, создающей собственные теории, отражающие общий ход событий в мировом масштабе. Поэтому представляется перспективным возвращение социологии на позиции позитивизма, что возможно при выполнении ряда предварительных условий. Прежде всего необходимо:

- 1) пересмотреть традиционную трактовку процесса познания;
- 2) предложить методологию, сближающую позиции естествознания и обществоведения;
- 3) указать теоретические средства из арсенала обществоведения, аналогичные средства познания естественных наук.

Трактовка процесса познания в предлагаемой неопозитивистской концепции. В широко распространенной философской трактовке познание есть «высшая форма отражения объективной действительности». В нем принято различать «чувственное познание, мышление, эмпирическое и теоретическое познание» [5]. Однако сведение познания лишь к психической форме отражения действительности, высший уровень которой свойственен человеку, слишком узко, поскольку в процессе познания можно выделить его другие, «материальные», формы. Более адекватную трактовку познания можно предложить, рассмотрев базовые философские категории «субъект» и «объект».

Традиционно эти категории употребляют по отношению к двум классам явлений, которые принято различать по свойствам «пассивность–активность». Предполагается, что субъект – некое активное начало, направленное на объект, познающее объект, воздействующее на объект. Объект же – начало пассивное, испытывающее воздействие, познаваемое, преобразуемое и пр. [6], [7]. Однако более пристальное рассмотрение реальных явлений, описываемых этими категориями, показывает, что признаки «активность»–«пассивность» неточно отражают существенные свойства этих явлений (солнце активно, но кто назовет его субъектом?).

Предпочтительнее употреблять категории «объект» и «субъект» по отношению к двум классам явлений, существенные признаки которых можно обозначить словами «самодостаточ-

ность»—«несамодостаточность». К самостоятельным явлениям относятся те, что способны существовать без потребления окружающего мира. К несамодостаточным – те, что неспособны существовать, не потребляя окружающий мир [8, с. 82]. Иначе говоря, они фундаментально различаются по способам их пребывания в мире («существования»). Субъекты (к ним относятся все живые существа, но не только) существуют, а объекты (их можно обозначить словом «вещества») веществуют. «Существование» стола принципиально отлично от существования человека (или растения). Декартовское выражение «мыслю, следовательно, существую», нужно было бы заменить выражением «потребляю, следовательно, существую».

Признание существования как особого способа пребывания в мире, свойственного именно субъектам, служит теоретической предпосылкой для построения упорядоченной совокупности понятий, отражающих формы человеческой активности, включая процесс познания. Исходной категорией для ее построения является категория «существование», а строится предлагаемая совокупность на ряде простых и почти очевидных допущений.

Первое допущение состоит в том, что в существовании субъекта можно выделить два основных состояния: *возбуждение* (активность в широком смысле слова) и *покой*. Активность обусловлена внутренними и внешними стимулами (изначальная несамодостаточность субъекта и угроза его безопасности). Активность сопровождается интенсивной добычей и тратой энергии и вещества. В период покоя энерготраты субъекта сводятся к минимуму, субъект «отключается» от мира и восстанавливает работоспособность своих структур, он «отдыхает».

Второе допущение заключается в предположении, что активность может быть как хаотической, так и, большей частью, целесообразной. Целесообразную активность имеет смысл назвать *поведением*.

Третье допущение состоит в том, что целесообразным признается поведение двух видов в зависимости от его направленности со стороны субъекта. Первый вид – *инициативное поведение*, оно направлено на контакт с миром, на его познание, использование или преобразование. В частном случае инициативное поведение направляется субъектом на самого себя, тогда он относится к себе как к объекту. Второй вид – *уклоняющееся поведение*, оно направлено на минимизацию контакта с миром, уклонение от его факторов, способных принести вред.

Четвертое допущение заключается в том, что предполагается наличие в мире как объектов (сторон мира, вещей, явлений), так и субъектов. Соответственно, инициативное поведение по отношению к объектам и субъектам обретает две основные формы – деятельность и общение [9].

Деятельность понимается как процесс взаимодействия между субъектом и объектом. В процессе этого взаимодействия меняются структуры обеих взаимодействующих сторон. В зависимости от того, чья структура (объекта или субъекта) меняется по преимуществу, можно выделить два ведущих направления (вида) деятельности: преобразование и познание.

В результате *преобразования* изменяется объект в соответствии с целями субъекта. Можно сказать, что объект меняет свою структуру, облик и свойства в соответствии со структурой субъекта, в частности, с идеальной моделью будущего результата деятельности.

Познание, напротив, состоит в изменении структуры (анатомии) и типичных реакций (физиологических и психических) субъекта в соответствии со свойствами объекта. По сути, оно есть адаптация субъекта к объекту, позволяющая субъекту существовать. Тем са-

мым опора на категорию «существование» побуждает изменить представление о процессе познания и включить в него процессы, происходящие в материальной структуре субъекта.

Важнейшими факторами, влияющими на познание (адаптацию), являются свойства объекта (веществ) и события в окружающем мире. В частности, организмы знают о свойствах веществ и способах их усвоения для поддержания своего существования, возможных опасностях, угрожающих им, и пр. Они также знают о важнейших событиях, благоприятных или неблагоприятных для существования субъекта.

События бывают разных классов: постоянные и неизменные (сила тяготения), постоянные, но колеблющиеся в неких рамках (наличие кислорода в воздухе или воде), периодические (смена времени суток или годовых сезонов), вероятные (наличие источников пищи), случайные, о которых субъекты не знают (извержение вулкана или падение метеорита). Незнание случайных событий обусловлено тем, что их частота не соотносена с продолжительностью жизни отдельного организма.

Знание, запечатленное в структуре и типических реакциях субъекта, получается путем эволюции (мутации и естественный отбор) конкретного организма в типичных для существования вида условиях. Скелет животного «знает» о силе тяжести, а легкие наземных животных и жабры рыб «знают» о наличии кислорода в воздухе и воде, организм медведя знает о смене сезонов и т. п. Органы и клетки живых организмов знают о свойствах кислорода, воды, белковых соединений, структуре и свойствах других организмов и пр. Аналогичное материализованное знание социальных субъектов хранится в технических средствах, технологиях, социальной структуре.

Необходимость в знании о вероятных, но нерегулярных событиях (появление добычи, возможных врагов, стихийных угроз) была, вероятно, главным стимулом для возникновения у животных форм психики, способной их отражать с помощью механизмов ощущения, восприятия, представления и памяти. Существование и хранение знания об этих событиях в психике стало основой способности моделировать явления окружающего мира и прогнозировать события, используя представления (чувственно-наглядные образы явлений и процессов).

У человека появляется дополнительная способность моделировать явления мира в понятиях и теориях. Комбинируя с помощью языка представления и понятия, человек строит идеальные модели отдельных явлений, а в конечном счете, создает обыденную и научную картины мира (образ мира) у себя в голове. Способность к самопроизвольному изменению образа мира (фантазирование) приводит к тому, что человеческому познанию свойственны два важнейших свойства: *предвидение* и *зablуждение* (ошибочное предвидение).

Из сказанного следует, что неверно сводить весь процесс познания лишь к познанию, происходящему на основе психических процессов в голове человека. По-видимому, это фундаментальное заблуждение привело Канта к мысли о «вещи в себе», якобы не поддающейся познанию. Для субъекта всегда существует только «вещь для него». Другое дело, что субъект в силу собственной ограниченности не может познать мир во всей его целостности. Это нужно признать просто как факт.

Общение – это взаимодействие между субъектами; подлинное общение возможно лишь между равными субъектами, причем субъектами, признающими факт равенства между собой. Основными формами общения, аналогичными преобразованию и познанию, являются ознакомление (информирование, представление, презентация) и понимание.

Ознакомление заключается в том, что субъект А воздействует на структуру субъекта Б с тем, чтобы запечатлеть в ней свой образ (его часть, сторону, поведение), нужный для него. *Понимание* состоит в том, что в структуре субъекта Б формируется образ субъекта А. Ознакомление (в зависимости от целей субъекта А) может быть правдивым (искренним), но может быть обманным. Равным образом, понимание у субъекта Б может быть действительным (адекватным) или ложным. При всем различии между познанием и пониманием, которое послужило Веберу основанием для вывода о методологической разности общественных и естественных наук, общим у них остается моделирование образов сторон (участников) взаимодействия.

Моделирование – общий метод познания в естествознании и обществоведении. В основе этого метода лежит упомянутая выше способность человеческой психики моделировать реальные процессы и явления. Построение идеальных моделей каких-либо явлений возможно в естественных и общественных науках. В обществоведении о подобной возможности писали К. Маркс и М. Вебер. Маркс указал частный случай такой возможности, когда писал о будущем результате деятельности, первоначально созданном в представлении человека, т. е. идеально [10, с. 189]. Вебер же дал имя теоретическому средству, общему для методологии социологии и естествознания, а именно *идеальный тип*, хотя это средство употреблялось в общественных науках задолго до Вебера, и он сам признает это [11, с. 43, 96–98].

Как примеры идеальных типов, использовавшихся в качестве средств познания в обществоведении до Вебера, можно привести чистые типы государства Аристотеля (логически вполне корректные), а также общественно-экономические формации, представленные в учении Маркса (логически построенные не вполне корректно). Логическая корректность чистых типов государства Аристотеля обеспечена тем, что для их построения он использовал два заданных изначально признака: количество носителей власти и благо тех, во имя кого власть осуществляется. Маркс же, строя свои формации, вынимал, как фокусник из кармана, нужные ему признаки, взятые из общественной практики: общественную и частную собственность, рабовладение, насильственный или экономический способы эксплуатации человека человеком, товарно-денежные отношения и т. д. Эти признаки, сами по себе реальные, отражающие действительность, не составляют в теории Маркса логически взаимоувязанной совокупности.

Введение Вебером понятия «идеальный тип» в обществоведение открыло дорогу для ввода в него абстрактно простейших моделей, подобных тем, что издавна используются в естествознании («идеальная жидкость», «идеальный газ», «абсолютно твердое тело» и т. д.). Идеальные типы социальных явлений можно использовать для теоретического изучения реальных явлений. Ведь идеальная модель в естествознании и идеальный тип в обществоведении различаются лишь словесными оболочками. И та, и другая являются некими абстрактными моделями, хотя пока в социологии они не столь просты и строги, как в естествознании.

Как логическое средство, идеальный тип соответствует обычному понятию в формальной логике. Оба они суть идеальные модели каких-то явлений. Разница между ними в том, что обычное понятие отражает серийные явления (например, вещи), а идеальный тип – уникальные или абстрактные, которые с трудом поддаются или вообще не поддаются количественному измерению (исторический период, капитализм, социальное действие, господство). Но в обоих случаях эти логические средства являются идеальными моделями каких-то явлений [12, с. 158–159].

Главное достоинство любых идеальных моделей состоит в том, что, меняя их параметры, можно изучать возможное поведение отдельных явлений, не прибегая к экспериментам. Сравнение теоретически предсказанного поведения с реальным позволяет оценить пригодность конкретной модели для описания того или иного явления.

Второе важное (возможное) достоинство моделирования в том, что оно устраняет проблему жесткого детерминизма, который якобы присущ естествознанию и не оправдывает себя в общественных науках.

Представляется, что в некоторых идеальных моделях естественных явлений жесткий детерминизм отсутствует. Это происходит тогда, когда функциональная зависимость возможного состояния явления от изменяющихся параметров определяется по усложненной формуле большой посылки условно-категорического силлогизма.

В простейшем виде большая посылка этого силлогизма выражается в формуле: «Если А, то В», характерной для жесткого детерминизма. В усложненном виде – формулой: «Если А, и В, и С..., то Д». Таков, например, закон Авогадро, утверждающий, что в равных объемах различных газов, взятых при одинаковых температурах и давлении, содержится одно и то же число молекул. Но очевидно, что одно и то же число молекул может оказаться в различающихся по объему, температуре и давлению газах, по формуле: «Если А1, В1, С1..., то Д».

В обществоведении аналогичное утверждение, учитывающее два параметра, высказано Лениным относительно революционной ситуации, которая возникает, когда низы не хотят «жить, как прежде», верхи не могут «хозяйничать и управлять, как прежде». Но возможен обратный случай, чреватый революционной ситуацией, когда «...верхи не хотят, низы не могут» [13]. Теоретически возможны еще два кризисных (если не революционных) состояния общества: «верхи и низы не хотят» и «верхи и низы не могут».

В обществоведении вообще (и в социологии в частности) в настоящее время можно строить теоретические модели (описания), используя ограниченный набор исходных представлений о важнейших характеристиках (параметрах) явления. Главная проблема состоит в том, чтобы выбрать эти представления из массы возможных, четко задать их, построить на их основе базовые понятия и использовать полученные теоретические средства для описания конкретного явления или процесса.

Исходные принципы построения теоретических моделей в обществоведении. Два взаимосвязанных принципа необходимо учитывать при построении теоретических моделей (описаний) социальных явлений в обществоведении:

1) принцип сопряжения двух методов, образующих единый познавательный процесс:
а) метода постепенного проникновения в содержание интуитивно ясного представления и
б) метода постепенного углубления в структуру явления;

2) принцип использования единственного типа взаимодействия между людьми для выбора исходных представлений, отражающих ограниченный набор существенных характеристик явления.

Принцип сопряжения метода постепенного проникновения в содержание представления и метода постепенного углубления в структуру явления призван решить проблему, поставленную Б. Паскалем.

Великий мыслитель, рассуждая о положении человека в мире, отмечал, что тот расположен между двумя бесконечностями – бесконечно большим и бесконечно малым, он «ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием». Поэтому человек «бесконечно

далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной». Учитывая бесконечность малого, Паскаль с иронией относился к тем мыслителям, кто писал о «началах философии» или «началах вещей». По его мнению, понятия, «которые кажутся последними, не держатся сами собой, а опираются на другие, у которых есть еще другие для опоры, и последних для них никогда не бывает. Но мы считаем последними те, что представляются нашему разуму; так мы поступаем с миром вещественным, где называем неделимой точку ту, за которой наши чувства не воспринимают ничего...» [14, с. 115–116].

Если полностью принять эту точку зрения, у нас нет опоры, чтобы начать *теоретический* процесс познания. Исходные понятия любой теории требуют определения, которое содержит другие понятия, требующие, в свою очередь, определения, и т. д. Возможно ли выйти из замкнутого круга и найти начала в процессе теоретического познания?

Выход невозможен, если полагать, что понятия всегда определяются через понятия. Но он возможен, если признать, что исходные понятия определяются через интуитивно ясные на данном уровне рассмотрения представления (чувственно-наглядные образы).

Выражение «представления, интуитивно ясные на данном уровне рассмотрения», означает, что содержание данного представления не анализируется, а рассматривается как нечто простое и ясное. Это не значит, что в дальнейшем это содержание не может быть уточнено через другие представления, равным образом считающиеся интуитивно ясными, а содержание последних, в свой черед, не может быть рассмотрено через новый набор интуитивно ясных представлений и т. д. Движение в этом направлении и можно назвать методом постепенного проникновения в содержание представления.

Этот метод сопряжен с естественнонаучным методом постепенного углубления в явление и является его теоретическим отражением. Известно, что атом изначально понимался как некая простая неделимая частица. Но позже данные, полученные экспериментальным путем, заставили ученых отказаться от идеи абсолютной неделимости и признать сложность строения атома. Поэтому была предложена планетарная модель атома, основанная на интуитивно ясных представлениях о ядре и электронах как простых частицах, составляющих атом. Затем подверглись рассмотрению структуры ядра, электронов и т. д.

Конечным результатом сопряжения обоих методов является теоретическая модель явления. Разница в применении этого метода в естествознании и обществоведении заключается в причинах, обуславливающих необходимость перехода к новому, более абстрактному уровню интуитивно ясных представлений. В естествознании она вызывается, по преимуществу, вновь полученными экспериментальными данными. А в обществоведении – кризисными процессами в обществе и его отдельных частях и, соответственно, недостаточностью объяснительной и прогностической мощи той или иной теории.

Принцип использования единственного типа взаимодействия между людьми для выбора исходных представлений с целью создания некой теории в неявном виде содержится в утверждении П. А. Сорокина о том, что на основе качественно различных типов взаимодействия между людьми возникают качественно различные человеческие объединения. При этом он различал интеллектуальное, волевое и чувственное взаимодействия [15, с. 26–29].

Это положение может выполнить в процессе моделирования двоякую функцию. Во-первых, оно позволяет ограничить область и количество исходных представлений, необходимых для построения теории. Во-вторых, оно открывает возможность сблизить теорети-

ческие описания природных явлений и процессов с аналогичными описаниями в обществе. Ведь в естествознании (для простоты построения) в основу теории издавна полагали какой-то один из возможных типов взаимодействия между объектами, без учета других. В частности, Ньютон построил свою теорию всемирного тяготения, выделив особый тип взаимодействия между материальными точками, хотя между реальными объектами природы существуют и другие типы взаимодействия (магнитное или тепловое). Позже физики отдельно изучали электромагнитное взаимодействие, «забыв», что между реальными магнитами существует и гравитационное взаимодействие. Химики принялись за изучение взаимодействия между атомами и молекулами, биологи изучали взаимодействие между видами растений и животных в биоценозах и т. д.

Закключение. Решение глобальных проблем человечества требует сближения методологии теоретической социологии с методологией естественных наук. Это сближение возможно при опоре на общий для обеих сфер познания метод моделирования, реализуемый в процессе сопряжения постепенного проникновения в содержание представления, отражающего явление, с постепенным углублением в структуру явления. Для построения общезначимых моделей (теорий) в социологии необходимо:

- 1) создать и согласовать минимальный перечень интуитивно ясных представлений, общий для большинства обществоведческих наук;
- 2) выявить и принять минимальный перечень интуитивно понимаемых типов взаимодействия между людьми, на основе которых возникают качественно различные объединения людей.

Частично эти задачи решены авторами деятельностно-ценностного подхода к описанию социальных процессов и явлений [16]*.

Теоретические средства, разработанные в рамках деятельностно-ценностного подхода, применены в описании личности как предмета социологии, эволюции общества, общественного здоровья и др. [17], [18]. Независимо от адекватности предлагаемых в этом подходе средств можно утверждать, что лишь сближение методологии общественных наук с методологией естественных позволит обществоведам ответить на грозные вызовы, ставшие перед человечеством. Возвращение к позитивизму – веление времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Szelenyi I. Triple Crisis of US Sociology // *Global Dialogue*. 2015. Vol. 5, № 2. P. 4–7.
2. Дудина В. И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // *Социологические исслед.* 2015. № 6. С. 13–21.
3. *Социология: учеб.* / под ред. Д. В. Иванова. М.: Высш. образование, 2005. 326 с.
4. Гидденс Э. *Социология* / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. *Познание* // *Филос. энцикл. слов. М.: Сов. энцикл.*, 1983. С. 506.

* В этом подходе интуитивно ясными считаются представления, обозначаемые словами «множество», «человек», «взаимодействие», «скоррелированность». Интуитивно понимаемыми типами взаимодействия признаются: *природное, чувственное, рече-коммуникационное, деятельностное и правовое*. В каждом из них происходит обмен качественно различными «предметами» обмена. В природном взаимодействии наиболее существенен обмен генами. В чувственном – обмен чувствами. Рече-коммуникационное взаимодействие характерно обменом информацией (знаками, символами, смыслами). Деятельностное взаимодействие заключается в обмене результатами деятельности (продуктами и услугами). В правовом взаимодействии люди обмениваются решениями.

6. Лекторский А. В. Объект // Филос. энцикл. слов. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 453.
7. Лекторский А. В. Субъект // Филос. энцикл. слов. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 661.
8. Бороноев А. О., Письмак Ю. М., Смирнов П. И. Моделирование социальных систем: концепция и основные категории // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2 / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. С. 81–92.
9. Смирнов П. И., Смирнов Г. П. Активность человека: совокупность основных проявлений // Вторые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 16–17 нояб. 2007 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб., 2007. С. 83–89.
10. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 907 с.
11. Weber M. The Methodology of Social Sciences / Transl. and Ed. by E. A. Shils and H. A. Finch. New York, 1949. 112 p.
12. Смирнов П. И. Управление эволюцией общества: необходимость, средства, ориентиры. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 364 с.
13. Мацкив М. Политический журнал. URL: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=156&tek=8238&issue=221> (дата обращения: 24.11.2015).
14. Паскаль Б. Мысли. Афоризмы / пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: АСТ: Апрель, 2011. 332 с.
15. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Ч. 2. Сыктывкар: Коминвест, 1991. 192 с.
16. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Деятельностно-ценностный подход к описанию социальных явлений: основные положения // Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2011. С. 114–138.
17. Бороноев А. О., Письмак Ю. М., Смирнов П. И. Социология. Введение в проблемы познания общества: учеб. пособие для системы образования взрослых; под ред. П. И. Смирнова. СПб.: Институт образования взрослых, 2010. 576 с.
18. Смирнов П. И. Управление эволюцией общества: необходимость, средства, ориентиры. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 364 с.

P. I. Smirnov

Saint Petersburg State University

RETURN TO POSITIVISM IN THEORETICAL SOCIOLOGY: NECESSITY AND POSSIBILITY

This article proves the necessity to go back to the principles of positivism in theoretical sociology in order to have an adequate reflection of problems common to all mankind. An attempt to bring together methodology of cognition in sociology and methodology of natural sciences based on the modeling method is made. Principles and means of construction of theoretical models of social phenomena are considered.

Positivism, modeling, ideal type, interaction

УДК 316(075.8)

В. Я. Фетисов

Санкт-Петербургский государственный университет

ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРЕДМЕТА СОЦИОЛОГИИ К РАСКРЫТИЮ ЕЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Констатируется отсутствие взаимодействия между российским обществом и социальным знанием, необходимое для развития каждого из них. С данных позиций анализируется социология как важная составляющая социального знания, ее кризисное состояние, проявляющееся в неспособности выполнять социальные функции. Предлагается иная по сравнению с существующими трактовка определения предмета социологии, и на этой основе вносятся коррективы в ее содержание, раскрываются гносеологические и социальные функции.

Специфика социологии, социальная жизнь как ее предмет, целерациональная деятельность, вектор динамики общества, индивиды и общности как субъекты, социальная активность россиян

Анализ отношений между российским обществом и социальными науками дает основание для вывода о том, что на макроуровне они движутся параллельными курсами, не пересекаясь и не взаимодействуя. Между тем, как известно, один из важнейших стимулов развития всех наук – естественных, технических и социальных – их востребованность со стороны производства и общества, о чем постоянно в наши дни напоминает лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алферов. Отсутствие реальной потребности в социальном знании есть верный признак слабости общества, его неспособности к постоянному обновлению – необходимому способу укрепления собственной стабильности.

Для взаимодействия социальной практики и науки каждая из сторон должна пройти свою половину пути, в противном случае их «встреча» не будет плодотворной. Данное положение относится как к социальному знанию в целом, так и к отдельным его составляющим. Попытаемся выяснить, что должна делать социология, находящаяся, по признанию многих теоретиков, в кризисе, чтобы ее взаимодействие с практикой было эффективным и взаимно полезным. Предлагаемый анализ носит предварительный и относительный характер и поэтому, естественно, не претендует на полноту раскрытия указанной проблемы.

Социология принадлежит к числу тех наук, относительно специфики которых ведется длительная дискуссия, однако еще не приведшая к сколько-нибудь однозначной ее трактовке. Представляется, что решение данной проблемы предполагает, прежде всего, обращение к особенностям научного знания вообще, безотносительно к его конкретным формам. Игнорирование общих свойств, присущих различным наукам, ведет к тому, что они редуцируются к другим формам познавательной деятельности – повседневной практике, искусству и религии, в результате чего утрачиваются их специфические функции [1].

Наука как особая форма познавательной деятельности и ее результат может быть представлена следующей схемой: «объект – предмет – методы и средства исследования – содержание как система знаний – гносеологические и социальные функции». Эти компоненты являются инвариантными и не изменяются при смене исторических типов научности. Степень научности отдельных отраслей, прежде всего, определяется тем, в какой мере раскрыты, во-

первых, специфика каждого из указанных звеньев, во-вторых, связь между ними и, в-третьих, взаимодействие науки с практикой, осуществляющееся через ее социальные функции.

Анализ социологии под этим углом зрения показывает: все ее стороны носят проблемный характер и, следовательно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Кризисное состояние социологии проявляется в атомизации ее содержания, в отсутствии системности как атрибута науки, в господстве социологического номинализма и методологического индивидуализма, в разрыве теоретического и эмпирического уровней исследований, в падении интереса к общим вопросам. Как результат – низкая объяснительная, критическая и прогностическая способность данной науки, крайне слабая ее востребованность со стороны общества. Одна из главных причин неспособности социологии выполнять свой познавательный и социальный потенциал – недостаточный уровень ее научности, повышение которого опирается в теоретически обоснованное определение предмета.

Как известно, общая тенденция познания мира состоит в переходе от синкретического его представления в мифологии, религии, философии ко все более дифференцированному научному видению. Как естественные, так и социогуманитарные науки добились значительных успехов на этом пути. Однако на определенном этапе начинает осознаваться необходимость синтеза знаний о социальной реальности, на что обратил внимание еще Конт. Возникновение социологии и есть ответ на эту потребность познания и практики. Поэтому неслучайно представление отдельных, узких сторон общества в качестве ее предмета не увенчалось признанием. Вместе с тем и другая крайность, согласно которой не различаются объект и предмет, в результате чего предметом данной науки объявляется общество в целом, справедливо подвергается критике [2].

Социология, по нашему мнению, исследует общество, различные его объединения, группы и индивидов с позиции становления их целостными, относительно автономными, социальными единицами. Под этим углом зрения она рассматривает их содержание и структуру, отношения, формы деятельности, общения и поведения. Поэтому можно утверждать: предметом социологии выступает социальная жизнь общества как его особый срез, отличающийся от экономики, политики, идеологии и т. д., но органично связанный с ними, о чем свидетельствуют пограничные области знаний (экономическая социология, политическая социология, социология культуры и др.).

Различия между социальной жизнью и жизнью, например, экономической прежде всего проявляются в их подходе к человеку. Экономика еще со времен А. Смита рассматривает человека как существо независимое, эгоистичное, сориентированное на рациональное достижение своих индивидуальных идей. В социальной же жизни индивид характеризуется степенью его включенности в общественную среду, содержанием и направленностью потребностей и интересов, ценностей и норм, уровнем культуры как регулятором поведения, отношений и деятельности. Различие между *homo economicus* и *homo sociologicus* было показано еще классиками (К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин), но сейчас оно приобретает особую значимость и остроту.

Если в других видах жизнедеятельности создание материальных и духовных благ, структур и институтов выступает в качестве самоцелей, то в социальной жизни их результаты превращаются в ее предпосылки, условия, средства. Тем самым они включаются уже в иные связи и отношения, переводятся в особое, качественно новое – социальное – русло, функционирующее и развивающееся по своим закономерностям. По своей внутренней при-

роде социальная жизнь более непосредственно, по сравнению с другими видами, сориентирована на сохранение, воспроизводство и развитие общества, групп и индивидов. Прежде эти процессы нередко противопоставлялись друг другу: развитие осуществлялось за счет сохранения, и, наоборот, оно само часто приносилось в жертву стабильности.

История многих стран, а России в особенности, демонстрирует эти крайности в их исторической динамике. В современном мире ситуация существенно меняется. Происходящие в нем процессы показывают: общество может сохранить себя не иначе, как посредством социального развития. Данное обстоятельство обусловлено рядом факторов – постоянным ростом потребностей населения, конкурентной борьбой в мире, необходимостью обеспечения независимости государства, его обороноспособности и т. д. Социальное развитие предполагает значительное расширение поля свободы, возможностей для сознательной, целерациональной деятельности на всех уровнях, соответствующую ей трансформацию отношений, общения и поведения. Если этого нет, то трудно ожидать успехов в тех или иных конкретных сферах. Речь идет о социальной жизни, опирающейся на экономику, политику и другие сферы социальной жизни, теоретическим выражением которой, по нашему мнению, и является социология.

При определении предмета науки имеется в виду идеальный объект, который не может быть непосредственно выведен из эмпирической реальности. Он – результат ее теоретического обобщения. Если в науке не разработано представление о предмете как идеальном объекте, то познание страдает поверхностным эмпиризмом, мелкотемьем, атомизацией знания, оборачивающейся созданием фикций, не имеющих под собой онтологических оснований. В. С. Степин отмечает: «... Там, где наука не может сконструировать предмет и представить его сущностными связями, там и кончаются ее притязания» [3]. Обладая относительной самостоятельностью по отношению к реальности, предмет науки содержит в себе значительный познавательный потенциал. Он способствует раскрытию в ней не только сущего, но и должного, не только структуры, но и тенденций динамики... Наличие предмета как модели социальной реальности содействует высвечиванию ее важнейших проблем, которые в противном случае оказываются на периферии внимания. Очерчивание предмета науки помогает выявить связи и взаимодействия между различными теориями, формируя тем самым представление о содержании науки как системы знаний.

Отметим некоторые наиболее существенные черты социологии, вытекающие из предложенной трактовки ее предмета. Во-первых, она позволяет раскрыть логику развития данной науки. Поскольку социальная жизнь представляет собой сложное явление, формирование разных сторон которого происходило неравномерно, то в разное время внимание акцентируется на разных ее аспектах. Н. И. Лапин, отмечая различие во взглядах на социологию классиков и современных авторов, пишет о том, что их конструктивное совмещение представляет собой важную проблему данной науки [4]. По моему мнению, оно возможно на основе признания в качестве предмета социологии динамично развивающейся социальной жизни общества.

Действительно, если Конт главное внимание обращал на общество как целостное образование, основу которого составляет всеобщее согласие, то Спенсер делал акцент на взаимодействии его дифференцированных компонентов, а Вебер – на индивидах, их смыслах, ценностях и действиях. Дюркгейма же больше интересовала совокупность институтов, обеспечивающих солидарность людей. В современной социологии получила распространение идея о доминирующей роли социальных субъектов, практически преобразующих различные структуры и институты. Отсюда появление деятельностно-активистских теорий, пафос которых «состоит в

том, что в нашу эпоху люди, сообразуясь с традициями прошлого, экономическими и другими условиями, все же сами делают свою историю» [5, с. 26]. Таким образом, можно констатировать: внимание в социологии постепенно переносится с форм взаимодействия людей на их деятельность, представляющую собой стержень социальной жизни.

Во-вторых, изложенный подход позволяет «навести мосты» между различными социологическими теориями, превратить их из простой совокупности в систему знаний и, следовательно, повысить научный статус социологии в целом. Наука как система более содержательно и конкретно по сравнению с фрагментарным знанием раскрывает изучаемую область реальности и потому значительно эффективнее может взаимодействовать с ней.

В-третьих, предложенное определение предметного поля социологии вносит коррективы и существенно расширяет функции данной науки. В литературе справедливо отмечается: «...Социология во многом остается описательной наукой. Она с трудом обретает статус объяснительной дисциплины» [6, с. 4]. Эта мысль требует продолжения. Речь должна идти также о выполнении социологией критической и прогностической функции и, что весьма важно, функции теоретического обоснования процессов сохранения, воспроизводства и развития общества. Редукция социологии к другим наукам, как в прошлом, так и в настоящем, получившая наиболее полное выражение в позитивизме, сведение ее к совокупности отдельных теорий и эмпирическим исследованиям, означает утрату этой важной роли. Между тем она не только является продолжением предыдущих функций, но и оказывает на них обратное влияние, предъявляет к ним более высокие требования.

Конкретное и обобщенное проявление данная роль социологии находит в теоретическом обосновании вектора динамики общества. Современные социальные системы нередко оказываются в состоянии неопределенности, бифуркации, что требует сравнительного анализа эффективности альтернативных путей выхода из него. При этом важно видеть диапазон реальных траекторий, чтобы не впасть в утопические проекты. Выдвижение стратегических целей, способов и средств их реализации не является монополией социологии, но то, что ей в силу внутренней природы должна принадлежать решающая роль, – бесспорно.

К сожалению, в современном российском обществе выполнение этой функции отдано на откуп другим дисциплинам, чем во многом объясняется предельное снижение стратегических задач, а те проекты, которые выдвигаются, страдают абстрактностью, неэффективностью, оторванностью от интересов основных слоев и, следовательно, нереалистичностью. Из сказанного следует: одна из основных задач социологии заключается в том, чтобы сопоставлять полученные по истечении определенного времени результаты с целями, планами, проектами и, в зависимости от степени их совпадения, вносить коррективы в последующую деятельность. Такая трактовка роли социологии близка к пониманию социальных функций теории, высказываемому на международных симпозиумах, проводимых под руководством Т. И. Заславской «Куда идет и куда пришла Россия?» [7].

Некоторые российские социологи пытаются дать обобщенную характеристику результатов преобразований, осуществленных за последнюю четверть века, сравнить их с итогами реформ в других странах, особенно в Китае. Однако эти исследования, во-первых, не превратились в устойчивый тренд социологии, и, во-вторых, в них недостаточно полно раскрывается состояние социальной жизни как фокуса и критерия всех изменений в обществе. Отмеченные черты во многом объясняются неостребованностью социального знания, что свидетельствует о неспособности политической элиты общества эффективно решать проблемы его

развития. Однако если нет действительного продвижения, то оно заменяется различного рода имитациями, на что обращает внимание известный социолог Ж. Т. Тощенко.

Отсутствие четко очерченной стратегической цели в развитии общества, его различных сфер и институтов представляет, по его мнению, исходную базу имитации. Она, в свою очередь, ведет к манипуляции общественным сознанием, к переключению внимания людей с действительных социальных проблем на малозначимые вопросы. Отсюда проистекает и профанация многих явлений – прошлых, так и настоящих [8, с. 314–340]. В результате складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, налицо избыток знаний, а с другой – его недостаток. Речь идет о недостатке качественно нового знания, потребность в котором порождается сознательной, целерациональной, социально ориентированной деятельностью людей.

Реализация стратегических целей общества невозможна без разработки и применения социальных технологий. В общем виде под технологиями понимаются теоретически обоснованные и эмпирически апробированные системы методов, способов и средств воздействия субъектов на объекты с целью получения запрограммированных результатов. Одна из особенностей социальных технологий состоит в их более непосредственной по сравнению с другими видами направленности на удовлетворение потребностей и интересов индивидов, групп и общностей. Другая, тесно связанная с первой, заключается в том, что они носят не только субъектно-объектный, но и субъектно-субъектный характер. Так, например, на смену педагогическим приходят образовательные технологии, подразумевающие скоординированную деятельность не одной, а обеих сторон – кто обучает и кто обучается.

Следует отметить: при реализации социальных целей имеют место две крайности. Первая проявляется в недооценке технологий, ведущей к тому, что цели остаются на уровне «деклараций о намерениях». Вторая состоит в «подмене реального творчества формально-рациональной имитацией, в которой смыслы замещаются искусственно созданными показателями и индикаторами. Определенная предпосылка для этого заключается в самой сущности социальных технологий как процедур и операций, осуществляемых по жесткому алгоритму. Гиперболизация формальных правил «приводит к выхолащиванию целей» [9, с. 135].

Обе крайности, являющиеся отклонениями от целерациональной, социально ориентированной деятельности, получили широкое распространение в российском обществе. Не обошли они стороной и высшую школу, где абсолютизация формально-рациональной стороны крайне негативно сказывается на работе профессорско-преподавательского состава, на качестве подготовки будущих специалистов.

С точки зрения анализа способов и средств достижения социальных целей, нельзя обойти вниманием намечающуюся в стране новую масштабную приватизацию. Возникают большие сомнения относительно ее эффективности с точки зрения развития экономики, диверсификации производства, перехода к новым технологическим укладам, увеличения занятости, повышения уровня и качества социальной жизни. Предшествующий опыт принятия подобных мер, прежде всего, ваучеризации, показал, что в целом россияне не стали более свободными, не возросли их возможности как субъектов целерациональной деятельности. Если их политические права несколько расширились, то социально-экономические существенно сузились, снизилась их социальная защита. На разных уровнях произошла деформация других сторон социальной жизни – отношений, общения и поведения. Приватизация государственных предприятий и имущества есть не что иное, как латание дыр в бюджете, образовавшихся в результате проведения либерального курса в экономике, что говорит о необходимости внесения существенных корректив в проводимую политику.

Важная задача, вытекающая из названной выше функции социологии, – выявление социальных проблем общества на основе предельно критических показателей. Под ними понимается такое состояние различных сфер, которое угрожает стабильности и безопасности социума, подрывает достигнутый уровень и качество жизни, противоречит интересам и ценностям большинства, осознается людьми и может быть изменено посредством их деятельности. Вопрос о роли различных общностей, групп и индивидов как акторах и субъектах трансформационных процессов особенно актуален в современной России.

Проблемы, связанные с процессом сохранения, воспроизводства и развития общества, в процессе дальнейшего анализа дифференцируются, дробятся на менее фундаментальные, «перетекают» в русло более конкретных задач, способов и средств их решения. Суть состоит в том, чтобы, трансформируясь, они сохранили связь с указанным процессом. Здесь и возникает вопрос о сочетании долгосрочных и текущих задач, стратегических целей общества и ориентиров индивидов.

Так, например, впечатляющие успехи СССР во многом объясняются принципиальным совпадением планов государства с интересами большинства. В последние же десятилетия его существования по разным причинам происходило расхождение между ними. Как известно, в 1961 г. Н. С. Хрущев выдвинул цель – построить в стране коммунизм к 1980-му году. Она была утопична, объективно недостижима и поэтому не могла стимулировать активность людей. В этом проявилось нарушение такого существенного свойства социальной деятельности, как градиент цели, который характеризуется возрастанием мотивации и активности по мере приближения к реально достижимой цели.

Иную картину, например, мы наблюдаем в современном Китае. Там в качестве перспективной цели выступает построение социализма с китайской спецификой, а ближайшей целью – понятная и доступная большинству – создание общества средней зажиточности (сяо кан). Оно предполагает обеспечение каждого члена общества жильем, работой, устойчивым достатком, возможностью получить образование, пользоваться необходимыми медицинскими услугами. Намечены и конкретные реальные сроки достижения такого состояния общества.

В нашей стране социологи на основе эмпирических исследований делают вывод о том, что значительная часть россиян аполитична, склонна поддерживать сильную власть, малоактивна в политической и социальной деятельности. Вместе с тем наблюдения показывают: происходит некоторое повышение активности и смещение ее в сторону вопросов «близкой дистанции». Речь идет о движениях обманутых дольщиков, против уплотнительной застройки и за сохранение зеленых зон, за наведение порядка в работе ЖКХ и т. д.

При этом отмечается важное обстоятельство: забота о своем частном благе часто перетекает в заботу об общественном благе [10, с. 25]. Безусловно, это «перетекание» станет более масштабным и интенсивным, если будет выдвинута теоретически обоснованная, четкая и ясная программа действий, органично увязанная с потребностями, интересами и ценностями граждан.

Функция социологии как теории социальной жизни, основу которой составляют различные виды деятельности и взаимодействий, опирается на описание и объяснение социальных процессов, их прогнозирование, на эмпирические исследования. Без них она вырождается в субъективистские и волюнтаристские концепции. Однако и она, как отмечалось, оказывает на них воздействие, предъявляет к ним новые, более высокие требования. Реализация данной

роли способствует взаимодействию всех звеньев науки, придает им динамизм, идущий от потребностей практики, содействует преодолению кризиса, в котором оказалась социология, «застряв» на ступени дескриптивности реальности.

Таким образом, выполнение социальных функций социологии может быть обеспечено в результате повышения ее научности, что предъявляет соответствующие требования к социологам и к социологическому образованию, которое представляет собой одну из форм реализации наукой своей социальной роли. В настоящее время происходит «увядание» социологии как учебной дисциплины, о чем свидетельствует превращение ее в дисциплину по выбору, практически означающее ее исключение из образовательного процесса российских вузов. Между тем в связи с другими социогуманитарными курсами она несет не только большую просветительскую нагрузку, но и выполняет важную роль в формировании будущих специалистов как субъектов социальной жизни. В этом плане нельзя не вспомнить слова П. Сорокина о том, что Россию губит социологическое невежество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фетисов В. Я. Эволюция социологии: Обретение новых смыслов и функций // Телескоп: Журн. социологических и маркетинговых исслед. 2015. № 1. С. 21–25.
2. Тощенко Ж. Т. О социологических стратегиях в социологии // Вестн. РГГУ. 2014. № 4. С. 11–21.
3. Степин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М.: Academia, 2008. 536 с.
4. Лапин Н. И. Предмет и методология социологии // Социологические исслед. 2002. № 2. С. 106–119.
5. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
6. Иванов О. И. Социологическое объяснение: к характеристике современных практик // Социологические исслед. 2014. № 3. С. 3–9.
7. Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2009. 408 с.
8. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
9. Бабинцев В. П. Белгородская школа исследований социальных технологий // Высш. образование в России. 2016. № 2 (198). С. 132–136.
10. Воробьева И. В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исслед. 2016. № 1. С. 17–26.

V. Ya. Fetisov

Saint Petersburg State University

FROM ONTOLOGICAL SUBJECT OF SOCIOLOGY JUSTIFICATION TO DISCLOSURE OF ITS SOCIAL FUNCTIONS

The lack of interaction between the Russian society and social knowledge necessary for the development of each of them is stated. Sociology is analyzed from these positions as an important component of social knowledge, its state of crisis, which manifests itself in inability to perform social functions. A different compared to the existing interpretation of the definition of the sociology subject is suggested, and on this basis, adjustments are made concerning its content, epistemological and social functions are revealed. Justification of the latter increases interest to sociology, contributes to its demand on the part of the society.

The specificity of sociology, social life as its subject, purposeful-rational activities, society dynamics vector, individuals and the community as subjects, social activity of Russians

Барыкин Сергей Евгеньевич

Д-р экон. наук, доцент, профессор Международной высшей школы управления Инженерно-экономического института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Тел.: +7 (911) 928-71-96. E-mail: sbe@list.ru

Брусакова Ирина Александровна

Д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел. +7 (931) 257-36-70. E-mail: brusakovai@mail.ru

Будрин Александр Германович

Д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и коммуникаций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Тел.: +7 (921) 336-94-86. E-mail: ag_budrin@mail.ru

Горячев Алексей Александрович

Канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 910-83-00. E-mail: aga@list.ru

Гуляева Ольга Анатольевна

Канд. техн. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел. +7 (911) 908-19-30. E-mail: oaioa@mail.ru

Добросердова Ирина Игоревна

Канд. экон. наук, профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса, руководитель академического отделения «Экономика» Института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (911) 995-00-59. E-mail: dobroserdova@mail.ru

Зонис Марина Марковна

Старший преподаватель кафедры маркетинга и коммуникаций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Тел.: +7 (921) 347-83-84. E-mail: zonis@mail.ru

Иванов Олег Иванович

Д-р филос. наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (981) 744-88-52. E-mail: oliv2002@rambler.ru

Игнатьев Владимир Игоревич

Д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного технического университета.

Тел.: +7 (913) 728-47-89. E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

Короткий Сергей Викторович

Канд. филос. наук, доцент кафедры организации и управления Национального минерально-сырьевого университета «Горный».

Тел.: +7 (921) 399-30-06. E-mail: s.v.korotkiy@gmail.com

Кузин Иван Владиленович

Канд. филос. наук, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (911) 145-70-61. E-mail: iaffet@newmail.ru

Мардас Анатолий Николаевич

Д-р воен. наук, канд. техн. наук, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел. +7 (906) 228-61-77. E-mail: a.n.mardas@mail.ru

Мардас Дмитрий Анатольевич

Ассистент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел. +7 (981) 879-34-59. E-mail: denmarru@mail.ru

Милецкий Владимир Петрович

Д-р полит. наук, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 019-59-97. E-mail: falesm@mail.ru

Мишальченко Юрий Владимирович

Д-р юрид. наук, д-р экон. наук, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (950) 023-90-11. E-mail: myv2008@mail.ru

Пименов Никита Павлович

Аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 404-50-30. E-mail: n.pimenov@bk.ru

Семенов Виктор Павлович

Д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 424-51-10. E-mail: vps@etu.ru

Склярова Анастасия Максимовна

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 257-11-39. E-mail: tm.sklyarova@gmail.com

Смирнов Петр Иванович

Д-р филос. наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (905) 266-49-97. E-mail: smirnovpi@mail.ru

Солдатова Анастасия Владимировна

Соискатель кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (911) 704-19-79. E-mail: nastika@bk.ru

Сулейманкадиева Алжанат Эльдеркадиевна

Д-р. экон. наук, доцент кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 154-96-10. E-mail: saljanat@mail.ru

Тузов Виктор Васильевич

Д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 752-75-69. E-mail: tuzov_1950@mail.ru

Тумарова Татьяна Гельцевна

Канд. экон. наук, профессор, директор Института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (921) 747-24-40. E-mail: tumarova@finес.ru

Фетисов Владимир Яковлевич

Д-р филос. наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (812) 552-13-22, +7 (911) 232-06-51. E-mail: acooper2002@mail.ru

Фомичева Наталья Михайловна

Канд. экон. наук, профессор кафедры страхования и управления рисками, руководитель отделения по науке и практике института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (921) 317-23-18. E-mail: n.fomichewa@yandex.ru

Ююкина Татьяна Игоревна

Аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (921) 925-66-41. E-mail: uu2003@mail.ru

В редакционный совет журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- файлы на CD-диске (в отдельных случаях по предварительному согласованию с редсоветом допустима передача материалов по электронной почте):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи (статья должна быть объемом до 1 п. л. (40 000 знаков, включая пробелы));
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендация кафедры с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - экспертное заключение о возможности опубликования материала в открытой печати;
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих (не обучающихся) в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Сведения об авторах должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью) автора.
2. Основное место работы.
3. Должность.
4. Ученую степень, ученое звание.
5. Контактный телефон, адрес электронной почты.

Все сведения печатаются в строку (без отступов между абзацами) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, содержать признаки научной публикации:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее, нижнее и левое 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- основной текст статьи: шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; первая строка с абзацным отступом 0,8 см; междустрочный интервал «Множитель 1,15»; автоматическая расстановка переносов.

На первой странице указывается индекс УДК (в левом верхнем углу; шрифт «Times New Roman» 14 pt; междустрочный интервал одинарный); далее даются инициалы и фамилии авторов, затем основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на русском языке. Инициалы и фамилии авторов, основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на английском языке размещаются в конце публикации после библиографического списка.

Перечень авторов разделен запятыми, инициалы перед фамилиями (шрифт «Times New Roman» 12 pt, полужирный; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 20 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Основное место работы набирается строчными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, курсив; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 0 pt, после 8 pt, междустрочный интервал одинарный).

Название статьи набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 15 pt; полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него – 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Аннотация содержит 3–7 строк, характеризующих содержание статьи (шрифт «Times New Roman» 9 pt, курсив; выравнивание по ширине; отступы: слева и справа 0,8 см; интервалы перед абзацем 6 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Ключевые слова состоят из 3–10 слов и словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми, в конце их перечисления точка не ставится; шрифт «Times New Roman» 10 pt, полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Далее следует текст статьи.

После основного текста следует библиографический список, который включает:

➤ *заголовок* «Список литературы» набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный; выравнивание по центру; интервалы: перед абзацем 12 pt, после него 8 pt; междустрочный интервал одинарный);

➤ *библиографическое описание источника* с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ 7.3–2003. Библиографическое описание документа. Введ. 01.07.2004 / Госкомстандарт. М., 2004 (отдельным абзацем; шрифт «Times New Roman» 10 pt; первая строка с абзацным отступом 0,8 см; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Сноски постраничные. Нумерация сносок сквозная в рамках страницы (шрифт «Times New Roman» 10 pt, обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Для создания *формул* используется редактор MathType. Необходимо использовать следующие установки редактора формул. Размеры: «полный» 12 pt, «подстрочный» 10 pt, «под-подстрочный» 8 pt, «символ» 16 pt, «подсимвол» 14 pt; стили: текст, функция, число – шрифт «Times New Roman», вектор-матрица – шрифт «Times New Roman», полужирный; греческий малый, греческий большой, символ – шрифт «Symbol», прямой; переменная – шрифт «Times New Roman», курсив.

При наборе формул без использования редактора формул индексы ставятся размером 10 pt со смещением на 3 pt вверх или вниз (Главная → Шрифт → Дополнительно → Смещение) в зависимости от того, надстрочный или подстрочный индекс. Не использовать Шрифт → Видоизменение → надстрочный/подстрочный. Если у величины есть одновременно и надстрочные, и подстрочные символы, то формула создается только в редакторе MathType.

Формулы, помещенные на отдельной строке, набираются с интервалами: перед формулой 4 pt, после нее 4 pt; междустрочный интервал одинарный.

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (напр.: рис. 1, табл. 3).

Текст в *таблицах* печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами (без знака номера перед ними и без точки на конце, интервал перед 6 pt, после 4 pt; выравнивается по правому краю таблицы и выделяется светлым курсивом). Ширина таблицы не более 16,5 см, интервал после нее 6 pt.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами (CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)) в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. Основные линии на рисунках (границы блоков и соединительные линии на схемах, линии графиков) имеют толщину 1 pt, вспомогательные (линии-выноски, оси, размерные линии) – 0,6 pt. Рисунки не вставлять в рамки или полотно.

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит только его номер (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) и располагается по центру под рисунком (например, *Рис. 1*). Все тексты и обозначения на рисунке даются шрифтом размером 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt с одинарным интервалом; цифровые обозначения на линиях выносок и номер рисунка даются курсивом. Буквенные обозначения фрагментов рисунка (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, *a*); интервалы: перед рисунком и после него 6 pt. Ширина рисунка не более 16,5 см.

Перечень основных тематических направлений журнала:

- Философские науки
- Экономика и управление народным хозяйством
- Социологические исследования

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru